

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2023 г., том 30, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

**НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА СИБИРИ
В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ**

Куперштох Н.А. Научно-образовательный комплекс Сибири в 1945–1965 гг.: проблемы и решения в рамках советской парадигмы	5
Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в концептосфере новосибирской научной этносоциологической школы	14
Запороженко Г.М., Шелегина О.Н. Культура Сибири в контексте общественно-политических процессов в постсоветский период: направления научного поиска	24
Ерохина Е.А. Образовательная политика и проблемы двуязычия в современной России	33

ЭТНОГРАФИЯ

Майничева А.Ю. Этнокультурная память в конструировании картины мира: сибирские православные церкви в XX – первой четверти XXI в.	40
Костров А.В., Левитина Л.Ф. Текстильные предметы культовой практики семейских старообрядцев в собрании Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова	48
Бураева С.В., Бураева О.В. Шаманизм эвенков Нижней Тунгуски: визуальные материалы из фонда П.П. Хороших, 1930 г. . .	58
Рублева А.А. Потомки белорусских переселенцев Притомья: культура и идентичность (по материалам полевых исследований 2022 г.)	65
Красавина М.В. Женский этнический костюм в праздничных практиках коренных малочисленных народов юга Сибири рубежа XX–XXI вв.	74
Персидская О.А. Этническая идентичность жителей Новосибирска в контексте интеграционных и дезинтеграционных процессов в городском сообществе	81

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мамонова Ю.О. Взгляд иностранных военных корреспондентов на морально-психологическое состояние русской армии в Маньчжурии в 1904–1905 гг.	88
Свержевская М.И. Деятельность СОПС АН СССР по изучению Бурят-Монгольской АССР в первой половине 1930-х гг.	95
Андреев С.Н. Строительство совхозов и укрупнение колхозов в середине 1950-х – первой половине 1960-х гг. по работам советских исследователей	102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шарапов С.В. Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 8–11 сентября 2022 г.)	109
Артемьева Е.Б., Минаков А.Г. Международная научно-практическая конференция «Наука, технологии и информация в библиотеках (Libway-2023)»	112
Томилов Н.А. Рецензия на кн.: Новации в музейном мире. Музейный мир А.М. Разгона: Сборник документов и материалов / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. М.: Квадрига, 2022. 416 с.	115
Поздравляем Владимира Ивановича Шишкина с юбилеем!	118

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, профессор *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашидэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингдаус* (Германия), д-р ист. наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН, профессор *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреев*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук, профессор *А.В. Горбатов* (Кемерово), д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, канд. ист. наук *В.В. Журавлев* (Новосибирск), д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р ист. наук, профессор *М.К. Чуркин* (Омск), д-р ист. наук *Д.Н. Шевелев* (Томск), д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.06.23. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 152.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2023, vol. 30, N 2

CONTENTS

**SCIENCE, EDUCATION, CULTURE OF SIBERIA
IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD**

Kuperstokh N.A. Scientific and Educational Complex of Siberia in 1945–1965: Problems And Solutions Within the Soviet Paradigm . .	5
Popkov Yu.V. Ethno-social processes in the concept sphere of the Novosibirsk scientific ethnosociological school	14
Zaporozhchenko G.M., Shelegina O.N. Culture of Siberia in the context of socio-political processes in the post-Soviet period: directions of scientific research	24
Erokhina E.A. Educational policy and problems of bilingualism in modern Russia.	33

ETHNOGRAPHY

Mainicheva A.Yu. Ethno-cultural memory in constructing a picture of the world: Siberian Orthodox churches in the XX – The First Quarter Of The XXI Centuries	40
Kostrov A.V., Levitina L.F. Textile objects of the cult practice of the Semeiskys Old Believers in the collection of the M.N. Khangalov Museum of History of Buryatia	48
Buraeva S.V., Buraeva O.V. Shamanism of the Evenks of Nizhnaya Tunguska River: visual materials from the fond of P.P. Khoroshikh, 1930	58
Rubleva A.A. Descendants of the Belarusian settlers of the Tom river region: culture and identity (based on the materials of field research in 2022)	65
Krasavina M.V. Women's ethnic costume in the festive practices of the indigenous small peoples of southern Siberia at the turn of the 20th – 21st centuries.	74
Persidskaya O.A. Ethnic identity of Novosibirsk residents in the context of integration and disintegration processes in the urban community	81

NATIONAL HISTORY

Mamonova Yu.O. Foreign war correspondents' views on the moral and psychological state of the Russian army in Manchuria in 1904–1905	88
Sverzhetskaya M.I. Scientific activities of the Council for the Study of Productive Forces of the Academy of Sciences of the USSR for the study of Buryat-Mongolia in the first half of the 1930s	95
Andreenkov S.N. Construction of state farms and consolidation of collective farms in the mid-1950s – first half of the 1960s in the works of Soviet researchers	102

SCIENTIFIC LIFE

Sharapov S.V. All-Russian youth scientific school-conference with international participation «Actual problems of historical research: view of young scientists» (Novosibirsk, September 8–11, 2022)	109
Artemyeva E.B., Minakov A.G. International Scientific and Practical Conference «Science, Technology and Information in Libraries (libway-2023)»	112
Tomilov N.A. Book review: Innovations in the museum world. Museum world of A.M. Acceleration: Collection of documents and materials. Ed. by I.V. Chuvilova, O.N. Shelegina. Moscow: Kvadriga, 2022. 416 p.	115
Congratulations to V.I. Shishkin on his anniversary!	118

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
(“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

Founders: **Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *M.K. Churkin* (Omsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.V. Gorbatov* (Kemerovo), Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences *D.N. Shevelev* (Tomsk), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*, Candidate of historical Sciences *V.V. Zhuravlev* (Novosibirsk)

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090
Russian Federation
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russian Federation

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

DOI: 10.15372/HSS20230201
УДК 94:001.32+378(47)"1945/1965"

Н.А. КУПЕРШТОХ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС СИБИРИ В 1945–1965 гг.: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ В РАМКАХ СОВЕТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье проанализированы основные тенденции развития научно-образовательного потенциала Сибири в 1945–1965 гг. Рассмотрены проблемы деятельности вузов и академических учреждений, особенности научно-образовательной политики государства в первом и во втором послевоенном десятилетии. В этот период произошел переход от позднесталинской модели развития к модели периода «оттепели» с элементами гражданского общества. Рубежной вехой явился XX съезд КПСС (1956), определивший новые векторы развития образования, науки и техники в СССР. Раскрыта суть мобилизационных механизмов в сфере науки и образования в рамках советской парадигмы.

Ключевые слова: Сибирский регион, научно-образовательный потенциал, государственная научно-образовательная политика, вузы и академические учреждения Сибири.

Для цитирования: Куперштох Н.А. Научно-образовательный комплекс Сибири в 1945–1965 гг.: проблемы и решения в рамках советской парадигмы // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 5–13. DOI: 10.15372/HSS20230201.

N.A. KUPERSHTOKH

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL COMPLEX OF SIBERIA IN 1945–1965: PROBLEMS AND SOLUTIONS WITHIN THE SOVIET PARADIGM

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article analyzes the main trends in the development of the scientific and educational potential of Siberia in 1945–1965. A significant contribution to the historiography of the problem was made by such researchers as E.T. Artemov, E.G. Vodichev, V.N. Kazarin, V.P. Korzun, N.P. Korobkova, S.A. Krasilnikov, N.A. Kupershtokh, T.N. Ostashko, L.I. Pystina, V.G. Ryzhenko, V.Sh. Nazimova and others. The phenomenon of the development of science and education in a totalitarian society, including the regional aspect, was also studied by foreign researchers: L. Graham, P. Josephson and others.

The article considers the problems of the activity of universities and academic institutions, the features of scientific and educational policy of the state in the first and second decades. During this period, there was a transition from the late Stalinist model of development to the model of the “thaw” period with elements of civil society. The 20th Congress of the CPSU (1956), which defined new vectors for the development of education, science and technology in the USSR, became a milestone. The concentration of state resources in certain areas of scientific and technological progress soon yielded results: the Soviet Union was the first to launch a space satellite with a man on board, and set a course for the accelerated develop-

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1522-1837>.

Natalia A. Kupershtokh – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ment of the country's eastern regions. In the course of studying the problem, it was established that the model of catching up education formed in the 1930s with such characteristic features as an extensive increase in the number of universities, personnel training based on proven knowledge determined the development of the higher education segment in 1945–1965. However, the research shows that the old model had sprouts of a new one: the classical universities of Tomsk, Novosibirsk, Irkutsk, a number of technical universities started to train personnel in relevant specialties, integrating with the potential of academic institutions.

The mid-1950s became an important milestone in the process of modernization of Soviet society, its model has undergone a major transformation in the course of reforms during the “thaw” period. The leadership of the country, represented by N.S. Khrushchev decided to make the most of the scientific and technological factor and not only strengthen the status of the USSR as a world superpower with its help, but also achieve an increase in the standard of living of the Soviet people. The problems of accelerating scientific and technological progress were the subject of special discussion at congresses and plenums of the Central Committee of the CPSU. Their decisions played an important role in changing the attitude towards science and education on the part of the state. A significant adjustment occurred in the regional science and technology policy. The organization of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences – the country's first comprehensive interdisciplinary center became the most striking result of the implementation of this policy.

Key words: *Siberian region, scientific and educational potential, state scientific and educational policy, universities and academic institutions of Siberia.*

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность заявленной проблемы коренится в усилении роли образования и науки в модернизационных процессах страны во второй половине XX в. Установлено, что с середины 1950-х гг. начался активный поиск новых подходов к развитию научно-образовательного сегмента, а XX съезд КПСС (1956) определил новые векторы научно-образовательной политики. Цель статьи – проанализировать основные тенденции развития научно-образовательного потенциала Сибири в 1945–1965 гг. Хронологические рамки заданы периодом, в котором произошел переход от позднесталинской модели развития к модели периода «оттепели» с элементами гражданского общества. Научная новизна состоит в выявлении основных тенденций развития науки и образования и их сравнения в первом и втором послевоенных десятилетиях. Методологической основой исследования выступает теория познания в сочетании с принципами объективности, историзма и научности.

Первые сводные результаты изучения истории культуры, науки и образования региона содержатся в пятом томе коллективного труда [История Сибири, 1969, т. 5]. Авторами разделов являлись Ф.А. Лукинский, И.А. Молетотов, В.М. Зими́на, Т.А. Раменская, Б.С. Санжиев и др. В 1970-е – начале 1990-х гг. можно говорить о системном изучении этой проблемы в Новосибирске, Омске, Кемерово. Новосибирской школой профессора В.Л. Соскина сформулированы представления о науке как социальном институте, к его изучению приступили Е.Т. Артемов, Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, Т.Н. Осташко, Л.И. Пыстина и др. Подходы к изучению социокультурных процессов через феномен «культурных гнезд» реализовали омские историки В.Г. Рыженко, В.П. Корзун, В.Ш. Назимова. Заметный вклад в историографию проблемы внес коллектив во главе с профессором Г.Г. Халиулиным в Кемерово.

Углубление исследований постсоветского периода происходило в направлении изучения экстернатного фактора (взаимоотношения с властью, мобилизационные стратегии), а также сугубо научных проблем. История изучения регионального сегмента деятельности институтов науки и образования получила обобщение в ряде монографий: [Артемов, 2006; Водичев, 2012; Казарин, 1998; Купершток, 2006; Петрик, 2006; и др.], в том числе томских вузов и их научных школ – под руководством профессора С.Ф. Фоминых. К феномену развития науки и образования в тоталитарном обществе, включая региональный аспект, обращались как российские [Трансформация образа..., 2011], так и зарубежные исследователи (Л. Грэхэм, П. Джозефсон, К. Татарченко и др.). Источниковой базой нашего исследования послужили материалы центральных и местных архивов, опубликованные сборники документов, справочные издания, материалы периодической печати.

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В послевоенные годы восстановление экономики страны напрямую зависело от темпов подготовки специалистов. Постепенно наращивалась численность преподавательского состава и студентов, укреплялась материально-техническая база вузов. В 1945/46 учебном году высшая школа Сибири объединяла 53 учебных заведения (более половины вузов располагались в Западной Сибири) [Водичев, Коробкова, Литвинов, 2009, с. 358]. Крупными вузовскими центрами оставались Томск, Омск, Новосибирск, Иркутск. Реформа организации управления высшей школой (1946) привела к упорядочению отраслевой сети вузов и более равномерному их размещению на территории страны. С этого времени можно отчетливо видеть региональный аспект в образовательной политике государства [Водичев, 2020, с. 98].

Ведущими центрами образования и науки являлись классические университеты в Томске и Иркутске. Для укрепления их исследовательского потенциала был принят ряд мер, в частности, организован Физико-химический институт при ИркГУ (1947). Для того чтобы добиться таких решений, вузам необходимо было предъявить весомые доказательства своей успешной деятельности. Так, ИркГУ после войны открыл новые факультеты и кафедры, создал условия для защиты кандидатских и докторских диссертаций [Казарин, 1998, с. 112]. Существенно расширилась сеть технических вузов. Флагманом в этом сегменте оставался Томский политехнический институт (ТПИ), постановление «О мерах по укреплению материально-технической базы Томского политехнического института» (1949) наметило дальнейшие перспективы его укрепления. Потенциал технического образования прирос организацией Томского института инженеров по строительству элеваторов (1952), преобразованного в Томский инженерно-строительный институт (1958). Мощный рывок в развитии технического образования произошел в Новосибирске: здесь были организованы Новосибирский институт инженеров водного транспорта (1951), Новосибирский электротехнический институт (1953), Новосибирский электротехнический институт связи (1953), продолжал готовить кадры Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта.

В отраслевой системе вузов значительную долю составляли педагогические институты. С закрытием учительских институтов потребность в кадрах учителей оставалась чрезвычайно острой. Проблемой для многих вузов являлось состояние их материальной базы. Так, в Омском педагогическом институте в 1948 г. на 6 факультетах имелось всего 17 учебных аудиторий, а студенты занимались в три смены. Собообщившая об этом факте «Омская правда» упрекала дирекцию вуза в недостатке инициативы по поиску дополнительных учебных площадей, а городские власти – в слабой помощи вузам Омска [Образование, наука, культура ..., 2009, с. 424]. В то же время в сфере педагогического образования наметились новые тенденции: на факультетах вводилась более узкая специализация, был организован первый в Сибири Иркутский педагогический институт иностранных языков (1948).

В середине 50-х гг. XX в. стратегия по ускоренному развитию восточных регионов СССР в значительной мере опиралась на вузовский потенциал. В 1955 г. в Сибири действовали 58 вузов (в Западной – 37, в Восточной – 19), при вузах работали 7 научно-исследовательских учреждений, история которых восходит к созданию Сибирского физико-технического института при Томском государственном университете (ТГУ) по инициативе профессора

В.Д. Кузнецова (1928). Дефицит докторов и кандидатов наук преодолевался за счет расширения работы отделов аспирантуры: в начале 1950-х гг. она действовала в 24 вузах Сибири, в середине 1950-х гг. – в 32 вузах и 6 НИУ. Подготовка кадров осуществлялась также в докторантуре АН СССР. [Научно-образовательный потенциал Сибири, 2009, с. 239, 242–243]. Свыше четверти всех докторов наук трудились в вузах Томска, значительная часть – в вузах Новосибирска, Иркутска, Омска. Распределение кандидатов наук по вузам региона было более равномерным.

После XX съезда КПСС была поставлена задача существенного укрепления вузовского потенциала и контроля за этим процессом партийных органов. В 1956 г. Омский горисполком просил ЦК партии обязать Министерство высшего образования выделить средства на строительство жилья для преподавателей вузов, а также для укрепления учебно-опытных хозяйств сельскохозяйственному и ветеринарному институтам¹. Иркутский обком КПСС сигнализировал, что более трети студентов города проживали в неблагоустроенных общежитиях или снимали «углы» в частных квартирах². Изучив обращения, ЦК зафиксировал «отсутствие достаточного внимания к нуждам высших учебных заведений» со стороны местных партийных органов и обязал их усилить работу в этом направлении³.

Промышленное развитие Сибири нуждалось в современных специалистах, что напрямую влияло на развитие технического образования. Однако распределение инженерно-технических вузов было неравномерным. Из 19 вузов этого профиля только 3 находились в Восточной Сибири – Иркутской области и Красноярском крае. Недостаток инженерных кадров призван был устранить Красноярский политехнический институт (1956), который быстро преодолел стадию становления, уже к началу 1960-х гг. в нем обучалось около 3 тыс. студентов по 17 специальностям [Петрик, 2006, с. 85]. В дальнейшем у вуза появилось несколько филиалов, в частности, завод-втуз (1960), преобразованный в Красноярский институт космической техники (1989).

В Западной Сибири расширялась специализация на новых факультетах вузов. Так, в ТПИ по сравнению с серединой 1940-х гг. число факультетов увеличилось почти в 2 раза. Усилению потенциала высшей школы способствовало решение открыть при ведущих вузах исследовательские подразделения (1956), к началу 1960-х гг. было организовано 28 таких структур, главным образом при ТГУ и ТПИ [Водичев,

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Ф. 5. Оп. 37. Д. 2. Л. 38–39.

² Там же. Л. 60.

³ Там же. Л. 96.

2019, с. 60]. Однако в целом уровень научной работы в вузах часто признавался неудовлетворительным и становился предметом обсуждения в различных инстанциях. Системная причина этого крылась в неэффективном включении высшей школы в советскую систему научного производства.

В конце 1950-х гг. вузовские центры условно делились на три категории. Лидером являлась Новосибирская область, сосредоточившая пятую часть учебных заведений Сибири. Здесь открылись вузы нового профиля – Государственная консерватория (1956) и Институт советской кооперативной торговли (1956). Новым трендом университетского образования стало открытие НГУ как составной части научно-образовательного комплекса (1959) [Новосибирский государственный университет ..., 2019]. Разветвленную сеть вузов имели Алтайский и Красноярский края, Иркутская, Омская, Томская и Кемеровская области. Вузовскую «периферию» олицетворяли национальные районы (Бурятия, Горный Алтай, Хакасия, Тува), а также Читинская и Тюменская области [Петрик, 2006, с. 81]. Сеть вузов стала более адекватно отражать потребности экономики региона. Освоение целины повлекло организацию сельскохозяйственных институтов в Красноярске, Тюмени и других городах. Сеть медицинских институтов охватила почти все областные и краевые центры Сибири.

Новые правила приема в вузы (1957) ускорили формирование на базе стационарных вузов устойчивой системы заочного и вечернего образования. Ряд заочных отделений технических вузов перерос в факультеты, что позволило расширить отраслевой спектр подготовки специалистов. Так, одновременно с преобразованием Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения в Алтайский политехнический институт (АПИ, 1959) его Рубцовский филиал стал вечерним факультетом [Коробкова, Козлов, 2017, с. 72]. В 1958 г. доля обучающихся без отрыва от производства увеличилась по сравнению с 1946 г. более чем в 2,5 раза и составила в выпуске специалистов 20 % [История Сибири, т. 5, 1969, с. 279], что помогло решить проблему кадрового дефицита.

Региональные пропорции в распределении сети вузов страны, сложившиеся к середине 1960-х гг., сохранялись на протяжении второй половины XX в. Доля Сибири составляла 14 % по количеству вузов [Водичев, Коробкова, Литвинов, 2009, с. 360]. В сравнении с масштабностью задач освоения региона сибирские вузы были не в состоянии обеспечить подготовку необходимых для экономики специалистов в полном объеме. Модель догоняющего образования с экстенсивным ростом количества вузов и подготовкой кадров на основе апробированных знаний определяла развитие сегмента высшего образования и в 1945–1965 гг. [Коробкова, Козлов, 2017, с. 70]. Одна-

ко в старой модели появились ростки нового: классические университеты Сибири (ТГУ, ИркутГУ, НГУ), ряд технических вузов наращивали исследовательский задел и начали готовить кадры по актуальным специальностям, интегрируясь с потенциалом академических институтов.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ

Во время празднования 220-летия Академии наук СССР (июнь 1945) с участием зарубежных ученых советскую науку называли частью мировой науки. Однако вскоре ее вернули в привычное идеологическое поле, а основными чертами называли партийность, плановость, практицизм, народность и т.п. [Трансформация образа ..., 2011, с. 123]. Перед учеными были поставлены конкретные задачи – содействовать изучению и развитию производительных сил страны для скорейшего восстановления экономики. В регионах опорными пунктами для реализации этой стратегии являлись филиалы АН СССР. Положение о филиале (1941) предписывало развивать научные исследования в русле прикладных задач в интересах того района, где филиалы создавались.

Первый в регионе Западно-Сибирский филиал (ЗСФ) Академии наук в составе 4 институтов был организован в годы войны (1943). Еще в довоенном проекте филиала подчеркивалось, что «Новосибирск, расположенный на скрещении великого Сибирского пути, <...> является одним из крупнейших по населению и промышленному развитию городов Союза»⁴. Несмотря на весомые доводы томичей, желавших, чтобы ЗСФ разместился в Томске, предпочтение было отдано Новосибирску [Куперштох, 2014, с. 38]. Кадровую основу филиала составили сотрудники сибирских (в основном томских) вузов и отраслевых лабораторий. Возглавил ЗСФ академик А.А. Скочинский. В 1946 г. значительная часть кадров ЗСФ все еще находилась в Томске и испытывала серьезные затруднения в своей работе [Наука и ученые ..., 2021, с. 321–324]. К середине 1950-х гг. 6 институтов ЗСФ (транспортно-энергетический, радиофизики и электроники, геологии, горного дела, химико-металлургический, биологический), 2 отдела и Ботанический сад функционировали уже в Новосибирске под руководством профессора Т.Ф. Горбачева.

В связи с продолжением реализации Ангаро-Енисейской программы научная общественность Иркутской области добилась проведения Всесоюзной конференции по изучению производительных сил региона (август 1947)⁵. Ее участники высказались за

⁴ Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1335. Л. 62–63.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 1. Л. 145–147.

организацию Восточно-Сибирского филиала (ВСФ) АН СССР. Было решено создавать научные учреждения, исходя из того комплекса задач, которые стояли перед экономикой Восточной Сибири [Куперштох, 2013, с. 41]. В постановлении СМ СССР об организации ВСФ в Иркутске (1949) на первом этапе предписывалось создать 2 института (геологии, а также энергетики и химии), 2 сектора (биологический и экономико-географический), на втором этапе – другие институты и подразделения⁶. Становление ВСФ происходило во многом благодаря научным школам ИркГУ. В течение первого десятилетия своего существования под руководством чл.-кор. АН СССР В.В. Звонкова, профессоров Е.В. Павловского и В.А. Кротова ученые филиала внесли существенный вклад в изучение минерально-сырьевых ресурсов региона.

Изучение Якутии, уникального региона в климатическом и ресурсном отношении, вступило в новый этап со времени принятия решения о создании здесь сначала Якутской научно-исследовательской базы (1947), а затем Якутского филиала АН СССР (1949) [Куперштох, 2006, с. 337–338]. В составе ЯФ действовали Институт языка, литературы и истории, Институт биологии, несколько секторов, лабораторий и станция по изучению космических лучей. Под руководством чл.-кор. АН СССР Н.А. Цытовича и профессора В.П. Дадыкина якутские ученые работали не только в интересах региона. В кооперации с центральными НИУ формировались «островки» фундаментальной науки в области физики космических лучей и мерзлотоведения.

В середине 1950-х гг. из 13 филиалов Академии наук СССР в Сибирском регионе находились три: Западно-Сибирский, Якутский и Восточно-Сибирский. Численность научных сотрудников академических подразделений региона составляла 470 чел. (в том числе 23 доктора и 180 кандидатов наук) [Научно-образовательный потенциал Сибири, 2009, с. 236, 239]. В составе филиалов действовали немногочисленные институты, отделы, лаборатории, станции. Первые институты физического профиля АН СССР были созданы в Красноярске (Институт физики, 1956) и Новосибирске (Институт радиофизики и электроники, 1957).

Филиалы Академии наук в Сибири решали задачи, направленные на изучение производительных сил конкретной территории. Деятельность филиалов координировалась в основном по вертикали и была замкнута на тематику профильных отделений Академии наук. Это объясняет, почему были слабыми связи си-

бирских филиалов между собой. Вместе с тем складывалась кооперация с центральными институтами АН СССР, а также с местными НИУ и вузами. Именно под патронажем центральных институтов развивались фундаментальные исследования, из которых впоследствии выросли институты СО АН/РАН с мировой известностью. Это Институт горного дела, Институт химии твердого тела и механохимии в Новосибирске; Лимнологический институт, Институт солнечно-земной физики в Иркутске; Институт космических исследований и аэронауки, Институт биологических проблем криолитозоны в Якутске; и др.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В программе развития научно-технического прогресса, принятой июльским пленумом ЦК КПСС (1955), роль координатора научных исследований в стране отводилась Академии наук СССР [КПСС в резолюциях ..., т. 7, 1971, с. 71–93]. Научное сообщество стало активно обсуждать назревшие проблемы, включая вопрос о чрезмерной концентрации «большой науки» в центре⁷. Опубликованное в прессе предложение ученых о пересмотре сети НИУ в пользу восточных районов вошло в доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и в план развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг. [Там же, с. 163–164]. Однако одного предложения было мало. Академики М.А. Лаврентьев, С.А. Христианович и С.Л. Соболев выступили с идеей создать Сибирское отделение АН СССР, которая вскоре оформилась в стратегию научного освоения региона. Конечно, эта идея не смогла бы реализоваться без поддержки государства, что выразилось в конкретных цифрах: на 1959–1965 гг. объем капиталовложений на развитие СО АН СССР составил 2,5 млрд руб., в 5 раз превысив финансирование остальной части Академии наук [Российская академия наук. Сибирское отделение: ..., 2007, с. 165]. Власть в данном случае в рамках советской мобилизационной модели сконцентрировала максимум ресурсов на выполнение провозглашенных целей [Кузнецов, 2011, с. 87].

В феврале 1957 г. идея создания междисциплинарного центра была обнародована на Общем собрании АН СССР. Его задачами провозглашались развитие фундаментальных исследований, передача научных разработок в практику, подготовка научных кадров, изучение и развитие производительных сил региона. Комитет по организации СО АН СССР во главе с М.А. Лаврентьевыми и его заместителем С.А. Христиановичем в оперативном порядке подго-

⁶ Научный архив Иркутского научного центра СО РАН (НА ИНЦ). Ф.1. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

⁷ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 4. Оп. 16. Д. 56. Л. 9, 11, 13–14.

товил необходимые документы. 18 мая 1957 г. были приняты постановления СМ СССР и ЦК КПСС о создании первого регионального отделения Академии наук СССР.

В 1957–1958 гг. оформились контуры нового научного центра на востоке страны. Председателем СО АН СССР избран академик М.А. Лаврентьев, его первым заместителем – академик С.А. Христианович. Был разработан Устав Отделения, созданы оргкомитет и Ученый совет, избран первый состав президиума, созданы объединенные ученые советы и важнейшие хозяйственные службы. В состав СО АН вошли Институт физики в Красноярске, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Якутский филиалы, а также дальневосточная группа НИУ (на ее основе в 1970 г. создан Дальневосточный центр АН СССР, затем Дальневосточное отделение АН/РАН). В организационный период Сибирского отделения (1957–1961 гг.) приоритетное развитие получил Новосибирский научный центр (ННЦ), тогда же были заложены основы для развития академической науки в Иркутске, Улан-Удэ, Якутске, других городах Сибири и Дальнего Востока.

Новосибирск не случайно стал организационным «штабом» Сибирского отделения. Город являлся промышленным, транспортным и культурным центром Сибири; в нем действовал ЗСФ; власти города выделили для научного центра обширную территорию, примыкающую к Обскому водохранилищу. В дальнейшем в новосибирском Академгородке сосредоточились руководящие органы СО АН СССР – президиум, объединенные ученые советы по направлениям наук, научные советы и комиссии, здесь проходили Общие собрания Отделения, многочисленные конференции и семинары.

Было бы наивным предполагать, что развитие науки определяли исключительно сами ученые. Кадровые вопросы находились на контроле не только в АН СССР, но и в соответствующих отделах ЦК КПСС. «Пятно» в биографии в результате репрессий часто становилось причиной отклонения кандидатуры конкретного ученого на руководящий пост или участия в академических выборах. Впрочем, не возбранялось принять такого ученого в штат института на рядовую должность. Ярким примером служат Институт цитологии и генетики, Институт геологии и геофизики, куда директора Н.П. Дубинин и А.А. Трофимук приглашали работать исследователей, прошедших суровые испытания.

Участниками первых академических выборов по Сибирскому отделению (1958) были ученые Москвы, Ленинграда, Львова, Киева. Из сибирских ученых академиком стал физик В.Д. Кузнецов, членами-корреспондентами АН избраны геологи Т.Ф. Горбачев, В.А. Кузнецов, Ю.А. Кузнецов Ф.Н. Шахов, гор-

няк Н.А. Чинакал. Академики А.Н. Несмеянов и А.В. Топчиев докладывали в ЦК, что накануне во всех отделениях Академии наук были проведены заседания партийных групп с обсуждением кандидатов, рекомендованных к избранию в члены АН СССР по Сибирскому отделению⁸.

Новосибирский научный центр (ННЦ) с самого начала создавался как мощный центр фундаментальных и прикладных исследований. На первом этапе организовано 15 новых институтов, включая крупную библиотеку (ГПНТБ). Приоритет был отдан дефицитным для Сибири институтам физико-математического и технического профиля, на втором месте стояли химические институты, на третьем – биологические и гуманитарные. Для того чтобы ННЦ функционировал как научно-образовательный комплекс, предусмотрена организация НГУ (1958, первый ректор – академик И.Н. Векуа). За основу обучения в НГУ принята модель Физтеха – индивидуальной работы студентов с преподавателями и ранней их специализации на профильных кафедрах.

Несмотря на отсев отдельных кандидатур, организаторам СО АН удалось привлечь на работу в ННЦ созвездие известных ученых – основателей научных школ. Сочетание различных научных школ породило феномен новосибирского Академгородка, о котором в 1960-е гг. узнали во всем мире [Куперштох, Крайнева, 2022, с. 7–8]. Формирование институтов «под директора» означало, что научный лидер создавал коллектив в соответствии со своей концепцией развития научных направлений. Институты возглавили выдающиеся ученые: С.Л. Соболев (математики с ВЦ); М.А. Лаврентьев (гидродинамики); С.А. Христианович (теоретической и прикладной механики); Г.И. Будкер (ядерной физики); Г.К. Боресков (катализа); и др. Междисциплинарность стала основой деятельности НИИ. Так, в Институте гидродинамики исследования проводились на стыке математики и механики, гидроэнергетики и физики. Центром исследований Института химической кинетики являлись проблемы физико-химии. В Институте катализа проблему каталитических реакций изучали химики, физики, математики, биологи.

В 1958–1959 гг. произошел стремительный кадровый рост НИИ. Для работы в новых институтах отбирались лучшие выпускники ведущих вузов страны. С целью скорейшей адаптации к новой среде молодые специалисты прибывали группами. Коллективы институтов пополняли также выпускники новосибирских и томских вузов. К 1961 г. в новых НИИ работали 1029 чел., причем доля специалистов из европейской части страны составляла свыше 90 %⁹.

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 29. Л. 6.

⁹ Рассчитано по данным: НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 28. Л. 139.

В ходе выездного заседания президиума АН СССР (1961) академик М.А. Лаврентьев доложил, что «задача по перебазированию крупных научных сил на восток страны и слиянию их с местными учеными в основном выполнена». Академик М.В. Келдыш подчеркнул значение ННЦ для развития фундаментальной науки в стране и выразил уверенность, что он окажет влияние на подъем производительных сил Сибири [Новосибирский научный центр, 1962, с. 26]. Для оптимистичных выводов имелись веские основания. В 1961 г. в составе ННЦ действовали уже свыше 20 институтов. Общая численность работающих превысила 4,5 тыс. чел, а численность научных сотрудников достигла 1602 чел.¹⁰

В организационный период основная доля выделяемых средств направлялась на развитие ННЦ, который сосредоточил половину институтов и более половины научных кадров Сибирского отделения. В документах отражены проблемы и трудности, с которыми столкнулись руководители СО АН СССР. Для ускорения темпов строительства новосибирского Академгородка М.А. Лаврентьев предпринял поистине героические усилия, чтобы возведение объектов было передано «Сибкадемстрою». В первых построенных зданиях (Института гидродинамики, Института геологии и геофизики) разместились сотрудники сразу нескольких институтов.

Научный центр в Сибири возводился невиданными темпами. За несколько лет был построен комплекс институтов, возведены жилые здания и культурно-бытовые учреждения. В 1964 г. Государственная комиссия подписала акт приемки в эксплуатацию новосибирского Академгородка. Важную культурную и коммуникативную роль стали играть Дом ученых и Выставочный центр. Для активизации научных контактов и размещения ученых построена гостиница «Золотая долина». В новом научном центре зародились культурные и общественно-политические новации, поскольку молодая научная интеллигенция отличалась повышенной социальной активностью [Шелегина, Куперштох, 2022]. И хотя концепция научного центра отражала тенденции развития мировой науки и разрабатывалась самими учеными, реализация проекта в Сибири в известной мере осуществлялась в рамках мобилизационной модели и, как показывают документы, проходила под неусыпным контролем партийно-государственных органов.

Концентрация в ННЦ высококвалифицированных специалистов, уникального оборудования, создание благоприятных условий для коммуникаций обеспечили «рывок» в развитии исследований по целому ряду направлений науки и техники. С организации

ННЦ начался процесс формирования академических научных центров по всей территории Сибири и Дальнего Востока. Создание СО АН СССР означало новый этап координации научно-образовательной политики на региональном уровне. Феномен междисциплинарного центра состоял в том, что впервые в рамках мобилизационной парадигмы значительную роль в определении вектора развития науки в регионе играли сами ученые.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первое послевоенное десятилетие в сфере науки и образования региона происходили динамичные изменения в формах обучения, масштабах сети учреждений, кадровом составе. Основную в количественном отношении часть научного потенциала формировал вузовский сегмент. По своей численности и квалификационному составу учреждения высшего профессионального образования превосходили потенциал академической науки. Вузы выполняли важную социальную функцию подготовки квалифицированных специалистов для региона. Однако ожидания от использования потенциальных возможностей вузовской науки в послевоенные годы не оправдывались вследствие ряда причин, прежде всего из-за того, что действовала инерционная модель догоняющего образования. Усилия филиалов АН СССР в регионе в условиях малочисленности кадров были сосредоточены в основном на изучении производительных сил и Сибири, и Дальнего Востока.

Середина 1950-х гг. стала важным рубежом в процессе модернизации советского общества, ее модель претерпела серьезную трансформацию в ходе реформ в период «оттепели». Руководство страны в лице Н.С. Хрущева решило максимально задействовать научно-технический фактор и с его помощью не только упрочить статус СССР как мировой сверхдержавы, но и добиться повышения уровня жизни советского народа. Проблемы ускорения научно-технического прогресса были предметом специального обсуждения на съездах и пленумах ЦК КПСС. Их решения сыграли важную роль в изменении отношения к науке и образованию со стороны государства. Существенная корректировка произошла в региональной научно-технической политике. Наиболее ярким результатом претворения этой политики в жизнь явилась организация Сибирского отделения АН СССР – первого в стране регионального отделения, а в его составе – создание комплексного междисциплинарного научного центра мирового уровня в Новосибирске. Потенциал академического сектора явился одним из драйверов развития и вузовского потенциала региона, в первую очередь через интеграцию в системе подготовки кадров по новым актуальным направлениям.

¹⁰ Рассчитано по данным: АРАН. Ф. 411. Оп. 57. Д. 187. Л. 188–192, 211; Д. 257. Л. 7–8; Д. 282. Л. 128–130.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Новосибирский научный центр / под ред. Г.С. Мигиренко. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. 206 с.

Артемьев Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 256 с.

Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2012. 348 с.

Водичев Е.Г. Наука и высшая школа: дихотомия мобилизационной парадигмы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 3, ч. 1. С. 58–78. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.1-58-78

Водичев Е.Г. На периферии науки: вузы на востоке СССР в период «позднего сталинизма» // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 92–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-08.pdf>

Водичев Е.Г., Коробкова Н.П., Литвинов А.В. Высшая школа на востоке России // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. I: А–И С. 355–362.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму / гл. ред. А.П. Окладников. 470 с.

Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 308 с.

Коробкова Н.П., Козлов В.А. Становление и развитие высшего образования в Алтайском крае (1941–1991 гг.): перипетии советского тренда // Изв. Алт. гос. ун-та. 2017. Вып. 1, № 5(97). С. 69–74. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-10

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. и испр. / под ред. П.Н. Федосеева, К.У. Черненко. М.: Политиздат, 1971. Т. 7: 1955–1959. 558 с.

Кузнецов И.С. Создание новосибирского Академгородка в контексте мобилизационной модели // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10: История. С. 86–91.

Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2006. 411 с.

Куперштох Н.А. Первый академический центр Восточной Сибири: проекты и реалии // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. 2013. № 2 (24). С. 37–45.

Куперштох Н.А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX века // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. № 2 (28). С. 32–40.

Куперштох Н., Крайнева И. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск: СО РАН, 2022. 320 с.

Наука и ученые в восточных регионах России в условиях мобилизационной парадигмы (1930-е – начало 1950-х годов): сб. док. / отв. ред. С.А. Красильников, Д.Г. Симонов. Новосибирск, 2021. 517 с.

Научно-образовательный потенциал Сибири в первой половине XX в.: динамика и механизмы развития / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. 250 с.

Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н.Н. Аблажей, Е.Г. Водичев, С.А. Красильников; отв. ред. М.П. Федорук. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 404 с.

Образование, наука, культура // Энциклопедия города Омска в 3 т. Т. 1. Омск от прошлого к настоящему (1716–2008) / Редкол.: Д.А. Алисов и др. Омск: ЛЕО–Издатель–Полиграфист, 2009. С. 424–439.

Петрик В.В. Высшая школа Сибири в конце 50-х – начале 90-х годов XX века. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. 648 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др.; отв. ред.: Н.Л. Добрецов, В.А. Ламин. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.

Шелегина О.Н., Куперштох Н.А. Исторический опыт и современные реалии в жизни научной молодежи Новосибирского научного центра // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 3 (35). С. 93–102. DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(3).93-102.

REFERENCES

Artemov E.T. (2006). Scientific and technological policy in the Soviet model of late industrial modernization. Moscow, ROSSPEN, 356 p. (In Russ.)

(2009). Education, science, culture. *Entsiklopediya goroda Omska: in 3 vol. Omsk, vol. 1: Omsk ot proshlogo k nastoyashchemu (1716–2008)*, pp. 424–439. (In Russ.)

Fedoruk M.P. (ed.) (2019). Novosibirsk State University: creation, formation, development (1959–2019). Novosibirsk, NGU, 404 p. (In Russ.)

Fedoshev P.N., Chernenko K.U. (eds.) (1971). CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 8th ed., rev. Vol. 7. 1955–1959. Moscow, Politizdat, 558 p. (In Russ.)

Kazarin V.N. (1998). Education, science and intellectuals in Eastern Siberia (the second half of the 40s – the mid-60s of the 20th century. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 308 p. (In Russ.)

Korobkova N.P., Kozlov V.A. (2017). Formation and development of higher education in the Altai Region (1941–1991): the vicissitudes of the Soviet trend. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5, pp. 69–74. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-10. (In Russ.)

Korzun V.P. (ed.) (2011). Transformation of the image of Soviet historical science in the first post-war decade: the second half of the 1940s – the mid-1950s. Moscow, ROSSPEN, 471 p. (In Russ.)

Krasilnikov S.A. (ed.) (2009). Scientific and educational potential of Siberia in the first half of the 20th century: dynamics and mechanisms of development. Novosibirsk, Izd-vo NGU, 250 p. (In Russ.)

Krasilnikov S.A., Simonov D.G. (eds.) (2021). Science and scientists in the eastern regions of Russia in the conditions of the mobilization paradigm (1930s – early 1950s): collection of documents. Novosibirsk, 517 p. (In Russ.)

Kupershtokh N.A. (2006). Scientific centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, Geo, 441 p. (In Russ.)

Kupershtokh N.A. (2013). The first academic center of Eastern Siberia: projects and realities. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. No. 2, pp. 37–45. (In Russ.)

Kupershtokh N.A. (2014). The West-Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR: projects and realities of the first half of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 2, pp. 32–40. (In Russ.)

Kupershtokh N., Kraineva I. (2022). Institutes of the Novosibirsk Scientific Center are named after them. Novosibirsk, SB RAS, 320 p. (In Russ.)

Kuznetsov I.S. (2011). Creation of the Novosibirsk Academgorodok in the context of the mobilization model. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 10, iss. 10, pp. 86–91. (In Russ.)

Migirenko G.S. (ed.) (1962). Academy of Sciences of the USSR. Siberian Branch. Novosibirsk Scientific Center. Novosibirsk, Izd-vo SO AN SSSR, 206 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (ed.) (1969). History of Siberia from ancient times to the present day: in 5 vol. Vol. 5. Siberia during the completion of the construction of socialism and the transition to communism. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 470 p. (In Russ.)

Petrik V.V. (2006). Higher school of Siberia in the late 50s – early 90s of the XX century. Tomsk, Tomsk. gos. un-t, 648 p. (In Russ.)

Shelegina O.N., Kupershtokh N.A. (2022). Historical experience and modern realities in the life of scientific youth of the Novosibirsk Scientific Center. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki*. Vol. 9, no. 3, pp. 93–102. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(3). 93–102. (In Russ.)

Vodichev E.G. (2020). On the periphery of science: universities in the east of the USSR in the period of “late Stalinism”. *Istoricheskiy kur'er*. No. 1, pp. 92–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKU-RIER-2020-1-08.pdf>. (In Russ.)

Vodichev E.G. (2012). Science in the east of the USSR in the conditions of the industrial paradigm. Novosibirsk, Geo, 348 p. (In Russ.)

Vodichev E.G. (2019). Science and higher school: the dichotomy of the mobilization paradigm. *Idei i idealy*. Vol. 11, no. 3, pt. 1, pp. 58–78. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.1-58-78. (In Russ.)

Vodichev E.G., Korobkova N.P., Litvinov A.V. (2009). Higher school in the east of Russia. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: in 3 vol.* Novosibirsk, vol. 1, pp. 355–362. (In Russ.)

Vodichev E.G., Krasil'nikov S.A., Lamin V.A. [et al.] (2007). Russian Academy of Science. Siberian Branch: a historical essay. Novosibirsk, Nauka, 510 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.03.2023

Дата рецензирования 13.03.2023

Статья принята к публикации 27.03.2023

DOI: 10.15372/HSS20230202
УДК 39:316.4+001.5(571.14)

Посвящается 55-летию сибирской этносоциологии

Ю.В. ПОПКОВ

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ НАУЧНОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Институт философии и права СО РАН,
РФ, Новосибирск, 630090, ул. Николаева, 8

В статье актуализируется и обобщается наследие новосибирской научной этносоциологической школы в исследовании этносоциальных процессов. Его специфика определяется особенностями применяемых теоретико-методологических инструментов, среди которых базовой является парадигма социального взаимодействия в его системно-деятельностной, диалектико-материалистической интерпретации. К фундаментальным результатам исследования принадлежит рассмотрение этносоциальных процессов в качестве основополагающей предметной области этносоциологии (научная проекция) и обобщенного объекта государственной национальной политики (политическая проекция). Концептуализация соответствующего понятия реализуется в понимании данных процессов как единства устойчивости и изменчивости в системе взаимодействия этносоциальных субъектов. Их рефлексия ведет к сохранению и укреплению потенциала этнокультурного разнообразия, которое является важным ресурсом цивилизационного развития и значимым фактором интеграции евразийского социокультурного пространства при условии позитивной роли механизмов государственного управления.

Ключевые слова: этнический феномен, этническая общность, этносоциальные процессы, межэтническое сообщество, этнокультурное разнообразие, евразийское социокультурное пространство, национальная политика, Россия, Сибирь.

Для цитирования: Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в концептосфере Новосибирской научной этносоциологической школы // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 14–23. DOI: 10.15372/HSS20230202.

Yu.V. POPKOV

ETHNOSOCIAL PROCESSES IN THE CONCEPT SPHERE OF THE NOVOSIBIRSK SCIENTIFIC ETHNOSOCIOLOGICAL SCHOOL

Institute of Philosophy and Law SB RAS,
8, Nikolaev st., 630090, Novosibirsk, Russian Federation

The author substantiates the relevance of the study of ethno-social processes by the need to revive domestic methodological traditions in ethnology in the situation of the observed ethnic renaissance and the dominance of Western research standards in modern Russian ethnology. They are manifested in the predominance of anthropological studies and liberal-constructivist methodological attitudes. As a result, many real topical problems remain “unidentified objects” for science and management. The author believes that the concept of “ethno-social processes” can reflect many manifestations of the ethnic phenomenon in its social dimension and dynamics. This is possible when using the paradigm of social interaction in its system-activity, dialectical-materialist interpretation. This methodology is successfully used by representatives of the Novosibirsk scientific ethno-sociological school. The article summarizes the legacy of this school in the study of ethno-social processes. Among the main results of the study there is consideration of ethno-social processes, firstly, as a fundamental subject area of ethno-sociology (scientific projection), and secondly, as a generalized object of the state national policy (political projection). The conceptualization of the corresponding concept is realized in the understanding of ethno-social processes as a unity of sustainability and changeability in the system of interaction of ethno-social subjects. Their reflection leads to the preservation and strengthening of the potential of ethno-cultural diversity, which is an important resource for civilizational development and a significant factor in the integration of the Eurasian socio-cultural space, upon condition of the positive role of public administration mechanisms. The ideas formulated by the author are reflected in the elaboration (with his participation) of the Concept of sustainable ethno-social development of the multinational community of the city of Novosibirsk, which has been approved as a normative document for the implementation of the state national policy at the municipal level.

Key words: ethnic phenomenon, ethnic community, ethno-social processes, inter-ethnic community, ethno-cultural diversity, Eurasian socio-cultural space, national policy, Russia, Siberia.

Юрий Владимирович Попков – д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, e-mail: yuripopkov54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>.

Yuriy V. Popkov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Chief Researcher of the Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В современной российской этнологии, если под ней понимать весь комплекс научных направлений, так или иначе связанных с анализом разных проявлений этнического феномена, доминирующими стали антропологические исследования. Ими в большинстве случаев заменяется традиционная этнографическая проблематика, причем уже на уровне обозначения конкретной тематики. Свидетельство тому – многочисленные научные форумы и публикации, которые имеют соответствующие названия: антропология пола, антропология гендера, антропология телесности, антропология детства, антропология повседневности, антропология языка, антропология движения, антропология города, антропология села, антропология религии, антропология власти, антропология права, антропология медицины, антропология идентичности, антропология доверия, антропология искусства, экономическая антропология, политическая антропология, юридическая антропология и т.п. Практически любые проявления жизни, и не только отдельных людей, но также социальных групп и общества в целом, теперь рассматриваются под антропологическим прицелом. Правда, часто авторы не отдают себе отчет в том, правомерно ли их исследование именовать антропологическим, просто следуют заданной установке, современной «моде».

А что же с традиционной отечественной этнографией? Этнографические исследования продолжают проводиться, но они, можно сказать, не находятся в тренде. В качестве самостоятельного научного направления в российском социогуманитарном знании сохраняется также этносоциология, ориентирующаяся на анализ социального измерения этнической тематики. В определенном смысле можно говорить о ее некотором фрагментарном оживлении применительно к отдельным проблемным сегментам. Это произошло, например, после принятия в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики РФ. В частности, актуализирована потребность в отслеживании состояния межнациональных (межэтнических) отношений, а главное, акцентирована необходимость измерения уровня общероссийской (гражданской) идентичности. Обеспечение высоких позитивных относительных (процентных) данных по этим позициям обозначено как достижение фундаментальных целевых показателей реализации Стратегии¹. Органы власти теперь обязаны привлекать исследователей

уже для того, чтобы обеспечить нужную отчетность по соответствующим показателям, что возможно лишь по итогам массовых социологических опросов.

Следовательно, можно говорить о своеобразном запросе к науке от властных структур. Данный факт актуализировал и обострил ряд важных вопросов, которые имеют одновременно и научное измерение. Отмечу два из них, связанных с обоснованием заявленной темы статьи.

Во-первых, часто такого рода исследования проводят не профессиональные этносоциологи, а тот, кто имеет выход и поддержку со стороны влиятельных властных или околотовластных структур, благодаря чему обладает возможностью получать солидное финансирование. Качество таких исследований далеко не всегда соответствует строгим научным требованиям, но зато они могут удовлетворять заданные формальные запросы. Органы власти вводятся в заблуждение, если отчетная информация не соответствует реальным процессам и проблемам.

Во-вторых, сама Стратегия, на мой взгляд, имеет серьезные концептуальные изъяны и пробелы, о чем мне уже приходилось неоднократно писать (см., напр.: [Попков, 2020]). Фундаментальный дефект состоит в том, что она базируется на либерально-конструктивистско-инструменталистской парадигме. В рамках данной методологической установки многие реальные проблемы и процессы общественной жизни оказываются «неопознанными объектами», т.е. не попадают в поле зрения исследователей, а следовательно, и последующего регулирующего воздействия со стороны органов власти. Так, в Стратегии никак не обозначен ее объект, что достаточно странно для документа государственного стратегического планирования. Но, по сути, в качестве такового рассматриваются межнациональные (межэтнические) отношения, поскольку именно им посвящен ее констатирующий раздел.

В действительности межэтнические отношения – это лишь внешние проявления более фундаментальных тенденций и процессов, которые лежат в их основе и которые целесообразно определить в качестве объекта национальной политики. На мой взгляд, таким объектом можно рассматривать этносоциальные процессы, взятые в их комплексности, целостности и системности.

Понятие этносоциальных процессов присутствует в российском обществоведении, однако не всегда употребление его строго соответствует содержанию данного понятия. После изданной в 1987 г. монографии Ю.В. Бромлея, непосредственно посвященной этой теме, специального анализа соответствующей проблемы практически не было. Исключение составляют исследования представителей новосибир-

¹ Указ Президента РФ № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70284810> (дата обращения: 12.02.2023).

ской научной этносоциологической школы (в качестве обобщающей работы см.: [Этносоциальные процессы..., 2015]).

Учитывая это обстоятельство и имея в виду практическую актуализацию указанной темы, главными целями статьи правомерно определить рассмотрение этносоциальных процессов в условиях этнического ренессанса и распространения западных теоретико-методологических традиций в российской этнологии; обобщение идейного наследия новосибирской школы этносоциологии по концептуальным вопросам исследования этносоциальных процессов в их научной и политической проекции.

Методологической основой исследования, задающей своеобразие трактовки заявленной темы, является парадигма социального взаимодействия в его системно-деятельностном представлении и диалектико-материалистической интерпретации [Фофанов, 1981; Попков, 2000], а также социокультурный подход с использованием эвристических возможностей двух его основных измерений – валюативного, основанного на аксиологической концепции культуры, и рефлексивного, базирующегося на представлении о развитии общества как взаимообусловленного развития (рефлексии) культур [Фофанов, 1999; Попков, Тюгашев, 2020]. Важными для нас являются также фундаментальные идеи академика А.П. Окладникова о диалектическом принципе всеобщей взаимосвязи явлений материальной и духовной жизни в развитии народов, единстве процессов этно- и культурогенеза, акценте на локусе евразийского социокультурного пространства [Окладников, 1973].

ЭТНИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС И АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Известно, что марксизм и либерализм, как влиятельные в философии и политике доктрины XX в., являются абсолютными противниками по базовым, а также и широкому спектру второстепенных вопросов, касающихся глубинных тенденций общественного развития. При этом они, по сути, сходятся в оценке роли этнического фактора в общественном развитии: признают его неизбежное угасание по мере технико-технологического прогресса. Однако вопреки этим фундаментальным прогнозам этнический феномен не потерял своей значимости не только в прошлом, но и в современности. Мало того, его повсеместное оживление в конце прошлого века, которое часто имело взрывной характер, привело в замешательство не только политиков, но и ученых.

Произошедший на фоне всеобъемлющей глобализации этнобум, этнический ренессанс был воспринят как «этнический парадокс». На самом деле отождествлять эти два явления – этнический ренессанс и

этнический парадокс – неправомерно, поскольку, на мой взгляд, первый имеет онтологическую природу и во многом связан как раз с глобализацией, точнее, с противодействием ей – с выражением протеста против унифицирующих тенденций развития, а второй имеет природу гносеологическую. В последнем случае речь идет о ситуации, когда господствующие парадигмальные представления об этническом феномене, в том числе о снижении его роли в ходе истории, пришли в противоречие с реальностью. В жизни произошло то, чего не должно было быть, но только лишь с позиций доминирующих концепций будущего, а не логики самой реальности.

Применительно к нашему государству ситуация усугубилась процессом распада СССР, который справедливо оценивается как геополитическая, а я бы добавил – внутривнутриполитическая и социально-экономическая – катастрофа. Началось насаждаемое с помощью всех возможных институциональных механизмов вхождение страны в «цивилизованный» западный мир. Кардинальные трансформации затронули и сферу социогуманитарного знания: «Закат советского проекта совпал с глобальным ментальным сдвигом от модернизма к постмодернизму» [Головнев, 2012, с. 6]. Отказ от всего отечественного касался и опыта исследования этнического феномена. Произошло отрицание многовековых традиций русского и советского народоведения (этнографии), о богатом наследии и признанных достижениях которого в последнее время активно пишет А.В. Головнев [2018, 2022].

В противовес диалектико-материалистическому представлению о народах (этнотесах, этнических общностях – в отечественной терминологии) как о реальных феноменах, включенных в закономерный процесс общественного развития, постмодернистскими, либерально-конструктивистскими установками отвергается их реальность, а в качестве таковой признается лишь некий универсальный человек с его идентичностью. Такие установки дополнялись настойчивыми попытками «похоронить» этнос, а вместе с ним и этнографию, заменив их соответственно на этничность, под которой имеется в виду, как правило, персональная идентичность, и антропологию, т.е. стремлением внедрить в нашу жизнь «прогрессивные» западные стандарты [Тишков 2003, 2020] (см. об этом подробно: [Попков, 2023]).

К счастью, и сама общественная жизнь, и усилия многих российских исследователей не позволили сыграть «реквием» по этносу и этнографии (народоведению), а также и по другим направлениям изысканий в рамках рассматриваемой области науки, включая этносоциологию. Но это произошло не без трудностей, издержек и потерь. Например, в настоя-

шее время этнография исключена из вузовского образовательного стандарта, там присутствует только антропология и этнология². А многие исследователи, в том числе коллеги-этносоциологи, «перекрасились» и стали называть себя сторонниками конструктивистской методологической установки, правда, чаще всего стихийно, по инерции, без должного анализа того смысла, который стоит за произошедшей мимикрией.

Тем не менее в широком потоке разнопредметных и разнофокусных исследований этнического феномена не все сводят его к этничности. И даже если этничность некоторые рассматривают в качестве основного объекта своего научного интереса или предмета изучения всей науки (этнографии или этнологии), далеко не всегда она ограничивается идентичностью, а предполагает изучение разноплановых проявлений элементов материальной и духовной этнической культуры.

Важно также обратить внимание на крупнейшую, точнее, фундаментальную проблему. Интерпретация этничности как поглощающей чуть ли не все предметное поле этнологии (в широком ее понимании) не вполне корректна, на мой взгляд. Дело в том, что с точки зрения морфемного состава слова, суффикс -ость характеризует существительное со значением «абстрактного признака или состояния, отвлеченного от его носителя»³. Этничность, таким образом, характеризует лишь некоторое свойство (при этом не ясно, свойством чего или кого именно она является), поэтому соответствующее понятие «покрывает» далеко не весь объем содержания этнического феномена.

Я считаю, что понятием, которое способно охватить многие проявления рассматриваемого феномена, особенно взятого в его социальном измерении и динамике, является понятие этносоциального процесса (или этносоциальных процессов). Будучи, на мой взгляд, составной частью понятийного аппарата этносоциологии, оно использовалось ранее и продолжает использоваться представителями разных научных дисциплин, однако редко употребляется в строгом смысле этого слова, еще реже подвергается необходимой концептуализации.

Так, Ю.В. Бромлею в упомянутой книге, специально посвященной этносоциальным процессам [1987], определить их специфику, в принципе, не удалось, поскольку он отождествляет их в одних случа-

ях – с национальными процессами, в других – с этническими процессами, о чем мы уже писали [Попков, Тюгашев, 2009]. Видимо, не случайно в изданном позднее специальном словаре «Этнические и этносоциальные категории» статья об этносоциальных процессах отсутствует [Этнические и этносоциальные категории, 1995].

В 2016 г. в Институте этнологии и антропологии РАН опубликован объемный сборник статей, посвященный 50-летию структурного подразделения этого учреждения (ранее – Института этнографии АН СССР), где зарождалась и развивалась этносоциология, и памяти его родоначальника Ю.В. Арутюняна. Из размещенных здесь 68 статей ни одна не затрагивает непосредственно этносоциальные процессы [Этносоциология ..., 2016]. В 2022 г. вышел новый аналогичный сборник, посвященный 55-летию юбилею отечественной этносоциологии и памяти ее основателей – Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробизевой, М.Н. Губогло. В нем из 71 статьи лишь одна затрагивает этносоциальные процессы, а в названиях разделов данные процессы употребляются наряду с этнодемографическими и этнокультурными процессами [Этносоциология..., 2022].

В Казани с 2014 г. проводится интересное и важное мероприятие – Всероссийская научно-практическая конференция «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» (периодичность – раз в два года). Но и здесь обсуждение содержания собственно этносоциальных процессов, по сути, не принимается. Например, на последней из конференций лишь мой доклад был посвящен концептуализации данной проблемы [Позитивный опыт..., 2022].

Однако, даже если само понятие этносоциальных процессов используется исследователями, оно, как уже было отмечено, часто применяется интуитивно, некатегориально, а порой и просто некорректно. Так, коллеги-историки Д.Я. Резун и М.В. Шиловский посвятили свою монографию, как заявлено в ее названии, фронтирным исследованиям в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов Сибири в конце XVI – начале XX в. [Резун, Шиловский, 2005]. В ней обсуждается широкий круг вопросов взаимоотношений «метрополии и колонии» и рассматриваются некоторые сюжеты, касающиеся этнической составляющей развития (взаимоотношения мигрантов и местных, особенности менталитета русского человека в Сибири), но собственно этносоциальные процессы по сути не анализируются. Сотрудники сектора этносоциологии (который в 2021 г. переименован в Центр этносоциологических исследований) Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН недавно опубликовали обобщающую монографию «Эт-

² ФГОС 46.04.03 Антропология и этнология [Электронный ресурс] // ФГОС. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-46-04-03-antropologiya-i-etnologiya-1056/> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Отвлеченные существительные с суффиксом -ость- [Электронный ресурс] // Русский язык. URL: <https://russkiyazyk.ru/sostav-slova/suffixes/primery-suffixsom-ost.html> (дата обращения: 10.01.2023).

носоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития». Однако этносоциальная проблематика в ряде разделов ими вообще не рассматривается (или присутствует в виде небольших фрагментов), а речь идет не о собственно этносоциальных, а о социальных процессах в данном субъекте федерации в целом или об отдельных сегментах общественной жизни, например, о сфере традиционного хозяйства Севера [Этносоциальные процессы в Якутии, 2020, разд. 1.1–1.3].

По моему убеждению, об этносоциальных процессах и этносоциальном ракурсе можно говорить лишь тогда, когда действительность или отдельные явления рассматриваются сквозь призму присутствия и взаимодействия этносоциальных субъектов. Именно такой подход концептуально проработан представителями новосибирской научной этносоциологической школы.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ НОВОСИБИРСКИХ ЭТНОСОЦИОЛОГОВ

В свое время не только главный создатель теории этноса Ю.В. Бромлей, но и основатели этносоциологии Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева говорили об особой значимости для данного научного направления исследования и прогнозирования этносоциальных процессов [Арутюнян, Дробижева, 2008, с. 93]. Позднее Л.М. Дробижева высоко оценила изданную нами, новосибирскими этносоциологами, монографию «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири» (2015), признавшись при этом в нашей переписке, что ее коллеги данной проблеме уделяют недостаточное внимание.

Коллектив новосибирских этносоциологов под руководством автора активно разрабатывает проблематику этносоциальных процессов с середины 1990-х гг. Она изначально исследовалась, можно сказать, стихийно – ее введение определялось больше потребностью поиска обобщающего понятия для анализа разноплановых социальных проявлений этнического феномена, но постепенно превратилась в базовую предметно-проблемную область наших исследований, концептуализируясь по линии подробной интерпретации сути и содержания этносоциальных процессов, их места в предметном поле этносоциологии, роли в цивилизационном развитии, государственной национальной политике и др.

В 1995 г. нами был организован научный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири» по обсуждению теоретических, методологических и практических аспектов данной темы (он действует до сих пор). С 1996 г. мы стали издавать его материалы в виде тематического сборника с тем же названием

[Этносоциальные процессы в Сибири, 1996–2015]. Семинар, который был «мигрирующим», поскольку проводился в разных регионах Сибири, объединял многих исследователей региона, так или иначе связанных с этносоциальной проблематикой, и по сути выполнял роль координатора соответствующих исследований в регионе. Ряд конкретных проектов, посвященных данной теме, мы реализовывали совместно с коллегами из Хакасии, Тувы, Горного Алтая, Бурятии, Красноярска, Барнаула, поэтому с полным основанием их можно считать причастными к нашим общим научным достижениям.

В репертуаре российских этнологических, антропологических и этносоциологических исследований новосибирская научная этносоциологическая школа занимает особую нишу, прежде всего, с позиций методологических оснований и полученных концептуальных результатов, которые не ограничиваются систематизацией и описанием эмпирических данных, а выходят на широкие теоретико-социологические и социально-философские обобщения и теоретические построения. Это выгодно выделяет их на фоне широкого распространения постмодернистских и либерально-конструктивистских наработок в данной области. Мне с моими коллегами уже доводилось писать об итогах исследований школы, в том числе тех, что касаются этносоциальных процессов (см. напр.: [Костюк, 2009; Ерохина, 2012, с. 267–280; Попков, 2016, 2022; Попков и др., 2020; Попков и др., 2022; Социокультурный мониторинг..., 2016, с. 8–24, 43–66; Цивилизационная миссия Сибири..., 2022, с. 111–118; Этносоциальные процессы... 2015, с. 22–32; Этносоциальные процессы в Сибири, 1996–2015]). Далее сформулирую обобщающие выводы с учетом заявленной темы.

Фундаментальным принципом наших исследований, задающих своеобразие теоретических результатов, в том числе в интерпретации этносоциальных процессов, является использование эвристических возможностей парадигмы социального взаимодействия (напомню, что в мировой социологии долгое время господствовала парадигма социального действия). Причем эта парадигма используется в обозначенных во введении диалектико-материалистической трактовке, в горизонте конкретизации ее в системно-деятельностном и социокультурном подходах, а также в идеях академика А.П. Окладникова. Это позволяет представить этносоциальную реальность в пространственно-временном измерении, в единстве синхронных и диахронных связей взаимодействующих сторон (субъектов). В качестве таковых выступают не отдельные индивиды и воображаемые сообщества, а реально существующие и реально действующие этнически маркированные образования – этнические общности (этноты), этнические группы,

диаспоры, формальные и неформальные лидеры, активные этнофоры.

Сложная структура этносоциальных субъектов, взаимодействие которых в современных условиях представляет собой своеобразную сеть, формируется постепенно. На стадии этногенеза происходит становление этнических общностей как «производителей» и носителей этнической культуры. Ее своеобразие и устойчивость задаются конкретными природно-ландшафтными предпосылками, адаптация к которым, а главное, – их контроль со стороны данного сообщества, и составляет суть и содержание этнической культуры. А ее подвижный, можно сказать, мобильный и пластичный характер определяется изменениями окружающей природной среды, а также системой актуальных этнокультурных взаимодействий, расширяющихся по мере «рассеивания», дробления этноса на более мелкие этносоциальные субъекты в ходе разного рода миграций и формирования отдельных его групп, существующих вне лона «материнского ядра». Здесь они активно взаимодействуют с этносоциальными субъектами, представляющими другие этносы в рамках конкретных межэтнических сообществ.

В отличие от распространенного представления об этносоциальном как единстве этнического и социального (такая трактовка невольно предполагает понимание этнического как якобы несоциального явления) и, соответственно, об этносоциальных процессах – как взаимосвязи этнических и социальных процессов, мы рассматриваем этносоциальные процессы в качестве устойчиво-динамической системы развивающегося взаимодействия этносоциальных субъектов и изменения самих этих субъектов в процессе данного взаимодействия. Этносоциальные процессы характеризуют единство устойчивости и изменчивости, регулируемости и стихийности, объективности и субъективности в ходе развития и взаимодействия этносоциальных субъектов.

Этносоциальные процессы можно рассматривать как реализующиеся на разных уровнях организации общества, анализируемого под углом зрения этнической составляющей. На предельном уровне его развитие с учетом присутствия в нем этнического феномена (фактора) можно интерпретировать как глобальный этносоциальный процесс, т.е. как динамическую систему и продукт взаимообусловленного, взаимозависимого развития этносоциальных субъектов. В своем «вертикальном структурировании» этот процесс рассматривается как образующий некоторую целостность множества подпроцессов – от этноэкологических, этнодемографических и этноэкономических до этнокультурных, этнополитических и этноправовых, рассматриваемых в единстве материальных и духовных, объективных и субъективных

составляющих. В свою очередь, отдельный этносоциальный процесс целесообразно выделять не по этническому или социальному основанию, а по его пространственной локализации, где основным актором выступает конкретное межэтническое сообщество. Типология этносоциальных процессов, соответственно, должна осуществляться по генетически значимым для региональных (и локальных) межэтнических сообществ этносоциальным синтезам. Процессуальная этносоциальная интерпретация общественной жизни акцентирует ее динамизм, поступательный характер, нелинейность развития, открытость альтернатив, а также роль сетевых структур, значимость которых особенно возрастает в цифровую эпоху и в условиях все большей виртуализации реальности.

С нашей точки зрения, в таком понимании этносоциальные процессы могут быть представлены в качестве предмета этносоциологии как самостоятельного научного направления исследований [Попков, Тюгашев, 2009; Этносоциальные процессы..., 2015, с. 8–22]. Данное понятие отображает предмет этносоциологии в его целостности, системности и в то же время в многоплановости, включающей рассмотрение множества ракурсов и отдельных проявлений этих процессов с учетом обозначенных качественных характеристик.

Важное значение для системно-диалектической трактовки этносоциальных процессов имеет рефлексивная концепция интернационализации [Попков, 2000]. Она рассматривается как обладающая интерсубъектной природой и реализующаяся в ходе взаимообусловленного развития этносоциальных субъектов. Рефлексивным является взаимодействие, в процессе которого развитие каждого из них осуществляется через других субъектов. При этом складывается не унифицированное и однородное, а внутренне различенное единство взаимодействующих сторон. Этносоциальные субъекты «не растворяются», не ассимилируются, не исчезают в ходе такого взаимодействия, а внутренне обогащаются, укрепляя свой этнокультурный потенциал и свои субъектные качественные характеристики. Формируемая в процессе интернационализации новая системная целостность представляет собой развивающееся единство разнообразия (многообразия).

С учетом зафиксированного во введении этнического ренессанса, а также наблюдающегося столкновения (конфликта) цивилизаций весьма актуальным стал вопрос о соотношении этноса и цивилизации, этносоциальных и цивилизационных процессов, этносоциального и цивилизационного развития. Представителями новосибирской этносоциологической школы предложен вариант ответа на эти вопросы, аргументированный с помощью теоретических обосно-

ваний и анализа результатов конкретных эмпирических данных, полученных в ходе проведенных этносоциологических исследований. Смысл этого ответа состоит в рассмотрении этносоциального и цивилизационного развития как взаимообусловленных процессов.

Такое представление восходит к идеям Н.Я. Данилевского об «этнографической сложности», внутреннем этнокультурном разнообразии цивилизаций (культурно-исторических типов) как свидетельстве их богатства и силы [1991, с. 101]. На наш взгляд, актуальное состояние, тенденции развития и результат взаимодействия этносоциальных субъектов составляют содержания этносоциальных процессов, которые в таком качестве являются основой этносоциального развития как данных субъектов, так и цивилизации в целом. Именно этносоциальные процессы, пронизывающие все сферы общества, определяют социокультурную динамику цивилизации [Попков, Тюгашев, 2006; Этносоциальные процессы..., 2015, с. 29–32; Цивилизационная миссия..., с. 111–118].

Этнокультурное разнообразие рассматривается, с одной стороны, как закономерный итог этногенеза отдельных народов и формирования особой этнической культуры, которая характеризует их укорененность в конкретном природном ландшафте, а с другой – как продукт миграционных и последующих этносоциальных процессов, результат взаимодействия этносоциальных субъектов в рамках локальных и региональных межэтнических сообществ, практически всегда являющихся многонациональными (многоэтническими).

Этнокультурное разнообразие, воспроизводимое в системе синхронных и диахронных связей этносоциальных субъектов, является важным фактором социокультурной динамики и цивилизационного развития, обеспечивая его устойчивость. Такой вывод по итогам проведенных исследований справедлив и применительно к России, и в отношении всего евразийского социокультурного пространства, интеграция которого во многом определяется характером протекающих здесь этносоциальных процессов, а также сходством базисных ценностных ориентаций у представителей разных народов при наличии широкого этнокультурного разнообразия [Россия как цивилизация, 2008, Евразийский мир..., 2010, Ерохина, 2014, Попков, Тюгашев, 2020, Цивилизационная миссия..., 2022].

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Ценность конкретных научных разработок в конечном итоге определяется как их вкладом собствен- ному в науку, так и возможной практической полезно-

стью. В контексте рассматриваемой темы правомерен вопрос о том, как связана проблематика этносоциальных процессов с системой управления на разных его уровнях. Как известно, главным документом в анализируемой сфере является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Во введении я уже говорил об определенной ущербности ее парадигмальной основы. Здесь дополнительно приведу то определение, которое в ней дается одному из основных понятий, отражающих важное условие благополучия нашего государства: «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) – сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием» (курсив источника. – Ю.П.)⁴.

По моему убеждению, Россия, рассматриваемая под углом зрения государственной национальной политики, – это не просто сообщество граждан, обладающих одной качественной характеристикой – гражданским самосознанием, как записано в Стратегии. Это находящееся в движении сообщество народов-этносов, о чем справедливо пишет А.В. Головнев, отстаивая идею ее многонародности. «Россия, – отмечает он, – первой исследовала собственную многонародность и заявила ее как, по существу, национальную идею» [Головнев, 2022, с. 6], как формулу самоопределения [Головнев, 2018, с. 9]. При этом надо иметь в виду, что каждый из народов, во-первых, внутренне неоднороден, представляет собой своеобразную, описанную выше сетевую структуру с множеством конкретных этносоциальных субъектов; во-вторых, существует не сам по себе, а во взаимодействии с другими народами. Вся данная система, взятая не в статике, а в динамике, представляет собой российский этносоциальный процесс, где действует множество этносоциальных субъектов с разными: объективным и субъективным потенциалами, этнокультурными потребностями и возможностями, идентификационными структурами и ценностными предпочтениями, региональными особенностями межэтнических взаимодействий и пр.

Господствующий в настоящее время в российском социогуманитарном знании фокус антропологии и социального конструктивизма в сфере исследования этнического феномена и государственной национальной политики не позволяет рассматривать

⁴ Указ Президента РФ № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 12.02.2023).

многие стороны действительности как актуальные проблемы, поэтому не в состоянии представить адекватную картину усложняющегося бытия этого феномена и выразить многообразие обертонов существующей реальности. Использование понятия этносоциальных процессов в том виде, как оно раскрыто выше, дает возможность преодолеть многие ограничения господствующей в науке и политике парадигмальной либерально-конструктивистско-инструменталистской методологической установки. Именно этносоциальные процессы во всей их комплексности и системности, а не просто идентичность или внешние проявления межнациональных (межэтнических) отношений, на мой взгляд, следует определить в качестве обобщающего объекта национальной политики. Продуктом их развития на региональном (и муниципальном) уровне являются конкретные межэтнические (многонациональные) сообщества – интегрированные образования, исторически складывающиеся в ходе локальных этносоциальных процессов как результат межэтнических взаимодействий.

Именно такой подход был заложен при разработке Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества г. Новосибирска на период до 2025 г., которая утверждена в июне 2020 г.⁵ в качестве нормативного документа по реализации государственной национальной политики в самом крупном в России муниципальном образовании (мне довелось быть одним из главных ее разработчиков). Именно этот документ оказался востребованным со стороны органов местного самоуправления и этнокультурных общественных организаций города. В чем его оригинальность и главная специфика? Во-первых, в нем четко обозначен объект регулирующего воздействия – этносоциальные процессы (этносоциальное развитие) и многонациональное городское сообщество; во-вторых, город представлен именно как сообщество, причем внутренне дифференцированное, с обозначением реальных и различающихся проблем, существующих в разных локусах его сложного организованного этнокультурного пространства.

Сам факт принятия Концепции является свидетельством использования важных концептуальных разработок новосибирских этносоциологов в практической политике на уровне муниципального управления. Будем надеяться, что реформа данного уровня власти не лишит его возможности принимать эффек-

тивные, самостоятельные, адекватные складывающейся ситуации на местах решения, которые по тем или иным причинам не предусматриваются в рамках установок вышестоящих властных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян Ю.В., Дробижская Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 85–95.
- Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 333 с.
- Головнев, А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.
- Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1 (1). С. 6–39. DOI: <https://www.doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>
- Головнев А.В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М.: Мысль, 1991.
- Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, А.В. Иванов, Л.Б. Четырова, М.Ю. Шишин, Х. Цоохуу, Х. Цэдэв; под ред. Ю.В. Попкова Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.
- Ерохина Е.А. Этническое многообразие в цивилизационном и геополитическом пространстве России. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 238 с.
- Костюк В.Г. Новосибирская школа этносоциологии // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 89–93.
- Окладников А.П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: [б. и.], 1973. 217 с. С. 5–11.
- Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 267 с.
- Попков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. 200 с.
- Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения: 10.11.2022).
- Попков Ю.В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 253–268. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.18>.
- Попков Ю.В. Новосибирская научная этносоциологическая школа: формирование, концептуальные основания, практические приложения, взаимодействие с основоположниками этносоциологии // Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 40–48.
- Попков Ю.В. «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 139–155. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.8>
- Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. Институционализация Новосибирской научной этносоциологической школы: идеи, подходы, формы деятельности // Respublica Literaria. 2020. Т. 1, № 1. С. 103–111. DOI: [10.47850/RL.2020.1.1.103-117](https://doi.org/10.47850/RL.2020.1.1.103-117).
- Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская научная этносоциологическая школа. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2022. 50 с.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этносоциальные процессы в цивилизационном развитии // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 58–62.

⁵ Постановление мэрии г. Новосибирска № 1831 от 10 июня 2020 г. «О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года» (с изменениями на 5 мая 2021 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465737610> (дата обращения: 23.11.2021).

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Предмет этносоциологии: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 93–101.

Попков, Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск. Издательство НГТУ, 2020. 256 с.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 196 с.

Россия как цивилизация: сибирский ракурс / В.Г. Костюк, М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова, Е.А. Ерохина, В.В. Мархинин, И.В. Удалова, Д.В. Ушаков; отв. ред. В.Г. Костюк Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. 261 с.

Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / Ю.В. Попков, И.А. Скалабан, Е.А. Тюгашев, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, И.С. Тарбастаева, Н.Д. Вавилина, М.Н. Терентьева, Л.А. Осмук, Е.С. Дерига; под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск. Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.

Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Фофанов В.П. Всемирная история как рефлексия цивилизаций // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 1. С. 44–48.

Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.

Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева [и др.]; под ред. А.В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 362 с.

Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов / под общ. ред. Ю.В. Бромлея, С.И. Вайнштейна; отв. ред. выпуска В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН 1995. Вып. 6. 216 с.

Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 1996–2015. Вып. 1–10.

Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития / В.Б. Игнатьева, Е.Г. Маклашова, А.Г. Томаска [и др.]; под ред. Б.Б. Игнатьевой. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2020. 312 с.

Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, Е.А. Ерохина, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Г.С. Гончарова, В.В. Мархинин, И.В. Удалова, В.Г. Костюк; под ред. Ю.В. Попкова Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.

Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. 474 с.

Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. 482 с.

REFERENCES

Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (2008). Ethnoscology before the challenges of time. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 7, pp. 85–95. (In Russ.)

Bromley Yu.V. (1987). *Ethnosocial processes: theory, history, modernity*. Moscow: Nauka, 333 p. (In Russ.)

Danilevsky N.Ya. (1991). *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman*. Moscow: Mysl' (In Russ.)

Erokhina E.A. (2014). *Ethnic diversity in the civilizational and geo-political space of Russia*. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 238 p. (In Russ.)

Fofanov V.P. (1981). *Social activity as a system*. Novosibirsk: Nauka, 304 p. (In Russ.)

Fofanov V.P. (1999). *World history as a reflection of civilizations*. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 44–48. (In Russ.)

Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova (Eds.) (2022). *Positive Experience in Regulating Ethno-Social and Ethno-Cultural Processes in the Regions of the Russian Federation*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 267 p. (In Russ.)

Golovnev A.V. (2012). *Ethnicity: Stability and Variability (Experience of the North)*. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 2, pp. 3–12. (In Russ.)

Golovnev A.V. (2018). *Ethnography in the Russian academic tradition*. *Etnografiya*. No. 1 (1). pp. 6–39. DOI: <https://www.doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>. (In Russ.)

Golovnev A.V. (2022). *Northern Russia*. St. Petersburg: MAE RAN, 450 p. (In Russ.)

Ignatieva B.B. (Ed.) (2020). *Ethnosocial processes in Yakutia: a modern perspective and development*. Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 312 p. (In Russ.)

Ivanov A.V. (Ed.) (2022). *Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development*. Barnaul: Novyy format, 362 p. (In Russ.)

Kostyuk V.G. (2009). *Novosibirsk school of ethnosociology*. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 89–93. (In Russ.)

Kostyuk V.G. (Ed.) (2008). *Russia as a civilization: a Siberian perspective*. Novosibirsk: Sib. nauch. izd-vo, 261 p. (In Russ.)

Kozlov V.I. (Ed.) (1995). *Ethnic and ethnosocial categories: Code of ethnographic concepts and terms*. Moscow: IEA RAN. Iss. 6, 216 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1973). *Ethnogenesis and cultural genesis. Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka / ed. A.P. Derevyanko*. Novosibirsk: [b. i.], pp. 5–11. (In Russ.)

Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (Eds.) (2016). *Ethnoscology yesterday and today*. Moscow: IEA RAN, 474 p. (In Russ.)

Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (Eds.) (2022). *Ethnoscology: searches and accomplishments*. Moscow: IEA RAN, 2022, 482 p. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2000). *Internationalization in traditional and modern societies*. Novosibirsk: Izd-vo IDMI, 200 p. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2016). *Ethnosocial processes in Siberia: topical issues of theory and practice*. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (access 11.10.2022). (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2020). *Modern Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience (by the example of Tuva)*. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 3, pp. 253–268. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2022). *Novosibirsk scientific ethnosociological school: formation, conceptual foundations, practical applications, interaction with the founders of ethnosociology*. *Etnosotsiologiya: poiski i sversheniya / ed. by: L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina*. Moscow: IEA RAN, pp. 40–48. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2023). "Soil" in ethnicity: traditions of national ethnology in the test of "perestroika" and postmodernism (problem statement). *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 1, pp. 139–155. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.8> (In Russ.)

Popkov Yu.V. (Ed.) (2010). *Eurasian world: values, constants, self-organization*. Novosibirsk: Nonparel', 2010, 449 p. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (Ed.) (2015). *Ethnosocial processes and ethno-national policy in the regions of Siberia*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 273 p. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (Ed.) (1996–2015). *Ethnosocial processes in Siberia: Thematic collection*. Novosibirsk, iss. 1–10. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (Ed.) (2018). *Sociocultural monitoring of the urban interethnic community: methodology, practice*. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU, 347 p. (In Russ.)

Popkov Yu.V., Kostyuk V.G., Persidskaya O.A. (2020). *Institutionalization of the Novosibirsk scientific ethno-sociological*

school: ideas, approaches, forms of activity. *Respublica Literaria*. Vol. 1, no. 1, pp. 103–111. DOI: 10.47850/RL.2020.1.1.103-117 (In Russ.)

Popkov Yu.V., Kostyuk V.G., Persidskaya O.A. (2022). Novosibirsk scientific ethno-sociological school. Novosibirsk: IFPR SO RAN, 50 p. (In Russ.)

Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. (2006). Ethnosocial processes in civilizational development. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 58–62. (In Russ.)

Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. (2009). The subject of ethnosociology: the experience of conceptualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 93–101. (In Russ.)

Popkov, Yu.V., Tyugashev E.A. (2020). Ethno-cultural neo-traditionalism and identity in modern socio-cultural transformations. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGTU, 256 p. (In Russ.)

Rezun D.Ya., Shilovsky M.V. (2005). Siberia, late 16th – early 20th century: frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes. Novosibirsk: ID “Sova”, 196 p. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2003). Requiem for Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology. Moscow: Nauka, 544 p. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2020). Where from and where to is Russian ethnology going? A personal view in a global perspective. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 2, pp. 72–137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.03.2023

Дата рецензирования 14.03.2023

Статья принята к публикации 27.03.2023

DOI: 10.15372/HSS20230203

УДК 316.722(571.1/6)«1990/2022»

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО, О.Н. ШЕЛЕГИНА

КУЛЬТУРА СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО ПОИСКА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье изучается процесс формирования представлений о направлениях изучения современной культуры Сибири в региональной историографии, осмысления институциональных проявлений историко-культурной динамики. В ракурсе взаимодействия триады акторов культурной сферы – государство – общество – человек – охарактеризован культурный облик территорий Сибири с учетом традиционных институций – библиотек, музеев, театров, сферы наследия. Фестивали выделены как форма организации социокультурного пространства, синтезирующая профессиональную, народную и массовую культуру.

Ключевые слова: Сибирь, общественно-политические процессы, культура, научные подходы, культурная политика, региональная социокультурная инфраструктура, наследие, идентичность, фестивали.

Для цитирования: Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. Культура сибиряков в контексте общественно-политических процессов в постсоветский период: направления научного поиска // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 24–32. DOI: 10.15372/HSS20230203.

G.M. ZAPOROZHCHENKO, O.N. SHELEGINA

CULTURE OF SIBERIA IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN THE POST-SOVIET PERIOD: DIRECTIONS OF SCIENTIFIC RESEARCH

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article presents a generalized picture of the culture of Siberia in a broad chronological and problem-thematic context based on the definition of the essence of socio-political processes in the post-Soviet period. The relevance is due to the need to develop and test new approaches to the study of modern culture of the last three decades. The object of the study is the culture of Siberia at the end of the XX – the first decades of the XXI centuries. The subject of the research is the dynamics of culture in the context of the relationship between its constituents – political and social. The purpose of the article is to form ideas about the directions of studying the modern culture of Siberia in regional historiography, to comprehend the institutional manifestations of historical and cultural dynamics. The authors focus on the interaction of the triad of actors in the cultural sphere: state – society – individual. The main vector of the state cultural policy was directed from separate legislative acts to the federal target program “Culture of Russia”, then the cultural sphere was given a strategic status in accordance with the national project “Culture”. Since the beginning of the XXI century, the government authority has consistently opposed the space of creative chaos in the sphere of culture of the 1990s. The authors note the socio-cultural features of the subjects of the Siberian Federal District, the connection with poly-ethnicity. The article describes the cultural appearance of the territories of Siberia, the process of preservation, adaptation and development of traditional cultural institutions – libraries, museums, theaters, and the sphere of heritage. The integration of professional and traditional folk culture with the socio-cultural environment of settlements has been expressed in organizing of festivals of various genres – musical, literary, historical, book, folk, ethno, culture and art festivals. It is noted that the culture of Siberia is increasing the potential of social influence, the rapprochement with Russian and world culture, the leveling of the differentiation of culture into metropolitan and peripheral.

Key words: Siberia, socio-political processes, culture, scientific approaches, cultural policy, regional socio-cultural infrastructure, heritage, identity, festivals.

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>.

Ольга Николаевна Шелегина – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: oshelegina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3715-4380>.

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

Olga N. Shelegina – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью разработки и апробации новых подходов к изучению культуры трех последних десятилетий. Как показал научный анализ предыдущей историографии, хронологические рамки исследований ограничивались, как правило, началом XXI в., не предпринимались какие-либо попытки дать обобщенную картину культуры Сибири в более широком хронологическом и проблемно-тематическом контекстах, связанных с общественно-политическими процессами, взаимодействием и сотворчеством триады акторов культурной сферы, а именно: государство – общество – человек.

Осмысление влияния общественно-политических процессов на культуру в современную переломную эпоху является одним из самых актуальных трендов в сфере региональных исследований. Преобразования политической системы и социально-экономических отношений конца XX – начала XXI в. создали условия для нового этапа продуктивных изменений в сфере культуры. Востребованность изучения процессов в сфере культуры диктуется также важностью социально-порождающих и социально-преобразующих функций культуры как формы бытия общественной системы в пространстве и времени.

Востребованность в научном поиске новых подходов к постановке и разработке контекстного изучения культуры Сибири в современный период проистекает из сложности объекта исследования. По мнению ряда исследователей, Сибирь «предстает особым культурным феноменом, вобравшим в себя диалектическое единство глубочайших противоречий и парадоксов. Это целостная система, в которой все факторы, взаимодействуя, рожают неповторимую природно-культурную среду, специфически переплавляющую в своем котле вызовы времени и лики культуры» [Генова, 2011, с. 3].

Считаем целесообразным в качестве объекта исследования выделить культуру Сибири в конце XX – первые десятилетия XXI вв., а предметом изучения считать динамику культуры в контексте тесной и неразрывной взаимосвязи политического и социального. Целью статьи является формирование представлений о направлениях изучения современной культуры Сибири в региональной историографии и апробация авторского подхода, связанного с осмыслением институциональных проявлений историко-культурной динамики в соответствии с происходящими общественно-политическими процессами в сибирском регионе в постсоветский период. Статья носит постановочный характер, ориентированный на создание обобщающих трудов по указанной проблематике, внедрение результатов новых историко-куль-

турных исследований в образовательный процесс и социокультурную практику. Это определяет ее научную новизну и, надеемся, будет стимулировать профессиональное сообщество к поиску и разработке эффективных исследовательских подходов. Как известно, в последние десятилетия XX в. история культуры выделилась в самостоятельное направление российской историографии с тремя структурообразующими блоками: теоретико-методологическим, конкретно-историческим и научно-практическим, связанным с образовательными программами. Начали развиваться новые междисциплинарные и межатраслевые подходы к культуре с учетом ее сложности и многомерности, необходимости полифокусного рассмотрения, особенно в региональных историко-культурных исследованиях.

Анализ результатов особенностей изучения сибирскими учеными культуры и интеллигенции на рубеже XX–XXI вв., проведенный двадцать лет назад В.Г. Рыженко, позволяет выделить периоды, характеризующие направления научного поиска. В 1980-е гг. (вторая половина) наблюдается мозаичность и фрагментарность в изучении культуры Сибири. 1990-е гг. в российской историографии (оказавшей влияние на сибирскую) характеризуются переходом от экстенсивного отраслевого накопления информации к вариативному выбору методов и методик в парадигмах «новой культурной истории», исторической антропологии, исторической регионалистики; все более значимым становится изучение «культурного пространства региона» (см. ниже). На рубеже 1990–2000-х гг. благодаря созданию (1993 г., г. Омск) и успешной деятельности Сибирского филиала Российского института культурологии (СФ РИК) важной и отличительной особенностью сибирской историографии становится акцент на проблемы теории и истории пространственно локализованной культуры в контексте изучения истории культуры России в XX в. В.Г. Рыженко и В.Ш. Назимова инициируют изучение проблемы трансформаций культурного потенциала региона и культурно-цивилизационного ландшафта его крупных городов-центров в условиях «экстремальных полос» истории XX в. [Рыженко, 2003].

Акцент на эволюцию социально-культурной деятельности на территории Восточной Сибири, в том числе в условиях социально-экономических преобразований, на современное состояние учреждений социокультурной сферы и перспективы их развития сделан в монографическом исследовании Н.А. Затеевой [2010].

Н.М. Генова обратилась к научной проблеме, связанной с культурной политикой в системе инфраструктуры культуры региона. В современных условиях требуют дальнейшего развития предложенные автором комплексный и структурно-синергетический

подходы к рассмотрению культурного пространства региона, концепция и модели социально-культурной реконструкции локальной инфраструктуры культуры Сибири [2011, с. 6].

Решением прикладных задач в сфере региональной культурной политики, изучением проблем актуализации и включения культурного наследия в современные социокультурные практики занимается с 2014 г. правопреемник и продолжатель научных традиций СФ РИК – Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (далее – Сибирский филиал Института наследия). В настоящее время приоритетными актуальными и перспективными направлениями деятельности института являются: 1) целостное фундаментальное изучение культуры сибирского провинциального города и динамики инфраструктуры культурного ландшафта постсоветского города; 2) исследование взаимодействия традиционной и современной культур, межнациональных и межконфессиональных отношений в сибирском регионе, новых религиозных течений; 3) проблемы актуализации культурного наследия, определение роли объектов культурного наследия в структуре образного каркаса территории и туристического потенциала Западной Сибири. В последние годы инициированы новаторские исследования антропологии постсоветских трансформаций, явлений современной культуры, обусловленных тенденциями постмодерна и постиндустриального общества [Селезнева и др., 2022].

Востребованность в образовательной практике систематизированного представления о культуре населения Сибири в широком хронологическом диапазоне обусловила появление значительного числа учебных пособий для вузов. Исследователями разрабатывались и апробировались теоретико-методологические подходы к региональной культурной проблематике. Так, историко-культурологическая модель предлагалась В.Г. Рыженко и А.Г. Быковой [2001] для определения в культуре Западной Сибири соотношения локального, регионального и российского.

Значительным продвижением в обобщении (в формате учебного пособия) результатов реформ и характеристике культурного пространства Сибирского региона в 1990–2012 гг. можно считать работу Н.М. Геновой и Ю.Р. Гореловой [2015]. В ней на основе определения сущности понятия «культурное пространство региона» рассматривается широкий круг вопросов, связанных с региональной культурной политикой, анализируется состояние отрасли культуры в целом и тенденции развития ее основных институций (библиотек, музеев, театров и концертных организаций, клубов и многофункциональных досуговых центров). Важное значение придается анализу национальной культурной политики.

В недавно вышедшем труде Л.Н. Славиной «История современной России. Российская Федерация в период радикальной трансформации (1990-е гг.)» дан системный анализ новой России, охватывающий все сферы государства и общества. По оценке автора, в культуре рассматриваемого периода проявились многочисленные, часто противоречивые тенденции, которые отразили переходный характер ее развития. К началу XXI в. трудно было выделить главный вектор развития культуры, но она оставалась базой движения России вперед, «главным богатством страны и залогом единства нации» [Славина, 2021, с. 229]. Изучение материалов по развитию культуры в Сибири, относящихся к 1990-м гг. и первым десятилетиям XXI в., эвристически ценно для определения в общероссийском контексте общего, а в региональных культурных процессах – особенного.

С начала XXI в. и до настоящего времени на большинстве конференций всероссийского уровня обсуждаются вопросы, относящиеся преимущественно к изучению истории культуры Сибирского региона. В большей степени они ориентированы на освещение научно-практических мероприятий, проводимых на основе интеграции учреждений науки, культуры, образования – музеями, библиотеками, международными неправительственными организациями.

В целом корпус научных исследований представлен преимущественно работами конкретно-исторического или культурологического характера, отражающими различные направления государственной культурной политики, функционирования институций культуры, деятельности лидеров культурной сферы. В настоящее время происходит активное накопление источников и эмпирической базы по истории культуры Сибири в постсоветский период, а также осуществляется апробация результатов исследований в образовательной практике, в том числе с применением современных технологий [Жерносенко и др., 2020].

Следует обратить внимание на то, что столь динамичное развитие России и ее регионов в первой четверти XXI в. актуализирует определение новых перспективных направлений научного поиска на основе проблемно-хронологического и перспективного анализа, сочетания микро- и макрометодологии, междисциплинарных подходов, создания обобщающего коллективного труда по развитию культуры Сибири в постсоветский период.

В силу вышеуказанных научных и социокультурных обстоятельств в ситуации формирующегося историографического ресурса авторы предпринимают попытку анализа культуры Сибири в контексте общественно-политических процессов в постсоветский период. Источниковую основу работы составили нормативно-правовые документы, относящиеся к

сфере российского законодательства в области культуры, интернет-ресурсы учреждений культуры, репрезентативная эмпирическая база, а также информация, полученная авторами методом включенного наблюдения как современниками рассматриваемых событий. С целью систематизации опубликованных в отдельных научных работах теоретических и научно-практических результатов проводится вторичный анализ и использование имеющегося историографического ресурса.

Сложность и многомерность объектно-предметной области для эффективного решения исследовательских задач требуют целесообразного выбора методологической стратегии на основе синтеза конкретно-исторического, структурно-функционального подходов с учетом актуальных культурологической и социально-антропологической парадигм. Анализ проблем функционирования современной культуры предполагает выявление в режиме ее естественно-исторической эволюции взаимодействия и сотворчества триады акторов культурной сферы: государства – общества – человека. Наиболее четко эта позиция в контексте современных общественно-политических процессов обозначена в новой редакции Основ государственной культурной политики (с изменениями, внесенными Указом Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35): «Утверждение приоритета культуры призвано обеспечить дальнейшее развитие потенциала общества и личности, сохранение гражданского единства, защиту национальных интересов, достижение национальных целей развития Российской Федерации»¹.

Многообразный и комплексный характер развития культурной сферы имплицитно выделяет для изучения особо значимых акторов и институций, государственного, социокультурного и персонального уровней. Фокус внимания сосредоточен на выявлении роли государства как актора культурной сферы, представлении форм и механизмов сохранения, трансформации, адаптации традиционных институций культуры к социокультурной динамике и определения нового качества культуры как результата взаимодействия акторов культурной сферы в контексте современных социально-экономических и общественно-политических процессов.

Государству в указанной триаде принадлежит особое место, поскольку оно направляет совокупные общественные ресурсы на удовлетворение интересов

всех субъектов культурной жизни и адаптацию к вызовам модернизации и глобализма. Общественно-политические факторы в целом влияют на государственную политику и сопряженное с ней финансирование культуры, международные контакты деятелей культуры, масштабы приобщения к культурной жизни широких слоев населения, а также на идеологические ориентиры. Культура переходных состояний отражает переживаемые обществом радикальные трансформации, которые, как правило, обусловлены не столько внешними заимствованиями или подспудным проникновением (диффузией) «чужих» культурных образцов, сколько логикой развития самого общества [Яхно, 2011, с. 22]. Человек в процессе культурного развития выступает как творцом, так и потребителем культурных ценностей, формируя человеческий капитал – главное богатство государства.

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Сущность масштабных политических и социально-экономических преобразований в России на рубеже XX–XXI вв. может быть четко представлена на основе общей теории институциональных трансформаций, оперирующей категорией «раздаточная экономика». В России, где исторически сформировались базовые институты власти-собственности раздаточного типа, с конца 1980-х гг. происходила трансформация раздаточной экономики в рамках компенсаторного института рыночной торговли и частного предпринимательства. Запущенный квазирыночный механизм был призван обеспечить необходимую область свободы для экспериментирования и включения механизма институциональных инноваций. При этом период 1993–1998 гг. характеризовался спадом экономического производства, снижением объемов валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, увеличением доли бедного населения, ростом безработицы, высокими темпами инфляции. После 1999 г. наблюдался рост экономической активности, увеличение объемов ВВП на душу населения, снижение доли бедного населения, уровня безработицы и темпов инфляции [Перова и Пертов, 2012, с. 65].

С начала XXI в. в ответ на крупные диспропорции в экономической сфере и резкое снижение качества человеческого потенциала курс социально-экономической политики Российского государства изменился – начал осуществляться переход к экономике либерального раздатка. Государственная регламентация все более заменяла квазирыночную стихию. Воспроизводственной основой становились госкорпорации и госзаказы. Запускались новые институциональные механизмы проектного типа, отрабатываемые в форме «национальных проектов», с ориентацией на конечный результат [Бессонова, 2008, с. 23].

¹ Указ Президента Российской Федерации № 35 от 25.01.2023 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004?index=1&rangeSize=2> (дата обращения: 14.03.2023).

Экономические и общественно-политические процессы в значительной степени детерминировали государственную культурную политику. В 1990-е гг. в условиях ослабления идеологического контроля и цензуры, децентрализации, коммерциализации сферы культуры государственное управление акцентировалось на активизации внутренних сил и самоорганизации культуры, повышении автономности учреждений культуры и стимулировании общественного контроля над ними, что закреплено в Законе о культуре 1992 г. и других нормативных документах [Государственная политика ..., 2008, с. 60–68].

Реализация культурной политики как на федеральном, так и региональном уровнях осложнялась, прежде всего, недостатком финансовых средств, которые составляли 6 % от бюджета региона и выделялись по остаточному принципу – в целом по 40–70 % от запланированного. При этом основные деньги уходили на спасение объектов культуры, а не на ее развитие. Использование на конкурсной основе целевой грантовой поддержки значимых культурных проектов в Алтайском крае, Туве, Хакасии и Омской области не меняли общей картины [Государственная политика ..., 2008, с. 74–75; Актуальные проблемы ..., 2008, с. 161].

Сокращение культурной сферы в сибирском макрорегионе носило достаточно жесткий характер. Так, в 1999 г. в Бурятии были законсервированы все киноустановки, а с 1993 по 2002 г. в сельской местности вынуждены были прекратить свою деятельность 153 клуба [Затеева, 2010, с. 124–125]. Происходило снижение планки социокультурных потребностей, изменялась иерархия видов искусств, происходила окончательная смена культурно-просветительной модели инфраструктуры XX в. на культурно-досуговую, увеличение доли рыночно-ориентированной культуры, рост отчуждения значительных слоев населения от высших культурных ценностей и культурно-насыщенных форм досуга вследствие их финансовой недоступности. В целом, несмотря на недофинансирование и сокращение штатов, руководству территорий удалось сохранить социокультурную инфраструктуру.

С 2000 г. культурная политика стала заметно трансформироваться в сторону усиления контроля за деятельностью бюджетных учреждений со стороны государства, позиционирующего себя в качестве основного заказчика и инвестора, выделяющего средства на развитие культуры. Учреждения получили финансовую поддержку на основе федеральной целевой программы «Культура России». С 2006 г. бюджетные организации культуры стали переводиться в автономные, что, с одной стороны, открывало возможности для развертывания предпринимательской активности, а с другой – ставило учреждения культуры перед не-

обходимостью разрабатывать критерии эффективности собственной деятельности [Михеева, 2009, с. 25].

Стабилизация экономической ситуации в 2000-е гг. позволила наладить работу по восстановлению культурной инфраструктуры, особенно на селе². Во втором десятилетии XXI в. культурная политика стала более политизированной, культура впервые была объявлена частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, что явилось результатом как внутренних политических процессов, так и взаимодействия России с миром, в котором устойчиво доминировали тренды глобализма и постмодернизма. Связанные с ними мировоззренческие модели все более начинали рассматриваться как несоответствующие традиционным ценностям российской культуры [Аванесова, 2010, с. 53]. В то же время существенного сдвига в государственной политике в области финансирования культуры не произошло [Актуальные проблемы ..., 2008, с. 162; Серяева, 2019, с. 307]. Конкурсные механизмы осуществления государственных инвестиций в культуру, как и во все сферы, были подвержены «коррупционному оппортунизму» [Бессонова, 2008, с. 22].

За время укрепления экономической и политической стабильности в нашей стране культуроцентризм, отношение к расходам на культуру не как к благотворительности, а как к инвестициям в человеческий капитал, без которых невозможен эффективный экономический рост, не стали в полной мере ориентиром в культурной политике [Михеева, 2009, с. 5]. Вместе с тем, после периода децентрализации в 1990-е гг. Российское государство активно вмешалось в дела культуры (как и каждой социальной сферы) с целью «заткнуть» самые вопиющие прорехи, но главное, найти те формы, которые позволят обеспечить эффективность механизма ее функционирования [Бессонова, 2008, с. 26]. Некоторые политологи считают, что с начала XXI в. власть противостоит «пространству творящего, креативного хаоса» сферы культуры девяностых, в масштабах страны воссоздавая «правильную» раздачу [Бляхер, 2021, с. 90].

Национальный проект «Культура» на 2018–2024 гг. по финансовому обеспечению среди других занимал предпоследнее – 12-е место, получая 0,1 % федерального бюджета³. В настоящее время ресурс-

² Доклад о выполнении Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» и эффективности использования финансовых средств за весь период ее реализации // Министерство культуры РФ. URL.: <https://culture.gov.ru/documents/doklad-o-khode-realizatsii-federalnoy-tselevoy-programmy-kultura-rossii-2012-2018-gody/> (дата обращения: 24.03.2023).

³ Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Министерство энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/view-pdf/11246/84473>. (дата обращения: 24.03.2023).

ное обеспечение разработки и реализации государственной культурной политики осуществляется при участии Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества, Президентского фонда культурных инициатив, Общероссийской общественно-государственной организации «Российский фонд культуры», Фонда гуманитарных проектов, Фонда поддержки гуманитарных наук «Моя история», автономной некоммерческой организации «Институт развития интернета».

В новой культурной политике существенное значение придается сохранению и развитию национальной и локальной идентичности в Российской Федерации.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Как известно, в Сибири и на Дальнем Востоке проживает 68 из 200 народов России. Так, в Читинской и Иркутской областях традиции русских, белорусов, украинцев, татар, поляков, евреев, немцев соседствуют с самобытной культурой представителей коренного населения – бурят и эвенков. Существенное влияние на развитии культуры Азиатской России оказывало стремление национальной интеллигенции, прежде всего коренных народов, к возрождению этнических традиций, что связывалось в том числе с формированием «независимых интеллектуальных элит» на уровне этноса, их «взрослением», обусловленным модернизацией [Рындина, 2018, с. 40].

В процессе формирования и развития социокультурной инфраструктуры сибирских территориально-административных образований с 2000 г. – субъектов Сибирского федерального округа, повышалась значимость региональной культурной политики и механизмов, обеспечивающих модернизационные преобразования в соответствии с полиэтничностью и поликонфессиональностью региона. Исследования этих проблем всегда входили и входят в актуальное и геополитически значимое исследовательское поле ученых-гуманитариев Сибирского отделения Российской академии наук [Молодин, 2019, с. 6].

Сибирские уникальные объекты историко-культурного и природного наследия, достопримечательные места являются основой для совершенствования социокультурного пространства, музейного дела и туризма, укрепления региональной идентичности. Признанными центрами туризма стали Красноярский край и Алтайский край, где с 2012 г. регулярно проводится международный туристский форум «Visit Altai».

В Красноярске известность за пределами края получили Красноярский академический симфониче-

ский оркестр и ансамбль народного танца Сибири им. М.С. Годенко, Сибирско-Дальневосточное отделение Академии художеств России им. В.И. Сурикова. На новом витке истории в Красноярске создан (2018 г.) самый крупный за Уралом Сибирский государственный институт искусств им. Д. Хворостовского как доминанта культурного каркаса России, центр воспитания культурной элиты страны, активная площадка международного и общероссийского образовательного, научного, творческого развития.

В г. Енисейске Красноярского края, относящемся к историческим городам России с более чем 90 памятниками XVII – XVIII вв., в 2022 г. создан первый в Восточной Сибири городской историко-архитектурный музей-заповедник. Отличительной особенностью историко-культурного наследия Томска, кроме научной библиотеки Томского государственного университета, является наличие высокохудожественных памятников деревянного зодчества. Специфика культуры Новосибирской области определяется приоритетной ролью г. Новосибирска – одного из крупнейших культурных центров Российской Федерации. Новосибирский Академгородок имеет статус достопримечательного места регионального значения [Покровский и др., 2018, с. 5–22]. В Кемеровской области большой популярностью как в России, так и за рубежом пользуется Губернаторский симфонический оркестр Кузбасса, музей-заповедник «Томская писаница» отнесен к особо ценным культурным объектам России. В 2017 г. область вошла в топ 10 регионов России – лидеров по темпам развития культуры. С 2019 г. здесь создается культурный кластер с культурно-образовательной и музейно-театральной составляющими.

В сфере культуры Республики Тыва приоритетные позиции занимают национальные государственные и детские фольклорные ансамбли, этнически ориентированные рок-поп и фолк-группы. Тувинская музыкальная группа «Ят-ха» была признана лучшей в Азии и Тихоокеанском регионе (2002 г.). В Тыве находится самое значительное в Азиатской России количество археологических памятников федерального значения (705), действует республиканский музей-заповедник «Долина царей», известный в нашей стране и за рубежом.

В Институте монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН (Республика Бурятия) действует Центр восточных рукописей и ксилографов (с 1994 г.), который обладает одним из крупнейших в мире собраний тибетских и монгольских памятников письменности, фольклора, уникальных архивных документов, составляющих национальное достояние Российского государства. В культурно-досуговой жизни Республики Саха (Якутия) огромную роль

играет единый координационный научно-методический центр народного творчества и социально-культурной деятельности им. А.Е. Кулаковского. Основу культурного наследия Хакасии составляют природно-культурные системы: Большой Салбыкский курган, Сулукские писаницы, республиканский музей-заповедник «Казановка». В Ханты-Мансийском автономном округе известность получил окружной этнографический музей под открытым небом «Торум Маа», природно-археологический парк, достопримечательное место регионального значения «Барсова гора», создается новационная туристическая тропа «Чело-Вечность» (Сургутский район).

В республиках и автономных округах успешно функционируют центры прикладного творчества и ремесел коренных народов, здесь развивается танцевально-хоровое искусство, овладевают резьбой по дереву и кости, шитьем бисером, плетением, украшением орнаментом меховой одежды. Актуализация этнокультурного опыта осуществлялась преимущественно профессиональными писателями, художниками, поэтами, певцами, музыкантами, ярко представляющими мировоззрение коренных этносов [Рындина, 2018, с. 42].

В современный период на фоне процессов глобализации проблемы поддержания идентичности стали важной задачей политики Российского государства, включая сферы науки, образования, культуры. Объединение интересов государства, общества и творческих личностей в сфере культуры выразилось в создании общественно-государственных, общественных и персональных фондов, начиная с Советского / Российского фонда культуры. В настоящее время имеется четыре его филиала в Сибири: Омский, Новосибирский, Хакассский, Иркутский [Шелегина, 2022]. В культурном процессе используются позитивные стереотипы, сложившиеся за пределами региона, о сибиряках как людях сильных духовно и физически, сметливых, стойких, умеющих жить в тяжелых условиях сурового климата среди нетронутой, первозданной природы [Сибирь, 2022, с. 222]. В связи с мемориальным поворотом происходит обращение к использованию наследия и имен великих сибиряков для решения широкого круга задач – от финансовых до научно-образовательных и гражданско-патриотических.

Движение «Бессмертный полк», инициированное в 2012 г. в Томске, стало международным общественным гражданско-патриотическим.

В социокультурной инфраструктуре региона с учетом особенностей краев, областей, республик и на основе богатых культурных традиций базовые позиции сохраняли и развивали традиционные институции культуры: библиотеки, музеи, театры, что отчасти отражено в представленных выше работах, но требует дальнейшего специального рассмотрения с

учетом процессов трансформации, адаптации и модернизации в постсоветский период.

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ С СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДОЙ ПОСЕЛЕНИЙ

Проведение фестивалей разных жанров как формы творческой организации социокультурного пространства, синтезирующей профессиональную, народную и массовую культуры, стало одним из направлений, придающих современной культуре новое качество, связанное с активизацией ее ментальной составляющей. Фестивальный формат наиболее гармонично и ярко отражает эффективность интеграции деятельности региональных властей, учреждений культуры, науки, образования, бизнес-сообщества. Музыкальные, литературные, исторические, книжные, фолк и этно, фестивали культуры и искусства реализовывали общественную потребность в символизации и визуализации образов региона, областей, городов, способствовали расширению личного участия – волонтерству, распространению массовой праздничной культуры с ориентацией на развитие и укрепление как профессионального мастерства, так и традиционных и семейных ценностей [Золотова, 2013].

Так, Новосибирская область ассоциируется с литературным фестивалем «Белое пятно», театральным фестивалем «Ново-Сибирский транзит», Международным фестивалем «Играй, гармонь!» им. Г. Заволокина, Международным фестивалем культуры российских немцев «Немецкая слобода», Международным фестивалем исторической реконструкции «Сибирский огонь». Широкий спектр этноплощадок можно проиллюстрировать на примере Томской области, где в современный период проводятся праздники хлеба, топора, жимолости, рыбалки, медведя, охотника («Большой Амикан»), казачьей культуры («Братина»), татарской культуры («Сабантуй»), коренных народов Сибири («Этюды Севера»), эстонской, удмуртской культур, народных ремесел («Золотая береста»), города («День томича»), реконструкции («Семилужинское поле»), районной культуры («Краски лета» в с. Колпашево, «Праздник у семи озер» в пос. Самусь)⁴.

Социокультурные новации закономерно сливались с молодежной культурой и активностью гражданского общества. В 2001–2011 гг. в Сибири широкую молодежную аудиторию собирали фестивали Snickers Урбания. Эстафету подхватила новосибирская художественная акция «Монстрация», с 2004 г. распространившаяся по стране. Культурная инициатива преподавателей Новосибирского государствен-

⁴ По материалам сайта «Гид-путеводитель Томску и Томской области». URL: tour.tomsk.life (дата обращения: 24.03.2023).

ного университета «Тотальный диктант по русскому языку» (2004 г.) в настоящее время имеет статус ежегодного образовательного мероприятия, организуемого в России и разных странах мира с целью популяризации грамотности. Сибирский филиал Института наследия активно занимается формированием историко-культурного сознания молодежи и укреплением национальной и регионально-локальной идентичности граждан [Селезнева и др., 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами пилотное исследование позволяет говорить о необходимости консолидации усилий на основе комплексного и структурно-синергетического подходов к изучению культурного пространства региона, моделей региональной и локальной социокультурной инфраструктуры Сибири с выделением тенденций развития базовых институций (библиотеки, музеи, театры, культурно-досуговые учреждения). Перспективы имеет и контекстный подход, связанный с общественно-политическими процессами в стране, с учетом их региональных особенностей, апробированный авторами в данной работе.

Как и в Российской Федерации в целом, результаты государственной культурной политики в Сибирском регионе на рубеже XX – XXI вв. также весьма значительны и одновременно неоднозначны. Позитивные перемены, обусловленные освобождением от идеологического диктата, состояли в возникновении новой среды воспроизводства культуры, базирующейся на демократических принципах свободы творчества, приоритете общечеловеческих ценностей, расширении возможностей культурного самовыражения личности, коммерциализации культурной деятельности. Усилилась динамика социокультурных процессов, расширился спектр субкультур, активизировались информационно-культурный обмен и коммуникации. В то же время, переживая период адаптации к условиям рыночной экономики и социальной дифференциации общества, сфера культуры испытывала острую необходимость в сохранении как государственной поддержки, так и творческой свободы, и художественного многообразия. Общество стало активнее включаться в социокультурные процессы, в том числе на грантовой основе, порождая культурные инициативы, расширяя пространство реализации личных культурных интересов. Главным вектором государственной культурной политики стал переход от отдельных законодательных актов к федеральной целевой программе «Культура России», национальному проекту «Культура».

Новое качество культуры практически по всем направлениям региональной культурной политики генерировалось как результат взаимодействия акторов культурной сферы на основе взаимообогащения

историко-культурных традиций и современных новаций, стабильного функционирования и развития культурных институций, креативных индустрий с опорой на профессионализм, творческую энергию и социальную ответственность работников учреждений культуры, деятелей искусства, поддержку активной части населения. Культурные новации отличались высокой степенью межнациональной, межкультурной интеграции, были признаны на российском и международном уровнях. Приобщаясь к интернет-культуре, сибиряки получали новые возможности удовлетворения своих культурных запросов.

В процессе адаптации к новым условиям функционирования культура Сибири наращивала свой потенциал общественного влияния, сближалась с российской и мировой культурой, нивелируя дифференциацию культуры на столичную и периферийную. Взаимодействие акторов культурной сферы Сибири – государства, общества, человека – способствует осуществлению дальнейшего поступательного развития в общественно значимом геополитическом тренде «культура – наследие – идентичность». Активизация поиска эффективных научных подходов в исследовании современной культуры Сибири необходима для создания объективной основы культурной политики в России и регионах, научно-образовательной и социокультурной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Г.А. Культурная политика России постсоветского периода: цели, смыслы, ценностные ориентиры // Полигнозис. 2010. № 4. С. 53–64.
- Актуальные проблемы культурной политики современной России / ред.-сост. Б.Ю. Сорочкин. М.: ЛЕНАНД, 2008. 256 с.
- Бессонова О.Э. Вектор институционального развития России: от квазирынка к либеральному раздатку // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 2. С. 15–28.
- Бляхер Л.Е. Россия, 90-е годы: метаморфозы становящейся политики // Политика. 2021. № 3 (102). С. 72–98.
- Генова Н.М. Культурная политика в системе инфраструктуры региона. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 288 с.
- Генова Н.М., Горелова Ю.Р. Культурное пространство Сибирского региона в 1990–2012 годы: двадцатилетие реформ и развития: учеб. пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 252 с.
- Государственная политика в Российской Федерации в области культуры и образования на рубеже XX–XXI вв. / Е.В. Бодрова, М.Н. Гусарова, А.В. Мешкова. М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2008. 204 с.
- Жерносенко И.А., Балакина Е.И., Егорова Т.Ю., Константинова Н.В., Шалабод М.Л. Культура Сибири и Алтая: учеб. пособие с мультимедийным контентом / Барнаул: Алт. гос. ин-т культуры, 2022. 359 с.
- Затеева Н.А. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСТАКИ, 2010. 169 с.
- Золотова Т.Н. Праздничный код сибирского города: проблемы классификации, соотношения традиций и инноваций. URL: Holiday Code of Siberian City: the Problems of Classification, the Ra-

tio of Traditions and Innovations // Šventės siuolaikiniame mieste (Festivals in the modern city): straipsnių rinkinys. Vilnius: Educologija, 2013. P. 110–124.

Михеева Н.А. Управление социально-культурной сферой в период общественного переустройства России (конец XX – начало XXI в.): автореф. ... д-ра социол. наук. СПб., 2009. 44 с.

Молодин В.И. Приоритетные направления развития гуманитарной науки как стратегической составляющей фундаментальной науки в России и роль Объединенного ученого совета СО РАН по гуманитарным наукам // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 4. С. 5–8.

Перова М.Б., Перов Е.В. Социально-экономическая трансформация российского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 59–74.

Покровский Н.Н., Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. Новосибирский Академгородок: научное и историко-культурное наследие. Новосибирск, ИПЦ НГУ, 2018. 162 с.

Рыженко В.Г., Быкова А.Г. Культура Западной Сибири: история и современность. Омск, 2001. 372 с.

Рыженко В.Г. Особенности изучения культуры и интеллигенции сибирскими исследователями в конце XX – начале XXI вв. // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 3 (11). С. 45–54.

Рындина О.М. Коды традиционной культуры и этническая идентичность в современности // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. 1(2). С. 40–44.

Селезнева И.А., Горелова Ю.Р., Золотова Т.Н. Сибирский филиал Института наследия: направления научной деятельности [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое издание. 2022. № 3 (49). URL: http://cr-journal.ru/files/file/09_2022_14_48_38_1662983318.pdf. DOI 10.34685/HI.2022.43.69.011

Серяева М.Г. Финансирование сферы культуры Российской Федерации и показатели результативности ее развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 305–308.

Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шатова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.

Славина Л.Н. История современной России: учеб. пособие. Красноярск, 2021. Ч. 1: Российская Федерация в период радикальной трансформации (1990-е гг.). 256 с.

Шелегина О.Н. Общественные организации позднего социализма: начальный этап деятельности сибирских отделений Советского/Российского фонда культуры [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 207–220. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-16.pdf>. DOI:10.31518/2618-9100-2022-6-16.

Яхно О.Н. Традиции и новации в культуре переходных состояний // Проблемы истории России. 2011. Т. 9. С. 22–28.

REFERENCES

Avanesova G.A. (2010). Cultural policy of Russia in the post-Soviet period: goals, meanings, value orientations. *Polignozis*. No. 4, pp. 53–64. (In Russ.)

Bessonova O.E. (2008). The vector of Russia's institutional development: from quasi-market to the liberal distribution. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. Vol. 9, no. 2, pp. 15–28. (In Russ.)

Blyakher L.E. (2021). Russia, the 90s: metamorphoses of the emerging polity. *Politiya: analiz, khronika, prognoz*. No. 3, pp. 72–98. (In Russ.)

Bodrova E.V., Gusarova M.N., Meshkova A.V. (2008). State policy in the Russian Federation in the field of culture and education at the turn of the XX–XXI centuries. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanitarnogo un-ta, 204 p. (In Russ.)

Fursova E.F. (ed.) (2022). Siberia and Siberians: the ethnocultural identity of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia (XIX – early XXI century): [collective monogr.]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 284 p. (In Russ.)

Genova N.M. (2011). Cultural policy in the cultural infrastructure system of the region. Omsk, Izd-vo Om. gos. un-ta, 288 p. (In Russ.)

Genova N.M., Gorelova Yu.R. (2015). The cultural space of the Siberian region in 1990–2012: twenty years of reforms and development. Omsk, Izd-vo Om. gos. un-ta, 252 p. (In Russ.)

Mikheeva N.A. (2009). Management of the socio-cultural sphere in the period of social reconstruction of Russia (late XX – early XXI century): Dr. sociol. sci. diss. abstr. Saint Petersburg, 44 p. (In Russ.)

Molodin V.I. (2019). Priority directions of the humanities development as a strategic component of the fundamental science in Russia and the role of the United Scientific Council of SB RAS on Humanities. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 26, no. 4, pp. 5–8. (In Russ.)

Perova M.B., Perov E.V. (2012). Socio-economic transformation of Russian society. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. No. 4, pp. 59–74. (In Russ.)

Pokrovsky N.N., Zaporozhchenko G.M., Shelegina O.N. (2018). «Novosibirsk Akademgorodok»: scientific, historical and cultural heritage. Novosibirsk, NGU, 162 p. (In Russ.)

Ryndina O.M. (2018). Codes of a traditional culture and an ethnic identity in the modern era. *Kul'tura v Evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii*. No. 1, pp. 40–44. DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-40-44. (In Russ.)

Ryzhenko V.G., Bykova A.G. (2001). Culture of Western Siberia: history and modernity: textbook for the course “Culture of the region: history and modernity”. Omsk, Om. gos. un-t, 372 p. (In Russ.)

Ryzhenko V.G. (2003). Features of the study of culture and intelligentsia by Siberian researchers in the late XX – early XXI centuries. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. No. 3, pp. 45–54. (In Russ.)

Seleneva I.A., Gorelova Yu.R., Zolotova T.N. (2022). Siberian branch of the Heritage Institute: directions of research. *Kul'turologicheskii zhurnal*. No. 3. DOI: 10.34685/HI.2022.43.69.011. (In Russ.)

Seryaeva M.G. (2019). Financing of the sphere of culture of the Russian Federation and indicators of the effectiveness of its development. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. Vol. 8, no. 2, pp. 305–308. (In Russ.)

Shelegina O.N. (2022). Public organizations of late Socialism: the initial stage of the activity of the Siberian branches of the Soviet/Russian Cultural Fund. *Istoricheskii kur'er*. No. 6, pp. 207–220. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-6-16. (In Russ.)

Slavina L.N. (2021). History of modern Russia. Pt. 1. The Russian Federation in the period of radical transformation (1990s): textbook. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 256 p. (In Russ.)

Sorochkin B.Yu. (ed., comp.) (2008). Actual problems of the cultural policy of modern Russia. Moscow, Lenand, 256 p. (In Russ.)

Yakhno O.N. (2011). Traditions and innovations in the culture of transitional states. *Problemy istorii Rossii*. Ekaterinburg, vol. 9: Russia and the West in the transitional era from the Middle Ages to the Modern Times, pp. 22–28. (In Russ.)

Zhernosenko I.A., Balakina E.I., Egorova T.Y., Konstantinova N.V., Shalabod M.L. (2022). Culture of Siberia and Altai: textbook. Barnaul, Alt. gos. in-t kul'tury, 359 p. (In Russ.)

Zolotova T.N. (2013). Holiday code of the Siberian city: problems of classification, correlation of traditions and innovations. *Šventės siuolaikiniame mieste = Festivals in the modern city : straipsnių rinkinys*. Vilnius, pp. 110–124. (In Russ.)

Zateeva N.A., Tatarova S.P. (2010). Socio-cultural activity in Eastern Siberia: the history of formation, current status and development prospects. Ulan-Ude, VSGAKI, 169 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.02.2023

Дата рецензирования 07.03.2023

Статья принята к публикации 27.03.2023

DOI: 10.15372/HSS20230204
УДК 94:316.35+37(8)(470)

Е.А. ЕРОХИНА

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ДВУЯЗЫЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Институт философии и права СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена изучению влияния образовательной политики в сфере русско-национального двуязычия на формирование гражданской идентичности. Языковая, образовательная и национальная политика в СССР и современной России осмыслена как стратегия перехода к современности. В статье рассмотрено значимое в этом движении противоречие между необходимостью культурной унификации и учета реально существующего языкового многообразия. На основе предложенной автором типологии моделей управления этническим многообразием осуществлен анализ образовательных стратегий в сфере русско-национального двуязычия. Обращение к экспертным исследованиям специалистов в сфере этнокультурного образования позволило подтвердить гипотезу о маятниковом колебании между унитаристской и автономистской моделями русско-национального двуязычия в образовательной политике. Показано, что внедрение менеджериализма в стандарты управления современным образованием детерминировало появление стихийно-релятивистской стратегии, ориентированной на усвоение международных стандартов без учета российских социокультурных реалий. Делается вывод о необходимости усиления этнокультурного компонента в образовании.

Ключевые слова: нациестроительство, образование, гражданская идентичность, этническое многообразие, родной язык, государственный русский язык, модели национальной политики, менеджериализм.

Для цитирования: Ерохина Е.А. Образовательная политика и проблемы двуязычия в современной России // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 33–39. DOI: 10.15372/HSS20230204.

Е.А. EROKHINA

EDUCATIONAL POLICY AND PROBLEMS OF BILINGUALISM IN MODERN RUSSIA

Institute of Philosophy and Law SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article refers to the influence of bilingualism on nation building. It consists of four parts. The introduction actualizes the current ethno-political context, focusing the reader's attention on the heuristic significance of the existing theories of nation building. The thesis is substantiated that they adequately explain the problem of Russian-national bilingualism in the educational policy of the USSR and the Russian Federation. The second part deals with methodology and research methods. It reveals the provisions of the modernization paradigm that are most significant for research: the thesis about contradictions between the ideology of "horizontal partnership" of modern nation-states and technologies of coercive bureaucratic influence; the idea of the need to achieve a certain cultural homogeneity, accessible for management, taking into account the existing ethnic diversity; provision on models and types of national policy. In the section concerned with the results, three educational strategies in the field of managing Russian-national bilingualism (integrative-assimilatory, integrative-adaptive and spontaneously relativistic) are identified, the article explains their specificity and describes their content in the USSR and early post-Soviet period based on the research of experts in the field of ethno-cultural education. The author concludes that the language policy in the USSR and post-Soviet Russia was subject to pendulum swings, an inversion movement from unification and cultural homogenization (within the framework of the integrative-assimilatory strategy) to the well-known "autonomism" based on a balance of interests and taking into account ethnic diversity (in accordance with integrative-adaptive strategy).

The conclusion substantiates the necessity of an integrative-communicative model of national, language and educational policy based on Russian-national bilingualism and recognition of the concept of "Russian people" as a nomination denoting the citizenship of Russians (instead of "Russian nation"). The author emphasizes the necessity of taking into account the ethnic diversity and regional specifics of Russia when planning a new stage of reform in the field of education. The ideas of returning dignity to the teaching community and raising the status of a teacher in society are being updated.

Key words: nation building, education, civic identity, ethnic diversity, native language, state Russian language, national policy models, managerialism.

Елена Анатольевна Ерохина – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, e-mail: lero@phs.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>.

Elena A. Erokhina – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В академическом сообществе существует расхожее представление о политическом значении национализма как разновидности светской гражданской религии, подъем которой был обусловлен происходящими в XIX в. процессами нациестроительства – формирования политической идентичности, основанной на общности культуры и чувстве солидарности с государством, которое берет ее под защиту. До недавнего времени данное представление опиралось на осмысление XX столетия как века доминирования межгосударственных союзов и международных институтов. В политической практике Европейского Союза это проявилось, например, в реализации политического проекта «Европа регионов» [Зонова, 1999, с. 155].

Однако пандемия COVID-19 и военное противостояние между Россией и Украиной скорректировали представление об архаичности национализма. Напротив, политическая мобилизация осмысливается ныне как условие победы России в специальной военной операции. Патриотизм как светская религия становится тем социальным клеем, который связывает граждан, помогает преодолеть аномию и снять социальную дистанцию между богатыми и бедными. Данный тезис в равной мере относится как к постсоветским странам, так и к оппонентам России в Евросоюзе. Это означает, что разнообразные варианты нациестроительства как идеологии, влияющей на языковую и образовательную политику, актуализируются в текущем социально-политическом контексте.

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Существующие концепции национализма – либеральная (Э. Геллнер, Р. Брубейкер, В.А. Тишков), марксистская (И. Валлерстайн, Н.Г. Скворцов), конструктивистская (Б. Андерсон, Э. Смит, Л.М. Дробижева) – при всем разнообразии подходов солидарны в том, что политические нации возникают в эпоху капитализма и представляют собой ответ на вызов модернизации. Иными словами, наций до наступления модерна не существует. Принято считать «начальной точкой» генезиса национальных государств 1648 г., когда был заключен Вестфальский мир и сформулирован принцип государственного суверенитета. И если война, в данном случае – Тридцатилетняя война, сыграла роль древнего и хорошо известного катализатора социальных изменений, то идея народного суверенитета в его связи с государством, связи конвенциональной, основанной на общественном договоре, оказалась в определенном смысле инновацией.

Политический национализм обосновывает легитимность современного государства необходимостью защищать народ и культуру, от имени которых оно действует. Национализм через повседневные практики, включающие личность в систему образования,

трудового найма, во взаимодействие с административными и политическими институтами, СМИ, трансформирует простые и естественные привязанности (такие, как любовь к семье, малой родине, обычаям среды) в приверженность абстрактным идеалам, таким, например, как служение отечеству.

Причина, по которой преданность государственно-гражданским ценностям победила все иные формы лояльности, в том числе религиозные, объясняется достаточно просто. Она заключается, по единодушному мнению исследователей, в возникновении нового коммуникативного пространства благодаря появлению стандартизированного письменного национального (государственного) языка, поддержанного усилиями, с одной стороны, государства, заинтересованного в единообразии политико-административного управления, а с другой – книгоиздателей и книготорговцев [Геллнер, 1991; Андерсон, 2001]. Переход от «печатного капитализма» к капитализму цифровому изменил по форме, но не по содержанию тот социальный порядок, который государство модерна устанавливает благодаря дисциплинарному принуждению [Фуко, 1999]. Одним из социальных институтов, формирующих соответствующие практики, является образование – инструмент повседневной социализации граждан.

Сфера образования, как и рынок, трудовой найм, налогообложение и воинская служба, требует «единого стандарта» – упорядоченной системы идей и практик, которую формирует и обслуживает отряд чиновников, учителей и других служащих. Однако в реалиях нациестроительства принцип «один народ – одно государство – один язык» входит в противоречие с реальным культурным многообразием. В поисках решения этого противоречия было предложено два пути: либо усиление унификации и гомогенизации с целью достижения культурной однородности и ассимиляции (путь, по которому пошла Франция), либо признание идентичности и языков меньшинств при условии политической лояльности (путь, по которому пошла Великобритания, избирательно выстраивая отношения между Англией, с одной стороны, и Уэльсом, Шотландией, Ирландией – с другой) [Миллер, 2000, с. 5–11].

Одним из элементов нациестроительства является политика в отношении государственного языка и языков недоминантных этнических групп. Под государственным языком понимается язык политической нации, на котором осуществляется политико-административное управление, развивается массовое образование, судопроизводство. В ситуации конкуренции доминирующего языка с языками недоминантных групп возникает несколько моделей нациестроительства, о которых мы писали ранее [Ерохина, 2016, с. 174]. В частности, в рамках унитаристской и автономистской моделей были выделены

следующие стратегии управления этническим многообразием: интегративно-ассимиляционная и интегративно-адаптивная.

Первая стратегия выражает принципы формального единообразия в управлении окраинами, выделения регионов по территориальному признаку, прямого подчинения регионов центральной власти. Она не предполагает возможности самоуправления общин на основе культурной специфики населения, компактно проживающего на какой-либо территории. В противоположность ей вторая стратегия отражает принципы права наций на самоопределение, в том числе государственное, на культурную самобытность этнических групп в составе полиэтнических государств, на сохранение языка и традиций этнических меньшинств, связанных своим образом жизни с определенной территорией [Там же, с. 181].

ЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ В СССР

Как справедливо отмечают С.А. Боргояков и Р.С. Бозиев, в зависимости от текущих задач национальной политики «поддержка этнокультурной идентичности ... на одних этапах истории России включалась в число приоритетных задач образовательноразноязыковой политики, а на других – эта проблема не актуализировалась. В результате периоды “спонсирования этнической идентичности”, развития этнокультурного образования и роста количества этнокультурных школ сменялись периодами консолидации российского общества и повышенного внимания к развитию государственного языка. И если политика сохранения и развития языков и культур народов России являлась одним из главных условий “обеспечения межнационального мира и согласия”, то деактуализация этнокультурной проблематики приводила к «усилению унитаристско-ассимиляционных тенденций, дезинтеграции и ослаблению единства российского общества» [Боргояков, Бозиев, 2021, с. 74].

При образовании СССР принцип государственного суверенитета был дополнен правом наций на самоопределение. «Национальный вопрос» был решен на этнической основе, с учетом национально-территориального размежевания и опорой на «коренизацию» – совокупность мер поддержки нерусских элит и их продвижения на административные и политические посты в советских и партийных органах. Первые десятилетия своего существования СССР мыслил себя как государство угнетенных трудящихся, цель которого – их объединение в Мировую Советскую Социалистическую Республику и борьба с капитализмом¹. Антиколониальный тренд диктовал

идею всемерной поддержки угнетенных народов, их возможность, минуя капитализм, «с помощью пролетариата передовых стран ... перейти к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму» [Ленин, 1981, с. 246].

В статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» (1914) вождь большевиков В.И. Ленин, выступая за возможность каждого жителя России научиться русскому языку, отмечает, «что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*... А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное – обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т.д.» [Ленин, 1973, с. 294].

Действительно, в первые десятилетия советской власти принцип равноправия наций и языков реализовывался в мерах по сохранению и поддержке языков недоминантных этнических групп: создавались алфавиты для бесписьменных прежде народов, развивалось книгопечатание на национальных языках, формировались отряды национальной интеллигенции, обеспечивались равные права на использование родного языка в образовании, администрировании, судопроизводстве. Таким образом, интегративно-адаптивная стратегия управления этническим многообразием выполняла в раннесоветский период функцию гармонизации межэтнических отношений. Особую роль в предотвращении межэтнических противоречий сыграла идея советской гражданской идентичности, наднациональной по своему содержанию, заряженной преобразовательным утопизмом коммунистической идеологии.

Тем не менее по мере осознания советской элитой неосуществимости идеала мировой коммунистической революции в ближайшей перспективе и ее переориентации на строительство социализма в «одной, отдельно взятой стране» с неизбежностью возник вопрос о смене ориентиров национальной политики. 13 марта 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект постановления «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В документе особо подчеркивалась необходимость преподавания русского языка как предмета изучения в школах национальных республик и областей². С этого момента начинается увеличение числа учебных заведений, в которых пред-

¹ Декларация об образовании СССР 30 декабря 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. URL: <https://statearchive.ru/468> (дата обращения: 07.03.2023).

² Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. // Консультант. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23269#A4kNUZT2nCj2V1Th> (дата обращения: 07.03.2023).

метное обучение осуществляется на русском языке, и сокращается число тех заведений, где нерусский язык оставался основой преподавания. Параллельно с этим начинается процесс перевода письменности ряда советских этносов с латиницы на кириллицу. Внедрение элементов интегративно-ассимиляционной модели усилило языковое неравенство, увеличило число недовольных искусственной русификацией, создало предпосылки для будущих этнических конфликтов, хотя и не отобрало у народов право на использование родного языка.

В целом языковая политика в СССР, как и вся советская национальная политика, была подвержена маятниковым колебаниям, инверсионному движению от унификации и культурной гомогенизации к известному «автономизму», основанному на балансе интересов и учете этнического многообразия. Движение в ту или иную сторону детерминировалось задачами nation-building, нацеленностью национальной политики на решение государственных задач с учетом социокультурных потребностей этнических сообществ либо без такого учета.

ДВУЯЗЫЧИЕ В ОБРАЗОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В постсоветский период в практиках управления этносоциальными процессами на короткое время возобладали проект суверенизации, к концу 1990-х гг. трансформировавшийся в идею региональной гражданской идентичности. Сильной стороной регионализма следует признать поддержку «многонациональности», развитие языков и культур народов страны. «В соответствии с социокультурными трансформациями в обществе образовательно-языковая политика была ориентирована на удовлетворение этнокультурных и языковых потребностей молодежи и на модернизацию этнокультурного образования», – отмечают С.А. Боргояков и Р.С. Бозиев [Боргояков, Бозиев, 2021, с. 75].

Среди инноваций постсоветского периода стоит отметить положительный характер принятых РФ обязательств в отношении прав и свобод человека, в том числе Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств (ратифицирована РФ 18.06.1998 г.)³. Важнейшими законодательными актами Российской Федерации, гарантирующими права человека на культурное и языковое самоопределение, выступают Конституция РФ⁴, Закон о языках народов

РФ⁵, Закон об образовании (1992), что позволило расширить этнокультурную составляющую содержания образования, увеличить общее число изучаемых родных языков и количество школьников, их изучающих [Там же, с. 75].

Очередной этап трансформации российской системы образования в 2000-е гг. породил новые реалии (ЕГЭ, двухуровневая система высшего образования), новые ориентиры (включение России в мировое информационно-образовательное пространство) и новые практики (оптимизация образования, новые модели оценки качества работников педагогического и научного (научно-педагогического) труда). Такая переориентация без учета отечественных традиций образования, соответствующей оценки многонационального характера России привела к размыванию этнокультурной составляющей образовательной политики. Тренд на внедрение принципов мультикультурализма привел к парадоксальной ситуации, в условиях которой декларируемый учет культурного многообразия пришел в противоречие с менеджеральной конъюнктурой. В результате гуманистическое содержание образования оказывалось замещено формальными показателями «успеха».

Можно констатировать, что второе постсоветское десятилетие породило новый, постмодернистский тип управленческой рациональности, охарактеризованный нами как стихийно-релятивистский [Ерохина, 2016, с. 185]. В режиме реального управления такой тип реализуется в практиках мультикультурализма, который ретуширует реальное неравенство формальной декларацией принципа культурного плюрализма.

Хотя Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»⁶ недвусмысленно указывает на то, что образование является общественным благом, в практиках управления на региональном и национальных уровнях утвердился подход, позволяющий относиться к образованию как к услуге. Отношение к образованию как к услуге является, безусловно, инновацией, внедрение которой обусловлено институциональными реформами постсоветского периода. Косвенным аргументом в пользу данного тезиса является введение в практики бюджетного финансирования общеобразовательных организаций абсолютно рыночного нормативно-подушевого принципа, усилившего и без того существующее неравенство в доступе

³ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств Совета Европы, 1 февраля 1995 г. // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/2540487> (дата обращения: 07.03.2023).

⁴ Конституция Российской Федерации // Государственная Дума РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446> (дата обращения: 07.03.2023).

⁵ Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. №1807-1 с изменениями от 12 марта 2014 г. // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524 (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ Федеральный закон № 273 от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 07.03.2023).

к образованию детей из сельской местности, учащихся малокомплектных школ, а также получающих образование на родных языках. Данный подход поставил в сложное положение педагогические коллективы и учащихся таких школ [Ерохина, 2019, с. 145]. Он проявился, например, в практике изъятия школьными администрациями часов, выделенных в школьном расписании для уроков родного языка и родной литературы, на подготовку учащихся к сдаче ЕГЭ.

Вместе с тем постановка задачи гражданской интеграции народов России, заявленная в Стратегии государственной национальной политики⁷, в гармонии с этническим самосознанием потребовала поиска новых, адекватных современным реалиям форм этнокультурного образования. Однако между заявленными планами и их реализацией существует определенная дистанция. Изменение целевых ориентиров национальной политики, а именно, внедрение в массовое сознание идеи «русской нации» как замещающей концепт русского народа привело к сужению этнокультурной проблематики в общественных дискуссиях. Этническая консолидация стала рассматриваться частью академического сообщества и политической элиты не как ресурс развития страны, а как угроза укреплению гражданского единства России [Попков, 2017, с. 158]. Так, в августе 2016 г. на Совете по межнациональным отношениям при Президенте РФ резонансным стало выступление В. Михайлова о необходимости принятия специального «закона о русской нации».

ПРОБЛЕМА ДВУЯЗЫЧИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В принятой в 2012 г. и обновленной в 2018 г. Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г. для решения двух взаимосвязанных задач – формирования гражданского единства народов России и сохранения этнокультурного многообразия – подчеркивается необходимость баланса между гражданской и этнической идентичностью и укрепления потенциала их бесконфликтного существования. Стратегия содержит концепт культурного (цивилизационного) кода России как «исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации»⁸.

⁷ Указ Президента РФ № 703 от 6 декабря 2018 г. «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012. № 1666» // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010> (дата обращения: 07.03.2023).

⁸ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (с изм. от 6 декабря 2018 г.) // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010> (дата обращения: 07.03.2023).

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» закрепил единство народов России в качестве одного из ценностных приоритетов государственной политики⁹.

Представляется, что одной из актуальных задач реализации Стратегии государственной национальной политики РФ могла бы стать выработка концептуальных оснований интегративно-коммуникативной модели этнонациональной политики, наиболее соответствующей современным реалиям. Ее ценностными ориентирами должны служить следующие принципы: интеграция без ассимиляции на основе уважения прав человека, в том числе права на сохранение и развитие родного языка, более тонкий учет этнокультурной специфики межэтнических сообществ на всех уровнях власти, более активное взаимодействие государства с негосударственными субъектами ее реализации, экспертным сообществом и институтами гражданского общества [Ерохина, 2019, с. 147–148].

Эти ориентиры не только не противоречат традиционным ценностям России, но, более того, увеличивают потенциал межэтнического согласия, условием которого является позитивная этническая идентичность [Боргояков, Бозиев, 2021, с. 83]. Позитивная идентичность характеризуется знанием языка и культурной специфики своей этнической группы, ее истории, положительным отношением к ее культурному достоянию, позитивным отношением к представителям других народов, знакомством с их культурой и поведенческими особенностями, опытом сопотребности и сотрудничества разных народов в социокультурном пространстве российской цивилизации и сопредельных стран, готовности анализировать позитивный опыт такого сотрудничества.

Между тем вопрос о том, кто и в каком объеме должен изучать родные языки, должно ли обучение им носить обязательный или факультативный характер, а также вопросы учебно-методического сопровождения обучения родным языкам и многие другие вопросы, актуализированные на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле летом 2017 г., обозначили начало нового этапа интенсивного диалога между обществом и властью. Напомним, что промежуточным итогом взаимодействия общественности и законодателей стал Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федера-

⁹ Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906 (дата обращения: 07.03.2023).

ции». Закон был одобрен обеими палатами парламента в конце июля 2018 г. и подписан Президентом РФ В.В. Путиным 3 августа того же года. Согласно Федеральному закону, свободный выбор языка образования, изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется, начиная с сентября 2018 г., по заявлениям родителей при приеме на обучение по образовательным программам дошкольного, начального общего и основного общего образования¹⁰.

Таким образом, национальные языки сохранились в обязательной части образовательной программы. В то же время для людей, которые не считают эти языки родными, они перестали быть обязательными. С 1 сентября 2018 г. изучение родного языка и государственных языков субъектов федерации стало определяться выбором родителей.

Обретение временного консенсуса в вопросе о том, кому и в каком объеме следует преподавать языки народов РФ в системе среднего образования, можно считать лишь многоточием, за которым следует целый ряд новых вопросов. Вопрос о родном языке нельзя рассматривать в отрыве от формирования позитивной этнической идентичности и соответствующих ей компетенций. Унитаристская и автономистская модели, каждая по своему, содействуют либо гомогенизации, либо фрагментации общества. Однако и существующая релятивистская модель имеет свои издержки, проявляющиеся в выхолащивании содержания гражданского (частью которого следует признать этнокультурную составляющую) образования.

Л.М. Дробижева справедливо отмечала, что гражданская идентичность является реальным индикатором консолидации многонационального народа России и фактором обеспечения межнационального согласия, поскольку включает наряду с осознанием прав и обязанностей ответственность за судьбу страны, а также этническое самоопределение личности и принятие общечеловеческих ценностей и норм [2020, с. 39–41]. Из этого следует отсутствие противоречий между этнической и гражданской идентичностью, возможность сбалансированного подхода к русско-национальному двуязычию, формирование культуры гармоничных межэтнических отношений.

В настоящее время большая работа проводится языковыми активистами в социальных сетях и мессенджерах, в киберпространстве наблюдается подъем

низовых лингвистических инициатив [Игнатьева, Данилов, 2022, с. 182–183]. Вместе с тем исследователи отмечают формально-бюрократический подход не только к анализу современной языковой ситуации, но и к языковой политике. Так, например, некоторые ученые указали на предвзятое отношение организаторов Всероссийской переписи населения 2020 г., исключившее возможность реальной оценки функционирования родных языков в повседневной жизни [Там же, с. 165–166].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование является сферой воспроизводства общественных благ. Именно здесь конструируются позитивные образцы межэтнических отношений. Противоречие между гуманистическим содержанием образовательного процесса и менеджерскими практиками его администрирования негативно влияет на те предметные области, которые отвечают за воспроизводство целостности личности. Это все гуманитарные дисциплины и особенно родной язык и родная литература [Ерохина, 2019, с. 144–145]. Исходя из принципа поливариативности образования и учета этнического многообразия в субъектах Российской Федерации, необходимо строить основания интегративно-коммуникативной модели национальной, языковой и образовательной политики на основе русско-национального двуязычия и признания в качестве номинации, обозначающей согражданство россиян, концепта «российский народ» вместо «российской нации», вызывающей противоречивое отношение как у представителей недоминантных этнических групп, так и у представителей русского большинства. Наконец, необходимо рассмотреть вопрос о возвращении достоинства учительскому сообществу и снижении бюрократической нагрузки на его представителей [Борисова, 2022, с. 106–107]. Дефицит субъектности учительства провоцирует отчуждение профессионалов, родительского сообщества и молодежи, т.е. общества в целом, от постановки значимых целей, оценки профессиональных результатов труда и дальнейшего планирования этой значимой для общества сферы его жизни.

Из противоречия между идеологией гражданской солидарности и технологиями бюрократического принуждения возникает запрос на общественное участие, преодолевающее отчуждение участников образовательного процесса от принятия решений. Экспертные институты гражданского общества уже доказали свою эффективность. Например, усилиями учителей родных языков в декабре 2017 г. была создана Ассоциация преподавателей родных языков коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, которая взяла на себя ответственность за разработку концепции преподавания 41 языка корен-

¹⁰ Подписан закон об обеспечении возможности получения образования на родных языках из числа языков народов России. Москва, Кремль, 3 августа 2018 г. // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58252> (дата обращения: 07.03.2023).

ных малочисленных народов. В марте 2018 г. была образована Ассоциация учителей родного, в том числе русского, языка, провозгласившая своей целью создание в системе образования условий для сохранения и развития родных языков народов России. Их опыт был учтен в 2022 г. при проведении мероприятий в рамках года народного искусства и нематериального культурного наследия народов России.

В Российской Федерации 2023-й год объявлен Годом педагога и наставника. Текущие внешнеполитические обстоятельства, несмотря на высокую степень турбулентности, дают надежду на усиление механизмов общественного контроля в этнокультурной сфере, требующей укрепления когнитивного и гуманитарного суверенитета России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2001. 288 с.

Борисова Л.Г. Социальное качество профессиональной группы (на примере российского учительства 1960–90-х гг.) // Образование, социальная мобильность, человеческое развитие: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. С. 41–107.

Боргояков С.А., Бозиев Р.С. Этнокультурное образование как фактор укрепления межнационального согласия в российском обществе // Инновационные процессы в высшем и профессиональном образовании и профессиональном обучении. М.: Экон-Информ, 2021. С. 71–87.

Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; под ред. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Дробизева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.

Ерохина Е.А. Концептуальные основания и принципы регионального моделирования этнонациональной политики в современной России // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 4. С. 174–188.

Ерохина Е.А. Общественная экспертиза в интегративно-коммуникативной модели регулирования этносоциальных процессов: дилемма родного языка // Философия образования. 2019. Т. 3. С. 137–150.

Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. № 5. С. 155–164.

Игнат'ева В.Б., Данилов И.А. Миноритарные языки Севера в социологической перспективе // Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: итоги исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 2022. С. 163–183.

Ленин В.И. Нужен ли обязательный государственный язык? // Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е. М.: Изд-во полит. лит., 1973. Т. 24. С. 293–295.

Ленин В.И. Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросам. II Конгресс Коммунистического Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. лит., 1981. Т. 41. С. 242–247.

Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алейтей, 2000. 260 с.

Попков Ю.В. Концептуальные основы формирования интеграционного потенциала государственной национальной политики // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15. № 2. С. 148–163.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

REFERENCES

Anderson B. (2001). Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow, Kuchkovo pole, 288 p. (In Russ)

Borisova L.G. (2022). The social quality of a professional group (by the example of Russian teachers in the 1960s–90s). *Obrazovanie, sotsial'naya mobil'nost', chelovecheskoe razvitie: materialy Vseros. nauch. konf.* Novosibirsk, pp. 41–107. (In Russ)

Borgoyakov S.A., Boziev R.S. (2021). Ethnocultural education as a factor of strengthening interethnic harmony in Russian society. *Innovatsionnye protsessy v vysshem i professional'nom obrazovanii i professional'nom obuchenii*. Moscow, pp. 71–87. (In Russ)

Drobizheva L.M. (2020). Russian identity: the search for definition and distribution dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 8, pp. 37–50. (In Russ)

Erokhina E.A. (2016). Conceptual foundations and principles of regional modeling of ethnonational policy in modern Russia. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. Vol. 14, no. 4, pp. 174–187. (In Russ)

Erokhina E.A. (2019). Public expertise in the integrative-communicative model of ethno-social processes regulation: the native language dilemma. *Filosofiya obrazovaniya*. Vol. 19, no. 3, pp. 137–150. (In Russ)

Foucault M. (1999). Discipline and punish. The birth of the prison. Moscow, Ad Marginem, 480 p. (In Russ)

Gellner E. (1991). Nations and nationalism. Moscow, Progress, 320 p. (In Russ)

Ignat'eva V.B., Danilov I.A. (2022). Minority languages of the North in a sociological perspective. *Identichnost', yazyk i kul'tura molodezhi korennykh narodov Severa: itogi issledovaniya v Yakutii*. Novosibirsk, pp. 163–183. (In Russ)

Lenin V.I. (1973). Is a compulsory official language needed? *Polnoe sobranie sochineniy*. 5th ed. Moscow, Izd-vo polit. lit., vol. 24, pp. 293–295. (In Russ)

Lenin V.I. (1981). Report of the Commission on national and colonial questions. II Congress of the Communist International. *Polnoe sobranie sochineniy*. 5th ed. Moscow, Izd-vo polit. lit., vol. 41, pp. 242–247. (In Russ)

Miller A.I. (2000). "Ukrainian question" in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the XIX century). Saint Petersburg, Aleiyea, 260 p. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2017). Conceptual foundations for the formation of the integration potential of the state national policy. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. Vol. 15, no. 2, pp. 148–163. (In Russ)

Zonova T.V. (1999). From Europe of states to Europe of regions. *Polis*. No. 5, pp. 155–164. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 10.03.2023

Дата рецензирования 01.04.2023

Статья принята к публикации 10.04.2023

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20230205

УДК 39+726(571)"19/20"

А.Ю. МАЙНИЧЕВА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В КОНСТРУИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА: СИБИРСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ В XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17.

Исследование выполнено в рамках НИР государственного задания FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

В статье рассматривается актуальная проблема определения значения этнокультурной памяти в конструировании картины мира на примере возведения сибирских православных церквей в XX – первой четверти XXI в. Полигоном для исследования выбраны поселения, окормляемые Новосибирской митрополией. Источниковую базу составили полевые, справочные, архивные материалы, базы данных. Православные храмовые здания демонстрируют результат конструирования модели поведения в обществе, основанной на триаде: идентичность – этнокультурная память – картина мира, вместе с тем отражают рост обращаемости к значимым в обществе идеалам, историческим событиям, реконструкции религиозной мифологии. В активизации этнокультурной памяти принимают участие представители Русской Православной Церкви, сферы образования, науки, сотрудники библиотек, музеев, а также представители общественности. Этнокультурная память выступает основой воссоздания утраченных храмовых зданий и традиционных для православия престолонаименований, строительства мемориальных церквей и часовен, системного воспроизведения религиозных практик.

Ключевые слова: этнокультурная память, картина мира, православные церкви, культурный ландшафт, Сибирь.

Для цитирования: Майничева А.Ю. Этнокультурная память в конструировании картины мира: сибирские православные церкви в XX – первой четверти XXI в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 40–47. DOI: 10.15372/HSS20230205.

A.Yu. MAINICHEVA

ETHNO-CULTURAL MEMORY IN CONSTRUCTING A PICTURE OF THE WORLD: SIBERIAN ORTHODOX CHURCHES IN THE 20TH – FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURIES

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The actualization of the concept of «ethno-cultural memory» is associated with multidirectional processes of globalization, regionalization, and localization in modern world and Russian culture. The research task is to establish one of the options for the relationship between ethno-cultural memory and the picture of the world by the example of Russian Orthodox churches of the Novosibirsk Metropolis in the XX – the first quarter of the XXI centuries, which is being done for the first time. The article considers various options for preserving ethno-cultural memory in the construction of Orthodox church buildings, and presents their classification. It is shown that the memory of churches and their thrones is preserved in oral and

Анна Юрьевна Майничева – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: ann-maini@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0784-4252>.

Anna Yu. Mainicheva – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

written form. The collective memory of belonging to Orthodoxy is steadily preserved. The memorial temples contribute to the preservation and transmission of cultural meanings close to historical events and people important for a particular ethno-cultural community. The existence of churches is associated with holding services, church holidays, commemorations, religious processions. The central or specially allocated place for the church in the settlement creates the prerequisites for organizing various mass cultural events around it, including traditional holidays, both religious and civil. Siberian Orthodox churches demonstrate the result of constructing a model of behavior in society based on the triad «identity – ethno-cultural memory – picture of the world». The ethno-cultural memory plays one of the significant roles in determining the strategy of behavior in the created picture of the world, which is expressed in the reconstruction of lost temple buildings and altar names that have taken root in Russian culture, the construction of memorial churches and chapels, and the reproduction of religious practices traditional for Orthodoxy.

Key words: *ethno-cultural memory, world picture, Orthodox churches, cultural landscape, Siberia.*

ВВЕДЕНИЕ

Актуализация понятия «этнокультурная память» связана с разнонаправленными процессами глобализации, регионализации и локализации в современной мировой культуре, которые не обошли и российское общество. В самом общем случае этнокультурную память можно определить как культурную память этнических образований, куда входит множество представлений, оценок, способов восприятия, мировоззренческих и поведенческих установок и других составляющих, возникающих по поводу культуры¹. Многие аспекты влияния этнокультурной памяти на состояние и развитие культуры до сих пор слабо изучены. Очевидный объем и многоаспектность поставленной проблемы заставляют сузить и конкретизировать ее решение, что позволяет достичь конкретных результатов в каком-либо выбранном аспекте. При этом следует принимать во внимание, что картина мира является основой культуры.

С учетом того, что этнокультурная память основана на идентичности ее носителей [Нигматуллина, 2021, с. 10–11], а к факторам ее формирования могут быть отнесены нематериальное духовное наследие, культурный ландшафт, составляющий историческую основу в рамках пространства этнокультурного ареала, религиозные институты, дающие духовную и этническую основу в исторической культурной традиции, административно-территориальное деление и статус территории, такой задачей может стать установление одного из вариантов взаимосвязи этнокультурной памяти и картины мира – на примере культовых сооружений, являющихся носителями духовного наследия, частью культурного ландшафта, атрибутом религиозных институтов. Они размещаются на территории какого-либо административного образования, например, епархии, области.

Следует учитывать, что формирование картины мира этнических групп и сообществ противостоит ее конструированию постольку, поскольку бессознательные и стихийные процессы противоположны наме-

ренному и планируемому созиданию. Можно говорить о конструировании картины мира посредством религиозных зданий, поскольку решения об их возведении или уничтожении принимаются благодаря целенаправленным действиям людей: так, жители поселений выражали желание о строительстве или разрушении церквей, часовен, молитвенных домов; иерархи церкви, административные органы принимали решения о возведении или закрытии храмов и проводили свое решение в жизнь. Конструирование, как и формирование, картины мира является неоднозначным процессом, протекающим на нескольких уровнях: философско-теологическом, социокультурном и научно-эмпирическом. Благодаря специфике предназначения храмов и роли их возведения наибольшее значение приобретают первые два, поскольку первый уровень основан на мировоззрении людей, духовных практиках, религиозных верованиях, второй – касается происхождения культуры и культурного наследия, трансляции опыта поколений. На этих аспектах и сосредоточено внимание в исследовании.

Новизна работы обусловлена ее целью, которой является показ роли этнокультурной памяти в конструировании картины мира посредством строительства современных церквей в Новосибирской митрополии. Выбор полигона исследования связан с тем, что на этой территории сложилась своеобразная этническая общность, исторически объединенная как приходским устройством, поскольку все приходы входили к началу XX в. в Томскую епархию, так и современной ситуацией, характеризующейся тем, что в иерархическую пирамиду самоидентификации населения входит понимание себя как жителя Новосибирской области. Временные рамки обусловлены актуальными этнокультурными процессами в современном обществе, а также состоянием источниковой базы, включающей материалы полевых исследований автора, архивные и опубликованные справочные материалы, базы данных, созданные с целью систематизации документальных сведений о храмах. На более чем вековой период, XX – первой четверти XXI в., охватывающий в том числе советский и так называемый постсоветский этапы, пришлась коренная ломка социально-политических систем, коснувшаяся религиозной сферы, что привело к уничтожению, а затем

¹ Константинов А.В. Картина мира // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2049399> (дата обращения: 07.03.2023).

воссозданию сети храмовых сооружений. Для целей исследования хронологические рамки могут расширяться. Методология, кроме общепринятых исторических методов и этнографических приемов, включает авторскую программу исследования, предусматривающую сравнение и верификацию количества, наименований, размещения посвящений престолов церквей в начале XX в., а также сохранившихся и построенных церквей в конце XX – начале XXI в.

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ГРУППЫ ХРАМОВЫХ ЗДАНИЙ В XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

По данным «Справочной книги Томской епархии» 1914 г. методом сплошного просмотра было выделено 215 приходов с более чем 350 православными культовыми зданиями, включая соборы, церкви, часовни и молитвенные дома, существовавшие в начале XX в. в заданных территориальных рамках [Справочная книга по Томской епархии, 1914. Далее – СКТЕ, 1914]. К первой четверти XXI в. количество церквей уменьшилось почти в 2 раза как в результате закрытия приходов, разрушения и переоборудования храмовых зданий, угасания поселений, признания их «неперспективными», так и включения их территории в состав г. Новосибирска. Произошло и количественное перераспределение церковной сети, в настоящее время наибольшее количество церквей находится в г. Новосибирске, а в начале XX в. преимущество было за сельскими поселениями.

Автором выделены закрытые приходы, разрушенные и перестроенные церкви; на их примере прослежено сохранение памяти о них, но основное внимание посвящено сохранившимся и вновь построенным соборам, церквям, имеющим один или несколько престолов, что учитывалось в анализе престолонаименований и возведении новых храмовых зданий. Кроме того, рассматривались молитвенные дома и часовни в Новосибирске (более 90 церковных зданий) и Новосибирской области (более 60). По прецедентному принципу среди существующих в настоящее время православных культовых зданий выделено несколько групп:

1) здания, существовавшие в начале XX в., сохранившие свою территориальную привязку и престолонаименования, полностью или частично;

2) сооружения, существовавшие в начале XX в., сохранившие свою территориальную привязку и изменившие престолонаименования, включая изменение статуса (церковь – часовня – молитвенный дом);

3) здания, впервые возведенные в конце XX – первой четверти XXI в.

Формат статьи не позволяет перечислить все храмовые здания из каждой группы, ограничимся некоторыми примерами.

К первой группе зданий (существовавшие в начале XX в., сохранившие свою территориальную привязку и престолонаименования полностью или частично) относится, например, собор Александра Невского, построенный в 1899 г. [СКТЕ, 1914, с. 105]. Церковь во имя Иоанна Предтечи в г. Куйбышеве Новосибирской области, была возведена в 1906 г. в Каинске (совр. г. Куйбышев)², в настоящее время – памятник архитектуры регионального значения. Церковь Архистратига Михаила в Коченево была построена в 1898 г. [СКТЕ, 1914, с. 175]. Однопрестольная деревянная церковь во имя Св. Живоначальной Троицы возведена в 1898 г. в с. Верх-Тулинском [СКТЕ, 1914, с. 110] (совр. с. Верх-Тула), здание было снесено, а в 2004 г. вновь отстроено (ПМА). Деревянная однопрестольная во имя Святителя и Чудотворца Николая церковь построена в 1883 г. [СКТЕ, 1914, с. 259], закрыта в 1933 г. и вновь открыта в 1992 г. (ПМА). Церковь св. Пророка Илии в с. Локтинском построена в 1906 г. [СКТЕ, 1914, с. 180], она не сохранилась. Современное ее здание построено Епархиальным реабилитационным центром. Церковь приписана к собору Александра Невского в г. Новосибирске (ПМА). Следует отметить, что далеко не все церкви первой группы сохранились в своем первоначальном виде, большинство церквей закрывалось, приспособлялось под складские, образовательные, административные здания, часть из них была снесена, а затем построена вновь.

Ко второй группе (существовавшие в начале XX в., сохранившие свою территориальную привязку и изменившие престолонаименования, включая изменение статуса: церковь – часовня – молитвенный дом) относится, например, Вознесенский кафедральный собор. Он был возведен однопрестольный в дереве в 1913 г. [СКТЕ, 1914, с. 105], затем перестроен в камне, приобрел статус собора. Сейчас к этой церкви пристроены приделы свт. Николая Чудотворца и св. Серафима Саровского (ПМА). Деревянная однопрестольная церковь во имя свт. Алексия Московского построена в 1910 г. в с. Алексеевском [СКТЕ, 1914, с. 180] (сейчас – пгт. Мошково), закрыта в 1932 г., разобрана. Кирпичное здание церкви уже с посвящением Алексею, Человеку Божьему, сооружено там в 1999 г. (ПМА). Деревянная однопрестольная церковь во имя св. Троицы Живоначальной построена в 1906 г. в с. Мохнатый Лог [СКТЕ, 1914, с. 304], ныне посвящение имеет свт. Николаю Чудотворцу, устроена в приспособленном доме и отмечена крестом, установленным на крыше (ПМА). Деревянная одно-

² Полевые материалы автора, собранные в 1992–2020 гг. в ходе работы Западно-Сибирского этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН, начальник отряда – А.Ю. Майничева. (Далее в тексте – ПМА).

престольная церковь во имя Вознесения Господня построена в 1861 г. в с. Болтовское [СКТЕ, 1914, с. 491], сейчас она имеет посвящение св. Троице Живоначальной, освящена в 2011 г., приписана к церкви Вознесения Господня в пос. Сузун (ПМА).

К третьей группе (впервые возведенные в конце XX – первой четверти XXI вв.) относится большинство церквей и часовен г. Новосибирска и его пригородов, ранее многие церкви и их посвящения не встречались (см.: [Майничева, 2020]). Таковы, например, церкви с престолами во имя Всех святых, в земле Российской просиявших, Собор Киево-Печерских Святых, св. Феодора Томского, св. Макария (Невского), митрополита Алтайского, св. Иоанна, митрополита Тобольского, св. Ефросиньи Полоцкой, св. Николая II Царя-страстотерпца. Г.В. Любимова в своих исследованиях, касаясь народно-православной картины мира, отмечает, что при непосредственном участии Русской Православной Церкви происходит возрождение почитаемых источников [2021б, с. 121]. Рядом с источником под патронажем РПЦ возводят культовые сооружения. Например, в пос. Ложок Искитимского района Новосибирской области рядом с ключом, который, по рассказам, пробился на месте лагеря особого назначения, входившего в систему СИБЛАГА, и приобрел широкую известность как святой и целебный с 1990-х гг., была построена церковь в честь св. Новомучеников и Исповедников Церкви Русской (ПМА).

Следует упомянуть еще одну группу храмовых зданий, имеющих сложную историю, требующих отдельного рассмотрения, поскольку в их истории сочетаются все классификационные группы. Так, в 1808 г. в г. Бердске была построена каменная трехпрестольная церковь, имевшая главный престол во имя Сретения Господня, приделы во имя Богоявления Господня и Успения Божией Матери (СКТЕ, 1914, с. 108). Позже она была перестроена с целью расширения, затем закрыта в 1939 г., сломана в начале 1950-х гг., так как находилась в зоне затопления Обского водохранилища (ПМА). А в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на новой территории города под молитвенный дом с иконой Сретения Господня был приспособлен жилой дом, который сейчас не используется для богослужений. Посвящение было выбрано в память церкви в старом Бердске. Новое деревянное здание церкви во имя Сретения Господня возведено в 2005–2007 гг. Церковь освящена в 2009 г. Сретенской была названа и часовня-столп, сооруженный в 2016 г. у въезда в г. Бердск на средства благотворителей и прихожан Сретенского прихода в честь 300-летия города. В 2014–2017 г. была построена церковь во имя Богоявления Господня, что также было приурочено к 300-летию г. Бердска. Очевидна преемственность в посвящениях молитвенного дома и часовни, а также

престолаи именованиях церквей, причем в старой церкви 1808 г. один из придельных престолов имел то же поименование, что и престол в одной из новых церквей.

Наблюдается преемственность и в посвящениях других новых храмовых зданий города. Так, в 2005 г. перед зданием Бердского кадетского корпуса им. О. Куянова была сооружена кирпичная часовня-стела во имя св. Георгия Победоносца, в 2008 г. в деревянном здании школы устроена беспричтовая церковь, которая до 2015 г. была приписана к Преображенскому, а затем к Сретенскому храму (ПМА). Следует отметить, что возвращение к посвящениям ранее существовавших церквей не отрицает возведения и выбора новых престолаи именований; таковы бердские храмы с престолами во имя св. Георгия Победоносца, Преображения Господня. Обращает на себя внимание и мемориальность часовен и церквей, поставленных в честь памятного события – 300-летия города.

Другой пример касается создания монастыря в современном с. Козиха Ордынского района Новосибирской области. Село находится примерно в 100 км от г. Новосибирска. В 1906 г. в с. Козихинское была освящена деревянная однопрестольная церковь во имя св. Архистратига Божия Михаила (СКТЕ, 1914, с. 262). Она была закрыта постановлением Новосибирского облисполкома № 1151 от 14 июля 1935 г., пополнив список недействующих православных церквей, находящихся в Новосибирской области и г. Новосибирске, который был составлен в 1945 г.: «с. Козиха. Колхозный склад. Деревянное очень ветхое, опасно для использования как церкви. Было переоборудовано под клуб, купола, кресты, колокольня сняты»³.

Михаило-Архангельский Козихинский мужской монастырь был открыт в конце 1990-х гг. после перевода монашеской общины из д. Малоирменки. Стоящий на месте снесенной церкви гараж передан монастырю и перестроен под храм во имя Михаила Архангела, к нему примыкает братский корпус. В д. Малоирменка организован женский Михаило-Архангельский монастырь, его каменная церковь во имя Михаила-Архангела построена на месте разрушенной деревянной церкви, предположительно имевшей престол во имя Сергия Радонежского (?).

Мужской монастырь имеет обширное хозяйство: развиваются земледелие, скотоводство, пчеловодство, рыбоводство, есть ремесленные мастерские. На территории монастыря сооружается церковь во имя Сошествия Святого Духа, здесь размещена надколодезная часовня Иконы Божией Матери Живоносный источник. Монастырь имеет подворья в г. Новосибирске, с. Верх-Ирмень, с. Верх-Чик, с. Новый Шарап,

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 15. Л. 53–60.

с. Красный Яр, с. Петровское (ПМА). На каждом из них возведена церковь, а в некоторых воссозданы первоначальные посвящения утраченных храмов. Например, в с. Верх-Ирмень новая церковь построена в конце 1990 – начале 2000 гг. (ПМА) в память о деревянной однопрестольной церкви в честь св. Пророка Илии (СКТЕ, 1914, с. 260). В с. Красный Яр выстроен храм во имя св. Благоверного князя Александра Невского, в 1900 г. в селе существовал одноименный деревянный трехпрестольный храм с приделами во имя Александра Невского, св. Пантелеимона Целителя, в честь Иверской иконы Божией Матери (СКТЕ, 1914, с. 264). Церковь закрыта постановлением Новосибирского облисполкома № 5959 от 22 июля 1933 г., использовалась как средняя школа, свой облик как церкви не сохранила⁴. При строительстве Обской гидроэлектростанции церковь оказалась в зоне затопления. В настоящее время на месте расположения храма находится остров, там установлен памятный крест (ПМА). В с. Новый Шарап также имелась церковь. Она была построена в 1916 г., но уточнить ее посвящение не удалось. Храм был закрыт, перестроен, а затем разобран на стройматериалы. [Иеромонах Симон (Истюков), 2019, с. 116–122]. Сейчас на подворье поставлен храм во имя Рождества Христова. Рядом с селом расположена часовня во имя преподобного Геннадия Афонского, у места гибели народного артиста РФ, гармониста Г.Д. Заволокина. Как видим, монастырь развивается, активно используя фактор преемственности, активизирующий этнокультурную память.

СОХРАНЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ПРЕСТОЛАХ ЦЕРКВЕЙ

Примеры из истории церквей показывают, что если в поселении уже была церковь, то ее престолонаименование может быть восстановлено независимо от того, отремонтировано, воссоздано старое здание или построено новое. По полевым материалам установлено, что память о посвящении церкви может сохраняться в устной форме, но, как правило, имеются и письменные свидетельства – справочные материалы, записки местных краеведов, документы в музеях и архивах, воспоминания, газетные публикации. Жители д. Елтышево показывают место расположения снесенной церкви, на церковные праздники группа активистов ходит на это стихийно образовавшееся место памяти. Старожилы д. Новый Порос сообщают о ранее существовавшей у них церкви Михаила Архангела, красочно описывают ее внешнее и внутреннее устройство, с сожалением говорят об ее утрате. Поддерживают память о разрушенных церквях публикации местных газет (ПМА) книги историко-этнографического содержания, изданные по инициати-

ве библиотек и музеев (см., напр.: [Болотнинская быть..., 2014, Мошковский район..., 2022]). К памятным датам по истории поселений местные администрации подают заявки краеведческого характера в архивные службы, музеи, в том числе запросы на материалы об истории храмовых зданий, о судьбах священно- и церковнослужителей. Обычно о существовании церкви в поселении в начале XX в. известно жителям из семейных преданий или благодаря работе краеведов и сотрудников музеев, о посвящениях церквей помнят немногие старожилы, что объясняется особенностями памяти об исторических событиях. Надежной основой для возвращения памяти об утраченном знании о посвящении храма служат архивные изыскания, научные и научно-популярные публикации. Если они активно используются в работе педагогов, работниками культуры и музеев, то сведения о церквях становятся общеизвестными, особенно среди детей и молодежи.

Возможно, одной из причин смены престолонаименования является то, что жители не настаивают на воспроизведении ранее существовавшего посвящения, так как оно не входит в активную часть памяти. К тому же немалую роль играет и установка православия на то, что любое храмовое здание посвящено Богу, а вид церкви или часовни, посвящение имеют второстепенное значение. Важной причиной является потеря места расположения антимина, что открывает возможность установления нового посвящения престола. Окончательное решение о престолонаименовании принимается на уровне церковных иерархов, которые конструируют сеть духовной освоенности территории по литургической наполненности календарного цикла. Поминание в церковные праздники распределяют не только по времени, но и по территории, чтобы полнее воспроизводить символы и события, значимые в истории христианства (см.: [Майничева, 2020]), принимаются во внимание и конкретные современные условия.

Хотя христианство, православие в частности, обращено к людям вне их этнической принадлежности, для самих людей важна причастность к конфессии, что является частью этнокультурной памяти. Устойчиво сохраняется коллективная память о принадлежности к православию, появление же построек других конфессий воспринимается как новое, незнакомое, иной раз чужеродное. Актуализация посвящений престолов ведет к тому, что религиозная жизнь вписывается в свой контекст реальные события, делая более прочными информационные связи.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ХРАМЫ КАК НОСИТЕЛИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

В системе образно-символического мышления исторические параллели играют существенную роль,

⁴ ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 15. Л. 53–60.

Рис. 1. Реконструкция интерьера Спасской церкви из Зашиверска. Автор проекта – А.Ю. Майничева.
Рисунок И.С. Степанцова.

Fig. 1. Reconstruction of the interior of the Church of the Savior from Zashiversk.
The author of the project is A.Yu. Mainicheva. Drawing by I.S. Stepanstov.

поскольку позволяют направить ментальность человека и сообщества от единичного к значимому и уже происшедшему общему [Mainicheva, 2021], так сказать, «прошедшему проверку временем». В этой связи особую роль в конструировании картины мира этнокультурной общности играют мемориальные храмы, как материальная основа одного из аспектов этнокультурной памяти. Замечено, что в современных церквях Новосибирской митрополии увековечивается память о ранее существовавших и разрушенных церквях, утраченных престолах, об исторических деятелях, памятных датах, отмечаются факты помощи в возведении храма. Они могут являться частью мемориалов и музейных экспозиций [Майничева, 2022], что соответствует основным коммеморациям в православной культуре (см.: [Святославский, 2004]). Важной функцией мемориальных церквей является передача культурного опыта, исторической, духовно-назидательной информации через обращенность к Богу и молитвенность, что направлено на формирование этнокультурной идентичности людей. Благодаря мемориальным храмам хранятся и передаются культурные смыслы, приближенные к историческим событиям и людям, важным для конкретной этнокультурной общности. О значимости мемориальных соборов, церквей, часовен свидетельствует их количество. По подсчетам, только в Новосибирске их имеется более 20 % от всех храмовых сооружений города.

Храмы благодаря обращению в прошлое через настоящее, своей материальности и способности существовать в течение длительного времени обеспечивают и основу будущего. Особую роль в этом играют

мемориальные храмы, ставшие частью музейной экспозиции. Такова церковь Спаса Нерукотворного Образа, возведенная на рубеже XVII–XVIII вв. и перевезенная в Историко-архитектурный музей в новосибирском Академгородке. Она представляет собой новую постройку, появившуюся в 1970-е гг. на изучаемой территории, но имеющую богатое историческое прошлое. Благодаря особенностям работы музея как учреждения науки и культуры церковь привлекает особое внимание посетителей, стала своеобразным историческим символом Академгородка. Церковь ежегодно привлекает сотни туристов, жителей города и области. Она обращена к страницам истории сибирской земли, времени освоения новых территорий, что создает своего рода сопричастность новых поколений к героическим деяниям предков на общероссийском уровне (рис. 1).

ХРАМЫ И ПРАВОСЛАВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ

Деятельность, само существование церквей тесно связано с проведением служб, церковных праздников, поминаний, крестных ходов, что создает специфичный культурный фон, объединяющий людей. Церковные праздники, как и праздники вообще, являются инструментами формирования религиозной и этнокультурной идентичности, благодаря чему может конструироваться идейная платформа для создания общностей с устойчивой этнокультурной памятью. Синхронизация символического, мифолого-ритуального компонентов в культуре с идентичностями посредством регулярного и системного воспроизведения религиозных практик способствует эффектив-

Рис. 2. Фольклорный праздник рядом со Спасской церковью из Зашиверска на территории Историко-архитектурного музея Института археологии и этнографии СО РАН. Фото А.Ю. Майничевой. 2008 г.

Fig. 2. Folklore festival near the Savior Church from Zashiversk on the territory of the Historical-Architectural Museum of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Photo by A.Yu. Mainicheva. 2008.

ному конструированию моделей поведения членов общества [Нигматуллина, 2021], эту тенденцию усиливает присутствие храмовых зданий, включенных в культурный ландшафт. Центральное или особо выделенное для церкви место в поселении создает предпосылки для организации около нее различных массовых культурных мероприятий, включая традиционные праздники – как религиозные, так и общегражданские (рис. 2). Культурные ассоциации, сакральная сфера, эмоционально-мировоззренческие переживания способствуют созданию этнокультурных моделей поведения, актуализации ресурсов этничности, духовных ценностей, составляя этнокультурную стратегию постижения картины мира, в которой ее символическое пространство обращается к этнокультурной памяти, поскольку включает этнические архетипы, образы, традиции.

В формировании культурных ландшафтов храмовые здания играют существенную роль благодаря узнаваемой символической, семантически и эстетически насыщенным образам, которые могут сохраняться в течение жизни многих поколений, создавая основу для устойчивого существования этнокультурной памяти. На ранних этапах освоения сибирских территорий своеобразие культурных ландшафтов «было связано с

повсеместным утверждением религиозных святынь и символов, означавших включение неизведанных ранее пространств в мир «истинной, христианской веры». На макроуровне такого рода процессы выражались в строительстве православных монастырей и храмов, которые становились паломническими центрами общесибирского значения [Любимова, 2021a]. Современность внесла некоторые коррективы в эти процессы, сейчас наблюдается процесс возвращения после преобразований советского времени уже освоенных территорий к системному размещению храмов.

ВЫВОДЫ

Сибирские православные церкви в XX – первой четверти XXI в. демонстрируют результат конструирования модели поведения в обществе, основанной на триаде: идентичность – этнокультурная память – картина мира. Строительство храмовых зданий отражает рост обращения к значимым в обществе идеалам, историческим событиям, реконструкции религиозной мифологии, что способствует консолидации этнической общности, основанной на этнокультурной идентичности, противостоящей процессам глобализации. Современное формирование основы этнокультурной памяти имеет несколько направлений: как возрожде-

ние известных в истории Новосибирской митрополии храмов и престолонаименований, так и строительство новых церквей со значимыми в современности престолами. При этом этнокультурная память, выступая способом, формой и результатом мыслительной деятельности, опирается на специфические нейроярлыки, одним из их видов являются храмовые здания и сооружения, возведение которых направлено на фиксацию, структурирование и распространение информации о мире. В активизации этнокультурной памяти активное участие принимают представители Русской Православной Церкви, представители сферы образования, науки, общечеловечности, сотрудники библиотек и музеев. Этнокультурная память играет одну из значимых ролей в определении стратегии поведения личности в формируемой картине мира, что выражается, в частности, в воссоздании утраченных храмовых зданий и престолонаименований, укоренившихся в русской культуре, строительстве мемориальных церквей и часовен, воспроизведении традиционных для православия религиозных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болотнинская быль. Болотнинский район Новосибирской области: история и современность. Исторический очерк. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2014. 640 с.

Иеромонах Симон (Истюков). Судьбы храмов и духовенства в селах, где ныне располагаются подворья Михаило-Архангельского мужского монастыря Новосибирской епархии, в период 1917–1945 гг. // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. Якутск, 2019. Вып. 6. С. 116–122.

Любимова Г.В. Культурные и мемориальные места в сельских ландшафтах Западной Сибири: вопросы соотношения и коллективной памяти // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021а. Т. 27. С. 806–811. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811.

Любимова Г.В. Почитаемые источники в сибирской народно-православной традиции: трансформация сакральных пространств в XX – начале XXI вв. // Вестн. Сургутс. гос. пед. ун-та. 2021б. № 6 (75). С. 115–122. DOI 10.26105/SSPU.2021.75.6.011

Майничева А.Ю. Посвящения православных церквей Новосибирской митрополии (1990–2020 годы) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 774–778. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.774-778.

Майничева А.Ю. Православные мемориальные храмы как нейрооснова коллективной памяти // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022а. Т. 28. С. 895–898. С. 896–897.

Мошковский район в лицах. Страницы истории. Публицистика, документальные очерки, архивные материалы. Новосибирск: Альфа-Порте, 2022б. 816 с.

Нигматуллина Т.А. Этнокультурная кодификация множественной региональной идентичности. М.: NOTA BENE, 2021. 207 с.

Святославский А.В. Традиция памяти в Православии. М.: Древлехранилище, 2004. 224 с.

Справочная книга по Томской епархии. Томск: Печатня С.П. Яковлева, 1914. VIII, 594, 25, XXI, [18] с.

Mainicheva A.Y. The Consecration of Altars in 17th–21st Century Siberian Orthodox Churches: The Neurosymbolic Aspect // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2021. Vol. 49 (1). P. 126–132. DOI:10.17746/1563-0102.2021.49.1.126-132

REFERENCES

(2014). The true story of Bolotnoye. Bolotninsky district of the Novosibirsk region: history and modernity: historical essay. Novosibirsk, *Istoricheskoe nasledie Sibiri*, 640 p. (In Russ.)

Simon, hieromonk (Istyukov) (2019). The fate of churches and clergy in the villages where the farmsteads of the Mikhailo-Arkhangelsk Monastery of the Novosibirsk Diocese are now located, in the period 1917–1945. *Sbornik trudov Yakutskoy dukhovnoy seminarii*. Yakutsk, iss. 6, pp. 116–122. (In Russ.)

Lyubimova G.V. (2021a). Cult and memorial sites in the rural landscapes of Western Siberia: correlation and collective memory issues. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Vol. 27, pp. 806–811. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811. (In Russ.)

Lyubimova G.V. (2021b). Revered sources in the Siberian folk Orthodox tradition: transformation of sacred spaces in the 20th – early 21st centuries. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Iss. 6, pp. 115–122. DOI: 10.26105/SSPU.2021.75.6.011. (In Russ.)

Mainicheva A.Yu. (2020). Dedications of the Orthodox churches of the Novosibirsk Diocese (1990–2020). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Vol. 26, pp. 774–778. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.774-778. (In Russ.)

Mainicheva A.Y. (2021). The consecration of altars in 17th–21st century Siberian Orthodox churches: the neurosymbolic aspect. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 49, no. 1, pp. 126–132. DOI: 10.17746/1563-0102.2021.49.1.126-132.

Mainicheva A.Yu. (2022a). Orthodox memorial churches as neural basis of collective memory. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Vol. 28, pp. 895–898. (In Russ.) (2022b). *Moshkovsky district in faces. History pages. Journalism, documentary essays, archival materials*. Novosibirsk, Alfa-Porte, 816 p. (In Russ.)

Nigmatullina T.A. (2021). Ethno-cultural codification of multiple regional identity. Moscow, Nota Bene, 207 p. (In Russ.)

Svyatoslavsky A.V. (2004). The tradition of memory in Orthodoxy. Moscow, Drevlekhranilishche, 224 p. (In Russ.)

(1914). Reference book on the Tomsk Diocese. Tomsk, Pechatnya S.P. Yakovleva, VIII, 594, 25, XXI, [18] p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2023

Дата рецензирования 13.03.2023

Статья принята к публикации 27.03.2023

DOI: 10.15372/HSS20230206

УДК 39.279(571)

¹А.В. КОСТРОВ, ²Л.Ф. ЛЕВИТИНА

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКИ СЕМЕЙСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ БУРЯТИИ им. М.Н. ХАНГАЛОВА

¹Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1²Национальный музей Республики Бурятия,
РФ, 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Профсоюзная, 29

Статья посвящена научному обзору текстильных предметов конфессиональной культуры семейских старообрядцев, хранящихся в фондах Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. В центре внимания исследователей – анализ лестовки (молитвенных четок), подрушников (ковриков-подушечек для земных поклонов), а также настенных «карманов», имеющих отношение к оформлению «переднего» угла с иконами. На основе анализа структуры и декора предметов выявляются элементы христианской символики чисел, которую использовали семейские старообрядцы Забайкалья. Ключом к пониманию этой символической системы является лестовка как обязательный спутник старовера, позволяющий понять сложные комбинации форм и чисел, которые семейские мастерицы помещали на поле других текстильных атрибутов молитвенной практики. В результате мы видим игру основных христианских чисел (3, 4, 5, 7, 9, 12, 33, 40), которые формируют образ Неба и наряду с иконами помогают визуализировать его в «переднем» углу дома. Таким образом, анализ материалов, хранящихся в Музее истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, позволяет реконструировать разные аспекты культуры семейских старообрядцев прошлых эпох и приблизиться к пониманию их мировоззрения.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядцы, семейские, Забайкалье, подрушник, настенный «карман», лестовка, лествица, экспонаты, Музей истории Бурятии.

Для цитирования: Костров А.В., Левитина Л.Ф. Текстильные предметы культовой практики семейских старообрядцев в собрании Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 48–57. DOI: 10.15372/HSS20230206.

A.V. KOSTROV, L.F. LEVITINA

TEXTILE OBJECTS OF THE CULT PRACTICE OF THE SEMEISKYS OLD BELIEVERS IN THE COLLECTION OF THE M.N. KHANGALOV MUSEUM OF HISTORY OF BURYATIA

¹Irkutsk State University,
1, K. Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation²National Museum of the Republic of Buryatia,
29, Profsoyuznaya Str., Ulan-Ude, Russian Federation

The article is devoted to a research review of textile objects of confessional culture of the Semeiskys Old Believers stored in the fonds of the Museum of History of Buryatia named after M.N. Khangalov. The focus is on the analysis of lestovka (prayer ropes), podruchniks (small prayer pillow rugs for prostration), as well as wall “karmany” [pockets] (wall decorations) related to the design of the “Krasny” [holy] corner with icons. Based on the analysis of the objects’ structure and decor, the elements of the Christian symbolism of numbers, used by the Old Believers of Transbaikalia, are determined. The key to understanding this symbolic system is the lestovka as an obligatory companion of an Old Believer, which

Костров Александр Валерьевич – д-р ист. наук, профессор, Иркутский государственный университет. Член Комиссии по исследованию старообрядчества при Международном комитете славистов, e-mail: a_kostrov@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5274-5424.

Левитина Любовь Филипповна – хранитель музейных предметов этнографии и декоративно-прикладного искусства, Национальный музей Республики Бурятия, e-mail: luba0651@mail.ru

Kostrov Aleksandr Valeryevitch – Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk State University. Member of the Commission for the Study of Old Believers, International Committee of Slavists.

Levitina Lyubov Filippovna – Curator of the museum collection of ethnographic objects and decorative and applied art, National Museum of the Republic of Buryatia.

allows you to understand the complex combinations of shapes and numbers that the Semeiskys craftswomen placed on other textile attributes of prayer practice. As a result, we see a game of basic Christian numbers (3, 4, 5, 7, 9, 12, 33, 40), that form the image of the Heaven and, along with icons, help to visualize it in the “krasny” corner of the house. The analysis of the structure and correlation with similar objects from this and other regions allow us to reveal the information potential of not numerous, but very illustrative *podruchniki* stored in the museum’s collections. Along with the 9-part (symbolizing the 9 Choirs of Angels, etc.) and 5-part (symbolizing the evangelists and Christ) design of the face area typical for the Semeiskys Old Believers, unique complex variants are presented here. Through the latter, a creative interpretation of the traditional Christian symbolism of numbers by the Semeiskys Old Believers who created these objects of confessional culture was manifested. The special place of such a wall decoration as a “karman”, which was hung on the sides of the “krasny” corner, allows us to interpret it as the border of the celestial and earthly, sacred and secular. Moreover, its well-established structure, including 3, 4 or 5 parts, correlates it with the symbolic structure of the *lestovka* and the *podruchnik*. As a result, the number of segments can be understood as the Trinity, evangelists, or evangelists with Christ. The information capacity of an object if significantly increased by the hand or cross-stitch embroidery, which presents both Christian and archaic symbols preserved due to general traditionalism. The analysis of the objects involved shows that the Old Believer culture in general and the Semeiskys version of it in particular are characterized by deep symbolism, in which the most important Christian categories are comprehended and translated through structure, forms and numbers. This creates a specific atmosphere of prayer practice and helps a Christian put aside the secular focus on the sacred.

Key words: *Old Belief, Old Believers, Semeiskys, Transbaikal, podruchnik, wall “karman”, lestovka, lestvitsa, exhibit item, Buryatia History Museum.*

ВВЕДЕНИЕ

Богатая культура семейских старообрядцев нашла свое отражение в фондах частных, школьных, клубных, церковных, муниципальных, региональных и центральных музеев. Эти центры памяти сохраняют и презентуют разные компоненты традиционного комплекса, входящего в фундамент универсальной российской культуры. Наибольшей содержательностью отличаются коллекции региональных музейных учреждений, в которых на этой основе ведутся научные исследования [Лиханова, 1989; Гусейнова, 2011; Жамбалова, Жалсараева, 2001; Иванова, 2001; Коновалова, 2001; Гомбоев, 2015; Митыпова, 2015; Костров, 2019a]. В последние годы нами предпринимаются действия, направленные на уточнение локализации и описания, а также на более глубокое изучение отдельных комплексов, в том числе их символического компонента. Некоторые результаты этих исследований уже представлены в публикациях [Костров, 2022; Костров, Гурова, 2022; Костров, Галданова, 2022], другие ждут своей очереди. Помимо Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова (в составе Национального музея Республики Бурятия) музейные изыскания и наработка аналитической базы проводились в фондах таких центров хранения, как Этнографический музей народов Забайкалья, Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского, Красноярский краевой краеведческий музей, Тарбагатайский народный музей «Семейская старина», и многих других государственных, общественных и частных собраний.

Музейные материалы соотносятся с данными экспедиций, предпринятых в последние годы на территории Восточной Сибири (Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область, Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва). Полевые наблюдения позволяют фиксировать живую традицию старообрядцев или ее инерцию у их потомков. В частности, интерес вызвали разные вопросы функционирования предметов культовых практик, их осмыс-

ление и толкование. Более того, эти исследовательские шаги позволяют применить кросс-культурный метод и соотнести характер той или иной традиции у представителей разных территориально-культурных групп старообрядчества. Применительно к Восточно-Сибирскому макрорегиону это кержаки и семейские, предки которых в разное время и разными путями оказались здесь. Особую ценность представляют комментарии, данные американскими старообрядцами, реэмигрировавшими в Россию в последние годы. Высокий уровень традиционализма позволил им сохранить понимание многих вопросов глубже, чем у российских одноверцев. Соотнесение с подобными данными позволяет раскрыть информационный потенциал предметов, хранящих свои тайны в тиши музейных хранилищ.

Старообрядческая коллекция Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова включает большое количество уникальных экспонатов. Ее общий обзор представлен в статье Л.Ф. Левитиной [2001] и в каталоге выставки «Семейские. За веру и мужество»¹, состоявшейся в 2015 г. В данный момент нас интересуют предметы, которые имеют отношение к культовой практике семейских. При всем многообразии предметного мира носителей конфессиональной культуры к нему, с определенными оговорками, применима первичная музейная классификация, которая делит его по критерию материала. Это позволяет среди предметов, имеющих отношение к отправлению культа (письменные и литые иконы, киоты, кадильницы-кацеи, кутейники, ладанницы и др.), выделить отдельную группу, созданную из ткани и сопутствующих материалов. В презентуемой исследовательской ситуации нас в большей мере интересует не ритуальная одежда, заслуживающая отдельного рассмотрения, а предметы, которые сопровождают старообрядца в момент моления. Прежде всего, это *лестовки* и *подрוש-*

¹ «Семейские. За веру и мужество»: каталог выставки в Национальном музее истории Бурятии. Улан-Удэ: НоваПринт, 2015. 31 с.

ники, а также настенные «карманы», выполняющие важные функции как с позиций маркирования системы координат в рамках религиозного мировоззрения старообрядца, так и с учетом практического обеспечения молитвенной практики. Именно эти предметы висят в «переднем» углу по бокам и ниже икон, а во время молитвы перед ними начинают «работать».

ЛЕСТОВКА КАК КЛЮЧ К ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНОЙ СИМВОЛИКЕ ЧИСЕЛ

Оформление «переднего» угла, как и обстановка ситуации моления, у старообрядцев имеет особое значение. И если первый выступает как локальный центр Мира и коммуникация с Небом, то второй – как важнейший момент в жизни христианина. Поэтому данная сфера жизни достаточно строго регламентирована и имеет богатое символическое содержание, выражающееся не только в текстах богодухновенных книг и икон, но и в сопутствующих атрибутах. Например, мужские рубаха-косоворотка и моленный кафтан (посемейски – «халат»), имеющие в проекции форму креста, тканый пояс, делящий человека на верхнюю «чистую» (на которой во время молитвы держатся руки «крестом») и нижнюю «нечистую» части. То же самое касается вида полки-божницы (тканевая подзорница, не дающая образам прикасаться к полке и стене) и прилегающего пространства, в которое помещаются подрушники и настенные «карманы». Понять глубокий символический смысл этих предметов помогает обращение к структуре старообрядческих четок.

Лестовка, или лествица, т.е. лестница, – это глубоко символические моленные четки. У семейских она часто называлась «лестука» или «лестafka» [Словарь говоров ..., 1999, с. 246], в чем проявилась диалектная специфика этой группы старообрядцев, имеющей множество особенных черт культуры [Старообрядцы (семейские) ..., 2015]. Подробному анализу символики этого феномена посвящены отдельные публикации [Островский, 2005; 2018; Костров, 2019б], здесь же приведем общую информацию. Лестовка представляет собой петлю из ткани, нитей или кожи, в отдельные секции («бобочки» или «бабочки») которой вшиты маленькие свитки бумаги с текстом Иисусовой молитвы. Эти секции разделены на смысловые группы, через которые проявляется христианская численная символика. Тут презентуются такие категории, как 3 (Троица), 9 (чины ангельские), 12 (апостолы), 17 (ветхозаветные пророчества о приходе Спасителя), 33 (количество земных лет Христа), 38 (количество недель Богомладенца во чреве Богородицы), 40 (38 малых + 2 больших «бобочка» – количество дней до Вознесения и др.). Также 4 треугольных «лапостка», которыми начинаются и заканчиваются четки, символизируют 4 евангелистов, а обшивка их краев – евангельское учение. Под ними спрятаны 7 «пе-

редвижек», как символ 7 таинств. Начало лестовки называется «Земля», а завершение – «Небо». Таким образом, старообрядец, молясь и перебирая «бобочки», актуализирует в своем сознании основные христианские категории и символически приближается к Богу. То есть это своеобразный инструмент православного исихазма, как древней духовной практики.

В музее истории Бурятии имеются подобные предметы, которые бытовали (и продолжают бытовать) на территории разных районов проживания семейских. Их всесторонний анализ – это тема отдельной публикации, здесь же мы упоминаем лестовку в связи с тем, что она напрямую связана с двумя другими феноменами, сопутствующими ситуации моления. Ведь именно лестовка, как обязательная принадлежность старообрядца, является ключом к пониманию христианской численной символики, которая проявляется и в других феноменах этой культуры. Причем важно понимать, что моление по ней, так же как знание основ церковнославянской грамоты (в которой буквы кириллицы также обозначают цифры), ведет к тому, что численная символика занимает (занимала) особое место в мировоззрении и, как следствие, в быту старообрядца. Характерно, что у семейских Забайкалья получила распространение описанная выше классическая Иисусова лестовка, в то время как другие ее виды, представленные у старообрядцев других регионов (Богородичная, походная, детская и др.), здесь не встречаются.

Лестовка предстает как лестница молитвенного и духовного восхождения от мира дольного к миру горнему. Она является видимой символической коммуникацией между молящимся христианином и образами, находящимися в «переднем» углу дома или в храмовом иконостасе (алтарном или тябловом). Но на этом пути в традиционной культуре семейских также имеются два крайне интересных «полустанка». Это «подрушник» (подрушник, подручник) и настенный «карман» (или «карманница»).

ПОДРУШНИК – ОБРАЗ НЕБА НА ЗЕМЛЕ

Подрушник (семейское «подружник», «падружник», «подручник», «падрушник», «подружница», «падружница» [Словарь говоров ..., 1999, с. 356–357]) представляет собой молитвенную подушечку или коврик квадратной формы с шерстью, ватой, тканью, конским волосом, пенькой, травой или другим наполнителем внутри, на который возлагаются кисти рук при земных поклонах. При этом голова должна коснуться рук и, соответственно, через них – подрушника. Помимо гигиенической составляющей (руки и голова не касаются пола), практической причиной использования этого предмета является обеспечение того, чтобы лестовка, которую старообрядец во время молитвы держит в левой руке и с ко-

торой связано большое количество запретов, не коснулась пола при земном поклоне. Другой более глубокий символический смысл выражен на верхнем лицевом поле этого коврика, которое ни в коем случае нельзя путать с нижним полем, лежащем на полу (поэтому в храмах их складывают стопкой обязательно «лицом к лицу»). Дело в том, что на нем с помощью техники лоскутного шитья помещаются христианские символы, выражающиеся в количестве и размещении прямоугольников или треугольников, а также в обшивке краев и вышивке по полю.

В собрании Музея истории Бурятии представлено несколько подрушников, которые отличаются друг от друга и представляют разные версии символического оформления. Они имеют размеры от 25,5 до 27 см и сшиты из разноцветных лоскутов ткани (рис. 1). На одном из них² изображена самая распространенная у семейских (и старообрядцев некоторых других регионов, например, у кержаков Енисейской Сибири)³ версия, предполагающая 9 прямоугольников, символизирующих чины ангельские (рис. 1). Они составлены в 3 ряда так, чтобы каждый ряд содержал число 3 (символ Троицы) и чтобы 5 прямоугольников (4 евангелиста и Спаситель в центре) образовывали крест. Обшивка края подрушника по аналогии с обшивкой «лапостков» лестовки может символизировать евангельское учение.

Подобные подрушники получили широкое распространение у старообрядцев Востока России и количественно преобладают не только у семейских, но также у урало-сибирских кержаков и их южно- и северо-американских потомков. Это утверждение справедливо по отношению к многочисленным последователям часовенного согласия, многие из которых именно такой вариант считают единственно верным. Немногочисленные же на этих территориях последователи белокриницкого согласия сейчас чаще всего используют 21-частный вариант, получивший распространение в Центральной России. В такой версии подрушника наряду с 4 квадратами (евангелисты) по углам и 4 прямоугольниками (Евангелия) по бокам в центре помещается 12 треугольников (апостолы) и 1 квадрат (Христос). Характерно, что молодые представители этого согласия (1990-х гг. рождения), в свою очередь, считают единственно верным только 21-частный вариант. В частности, об этом нам сообщила молодая белокриницкая старообрядка, которая их шьет для нужд своего прихода и которая переехала в Иркутск из деревни Гарь Асиновского района Томской области⁴.

Рис. 1. Подрушник. Семейские Забайкалья. Музей истории Бурятии. Фото А.В. Кострова.

Fig. 1. Podruchnik. Semeiskys of Transbaik. Buryatia History Museum. Foto of A.V. Kostrov.

У доминирующих в Забайкалье последователей новозыбковского согласия распространен 9-частный вариант (такой же как у часовенных кержаков) и только в последнее десятилетие вследствие активизации работы церковных лавок, реализующих продукцию центральных швейных мастерских, в регионе стали распространяться 21-частные подрушники (как у белокриницких). Вообще, соотнесение таких параметров, как региональность и согласийность, дает массу интересной информации о специфике развития разных старообрядческих церквей на той или иной территории.

Еще один подрушник⁵ презентует другой распространенный вариант, состоящий из 5 прямоугольников (4 вытянутых обрамляют выраженный центральный квадрат), которые символизируют 4 евангелистов и Христа. Характерно, что в этом случае края не только обшиты, но и оформлены атласной лентой (рис. 2). Это придает эстетизма и подчеркивает символизм предмета (по аналогии с обшивкой лапостков лестовки). Отличительной чертой данного экземпляра является орнаментация тремя листиками, которая находится в каждом углу и выполнена машинной строчкой. Подобный сюжет, символизирующий Троицу часто встречается на разных предметах быта семейских старообрядцев (на воротниках и рукавах женских рубаш, на месте схода лямок сарафана и др.).

² Музей истории Бурятии (МИБ). Ед. хр. № 169851.

³ Полевые материалы А.В. Кострова (ПМ А. К.), Красноярский край, Республика Тыва, экспедиции 2017–2022 гг.

⁴ ПМ А. К., Иркутск, Б. В. А., январь 2023 г.

⁵ МИБ. Ед. хр. ОФ № 16989-2.

Рис. 2. Подрушник. Семейские Забайкалья. Музей истории Бурятии. Фото А.В. Кострова.

Fig. 2. Podruchnik. Semeiskys of Transbaikal. Buryatia History Museum. Foto of A.V. Kostrov.

Наряду с этими достаточно типичными подрушниками в коллекции музея имеются и более уникальные экземпляры, через которые проявились творческие интерпретации семейских мастериц. Например, коврик с 17 сегментами (рис. 3), которые формируют свое символическое поле через традиционную крестообразную группировку по краям (4 евангелиста и

Рис. 3. Подрушник. Семейские Забайкалья. Музей истории Бурятии. Фото А.В. Кострова.

Fig. 3. Podruchnik. Semeiskys of Transbaikal. Buryatia History Museum. Foto of A.V. Kostrov.

Рис. 4. Подрушник. Семейские Забайкалья. Музей истории Бурятии. Фото А.В. Кострова.

Fig. 4. Podruchnik. Semeiskys of Transbaikal. Buryatia History Museum. Foto of A.V. Kostrov.

4 Евангелия), 8 треугольников и 1 квадрат в центре (9 чинов ангельских, а вместе с боковыми прямоугольниками 17 – по количеству ветхозаветных пророков). К центру композиции пришит бант в форме небольшого цветка, который символизирует Спасителя. По краям традиционная сплошная обшивка (рис. 3). Такая структура встречается гораздо реже 9- или 5-частной и является любопытным примером развития традиции.

Апофеозом творческого осмысления и развития традиционных подходов к созданию атрибутов культа является подрушник, обшитый по краям атласной лентой и состоящий из большого количества квадратных и треугольных фрагментов, согласованных между собой⁶. По краям, как и в предыдущем случае, находятся 8 фрагментов, символизирующих евангелистов и Евангелия, при этом 4 из них представляют собой стороны креста. В центре – квадрат, разделенный на 9 квадратов (чины ангельские). Одна их группа из 4 квадратов (каждый из которых разделен на 4 треугольника), формирует образ еще одного креста. Другие 5 (разделенные на 4 квадрата, каждый из которых разделен на 4 треугольника) представляют его периферию и центр (квадрат, выделенный желтым и черным колором). Мы видим игру основных христианских символических чисел, проявленную при создании этого важного атрибута культовой практики (рис. 4). Причем квадраты по количеству своих сторон презентуют число 4, а треугольники – 3. Игра по-

⁶ МИБ. Ед. хр. ОФ № 16989-1.

следних ведет к тому, что их сумма выделяет еще 5 квадратов (4 – по краям и 1 – в центре), содержащих по 8 треугольников (число лучей звезды Богородицы, принятой в иконописи). При этом расположение указанных треугольников апеллирует к солярной символике. По центру белыми треугольниками выделяется такой сюжет, как 8-конечный крест, известный как звезда Богородицы и часто встречающийся в русских народных орнаментах.

Надо сказать, что указанные солярные мотивы встречаются на подрушниках уральских старообрядцев и их американских потомков. В частности, один такой экземпляр, привезенный от американских из Орегона в начале 1990-х гг., хранится в фондах Иркутского областного краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского⁷. Не исключено, что эта аналогия является свидетельством трансрегиональных связей по линии согласия. Вместе с тем, среди старых семейских подрушников мы практически не наблюдаем 21-частных, получивших распространение в центральных регионах России.

Использование солнечно-небесной символики на подрушниках достаточно показательно. Мы знаем пример, когда семейская мастерица не остановилась на солярном комбинировании традиционных для оформления этого предмета треугольников, а просто вышила на лицевой стороне небесно-лазоревого цвета большой круг⁸. Подобный уход от классических прямоугольных и треугольных форм презентует некоторое упрощение сложной многоуровневой численной символики. Здесь Небо выражено цветом, а Бог одной формой – Христос-Солнце. С одной стороны, это исключительный случай, но с другой – проявление именно символического понимания сути предмета. Другим примером глубокого осмысления структуры подрушника является утверждение, которое мы слышали от аргентинского потомка кержаков, реэмигрировавшего в Россию⁹. В частности, этот представитель сообщества, известного своим традиционализмом даже по старообрядческим меркам, сообщил, что и 3 текстильных уровня подрушника (нижний слой, наполнитель и лицевой слой) понимаются как символ Троицы. Именно поэтому внутри подрушников данной группы чаще всего находится не вата или шерсть, а просто еще один слой ткани.

Таким образом, семейские хозяйки, шьющие подрушники, а также те, кто их использует, на лицевой стороне размещают символический образ Неба, к которому припадает кланяющийся перед иконами человек. Более того, после домашнего моления подрушники опять вывешиваются на своих местах под ико-

нами, дополняя образ христианского Неба. То есть эта подушечка играла и играет не только практическую, но важную символическую и коммуникационную роль, являясь важным пунктом в системе координат в ситуации моления и вне ее.

НАСТЕННЫЙ КАРМАН КАК МАРКЕР ГРАНИЦ

Другим пунктом в рассматриваемой системе является настенный «карман» (или «карманец», «карманища» [Словарь говоров ..., 1999, с. 194]) – декоративное продолговатое панно с выделенными полями, вертикально вывешиваемое на стену. Название этого предмета могло прийти как из тюркского («карман», «кошелек»), так и из греческого («храмовая сокровищница») языка. Из многих десятков подобных предметов, изученных нами в экспедициях и в фондах разных музеев, собственно карманы под разную швейную и другую мелочь присутствовали только на нескольких предметах. Причем самые старые экземпляры их не имеют. Это говорит о том, что хранение иголок, ниток и лоскутов – не единственная и далеко не самая важная их функция. В первую очередь подобными «карманами», разделенными на 3, 4 или 5 секций, украшали две стороны «переднего» угла, где на божнице стояли иконы¹⁰. Иногда их вывешивали на внутренних косяках окон и по сторонам от зеркала. То и другое свидетельствует о том, что это важный символический маркер границ. И если в первом случае это видимая граница между миром горним и миром дольным (т.е. сакральным и профанным пространством), то во втором – это апотропейный маркер границ «чистого» (своего домашнего) и «поганого» (чужого) пространства. Ведь свой дом старообрядцами часто воспринимался как храм (особенно горница), что актуализировалось практикой домашних богослужений. Соответственно и структура имеющихся «карманов» вряд ли носит случайный характер и требует отдельного рассмотрения.

Подобные предметы в основном исчезли из быта семейских старообрядцев еще во второй половине XX в., но ранее они были принадлежностью каждого дома и обязательно входили в приданое невесты¹¹. Исследовательница Г.И. Охрименко предполагала, что они являются специфической чертой культуры семейских, так как не встречены ею у алтайских и других старообрядцев [Охрименко, 1969, с. 199]. Как нам сообщила реэмигрантка из Уругвая, помимо семейских такие настенные украшения имели место у «манчжурцев» Южной Америки¹², предки

⁷ Иркутский областной краеведческий музей (ИОКМ). Ед. хр. № 14180/11.

⁸ ИОКМ. Ед. хр. № 14539/23.

⁹ ПМ А. К., Иркутская область, С. Д. 3. 1992 г. р., январь 2023 г.

¹⁰ ПМ А. К., Республика Бурятия, Тарбагатайский район, с. Куйтун, Е. И. Р. 1930 г. р., июльская экспедиция 2007 г.

¹¹ ПМ А. К., Республика Бурятия, Тарбагатайский район, с. Десятниково, М. Я. И., 1932 г.р., июльская экспедиция 2022 г.

¹² ПМ А. К., Иркутская область, Киренский район, с. Чечуйск, А. Ф. К. 1974 г. р. февральская экспедиция 2021 г.

Рис. 5. Настенный «карман». Семейские Забайкалья. Музей истории Бурятии. Фото А.В. Кострова.

Fig. 5. Wall «karman». Semeiskys of Transbaikali. Buryatia History Museum. Foto of A.V. Kostrov.

которых сначала мигрировали с территории Урала и Сибири на российский Дальний Восток, где могли вступать в брачные связи по линии согласия (или с условием перехода) с такими же мигрантами из семейской среды. Подобные брачные контакты могли иметь место уже в эмиграции на территории Маньчжурии, где представители указанных (и других) разных групп старообрядчества оказались в послереволюционный период. То есть это может быть как семейская аутентика, позаимствованная потомками кержаков, так и традиция, характерная для разных территориально-культурных групп старообрядчества. Более определенный ответ должны дать дальнейшие исследования данного вопроса.

В Музее истории Бурятии хранится 5 подобных панно, которые презентуют схожую структурную логику, но у них разные манеры украшения полей. И ес-

Рис. 6. Фрагмент настенного «кармана». Семейские Забайкалья. Музей истории Бурятии. Фото А.В. Кострова.

Fig. 6. Fragment of the wall «karman». Semeiskys of Transbaikali. Buryatia History Museum. Foto of A.V. Kostrov.

Рис. 7. Настенный «карман». Семейские Забайкалья. Музей истории Бурятии. Фото А.В. Кострова.

Fig. 7. Wall «karman». Semeiskys of Transbaikali. Buryatia History Museum. Foto of A.V. Kostrov.

ли на одном из них¹³, которое, вероятнее всего, является самым поздним, действительно имеются карманы, то на остальных это просто 4 или 5 прямоугольных (или округлых сверху) полей. В данном случае возможна аналогия с численной символикой лестовки и подручника. Тогда 4 – это символ евангелистов, а 5 – Спасителя и евангелистов. Как и все остальные, этот «карман» по краю обшит лентой, что может символизировать евангельское учение. Более того, ленточные «перегородки» между полями на вертикально подвешиваемом изделии, по аналогии с «лестовкой», могут символизировать ступени лестницы. Поверхность полей украшена разной красивой тканью и не имеет вышивки. На другом 4-частном «кармане»¹⁴ также нет вышивки и поля украшены атласной тканью разных цветов (рис. 5).

Любопытно, что как и на подрушниках, на «карманах» иногда встречается выраженная солярная символика. И если в собрании Музея истории Бурятии таких нет, то в Этнографическом музее народов Забайкалья имеются подобные 5-частные предметы, 4 секции которых представляют собой прямоугольники, а еще одна, которая находится выше их, оформлена в виде ажурного круга¹⁵. В данном случае очевидно, что прямоугольные секции символизируют евангелистов, а круглая – Христа-Солнце.

Наибольший интерес представляют панно, которые богато украшены вышивкой разных видов. Например, на полях одного 5-секционного «кармана»¹⁶ помещена машинная вышивка, которая технологически и сюжетно напоминает орнаментальную строчку семейских женских рубашек конца XIX – первой трети XX вв. Здесь можно встретить такие сюжеты, как «крест», «трилистник», «снежинка» и др. (рис. 6). Очевидно, что в их переплетении проявился диалог христианского мировоззрения и элементов архаической аграрной культуры («снежная зима – урожайный год» и др.). Также представляет интерес зубчатая отделка внутренних краев частыми уголками из атласной ткани разных цветов. Подобный декор был популярен у части семейских, например, им украшены мешочки для мелких вещей, которые известный этнограф Анна Михайловна Попова привезла в 1920-е гг. для Иркутского областного краеведческого музея из забайкальских сел Куйтун и Тарбагатай¹⁷.

Два других «кармана» украшены более сложной вышивкой гладью по основе, которая ассоциирует их с поясными карманами и отдельными «позатыльниками». Напомним, что вышитые канителью «поза-

тыльники», как и кокошники, – это сохраненная инерция культуры великорусских областей, которую предки семейских пронесли через Речью Посполитую в Сибирь. Соответственно, технологически это более древний пласт, который несет в себе выраженную генетику материнской территории. Более того, изображенные сюжеты имеют явно раннее происхождение и апеллируют к архаической культуре, элементы которой старообрядцы сохраняли вместе с христианским наследием. Например, если на 5-частном панно¹⁸ мы видим вышитые симметричные растительные мотивы (рис. 7), то на более старом 4-частном¹⁹ – такие сюжеты, как «мировое дерево», а также спираль и, возможно, антропоморфную фигуру.

Таким образом, «карманы», выполнявшие пограничные функции, по аналогии с лестовкой и подрушником, могли содержать в себе элементы христианской символики, а также некоторые символы архаической культуры, сохранившиеся у семейских в силу их традиционализма. Кроме того, можно сделать вывод, что «карман», как и другие феномены культуры, в обозримой перспективе, презентуемой сохраненными материалами (вторая половина XIX – первая половина XX вв.), эволюционировал. Это проявилось в упрощении декора, который проделал путь от ручной объемной вышивки к машинной строчке и далее к отсутствию подобных украшений. Помимо прочего, в этом проявился процесс формализации отношения к традиционной культуре и религиозности как ее важнейшему компоненту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видим, что старообрядческая культура вообще и семейская ее версия в частности характеризуются глубоким символизмом, в котором посредством структуры, форм и чисел осмысливаются и транслируются важнейшие христианские категории. Поднимаясь по молитвенному пути, который символизирует лестовка, молящийся преодолевает важные границы. Одну из них через земной поклон и прикосновение к Небу, изображенному на лице подрушника, а другую – через визуализацию границ земного («дольного») и небесного («горного»), обозначенную «карманами». Это создает специфическую атмосферу молитвенной практики и помогает христианину, абстрагируясь от профанного, сосредоточиться на сакральном. Таким образом, анализ материалов, хранящихся в Музее истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, помогает реконструировать разные аспекты культуры семейских старообрядцев прошлых эпох и приближаться к пониманию их мировоззрения.

¹³ МИБ. Ед. хр. № 19984/7.

¹⁴ Там же. Ед. хр. ОФ № 16986.

¹⁵ Этнографический музей народов Забайкалья. Ед. хр. ОФ № 915/2; ОФ № 884 Т-113.

¹⁶ МИБ. Ед. хр. ОФ № 7375.

¹⁷ ИОКМ. Ед. хр. № 7923/2; № А-15018-1/41.

¹⁸ МИБ. Ед. хр. ОФ № 16988.

¹⁹ Там же. Ед. хр. ОФ № 16987.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гомбоев Б.Ц. История и культура семейских в экспозициях Национального музея Республики Бурятия // Материалы VI Международ. конф. «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. С. 337–339.
- Гусейнова Т.Н. Традиционная культура семейских Забайкалья и ее отражение в музеях (на примере с. Тарбагатай Республики Бурятия) // Материалы Междунар. конф. «Семейские – староверы Бурятии: история, культура, современность». Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2011. С. 185–196.
- Жамбалова С.Г., Жалсараева Н.Б. О Никольской старообрядческой церкви в экспозиции Этнографического музея народов Забайкалья // Материалы III Междунар. конф. «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. С. 379–381.
- Иванова Л.П. Коллекция меднолитой пластики Этнографического музея народов Забайкалья // Материалы III Междунар. конф. «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. С. 381–383.
- Коновалова И.В. Иконостасы старообрядцев Забайкалья в собрании Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова // Материалы III Междунар. конф. «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. С. 377–379.
- Костров А.В. Бытование лестовки у старообрядцев часовенного согласия бассейна Енисея // Материалы XIII Междунар. конференции «Старообрядчество: история, культура, современность». М., 2019а. С. 120–123.
- Костров А.В. Старообрядчество Прибайкалья (к выставке «Старообрядчество – патриотизм из глубины веков» в Музее истории города Иркутска). Иркутск: Оттиск, 2019б. 56 с.
- Костров А.В. Старообрядческий «смертный» комплекс из собрания Иркутского областного краеведческого музея: структура и символика // Вестн. антропологии. 2022. №3. С. 180–194.
- Костров А.В., Галданова Ю.Ю. Коллекция женских головных уборов старообрядцев-семейских в собрании Этнографического музея народов Забайкалья // Вестн. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 2022. №1 (21). С. 42–51.
- Костров А.В., Гурова Е.Н. Старообрядческая коллекция Иркутского областного краеведческого музея // Вестн. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 2022. №1 (21). С. 33–42.
- Левитина Л.Ф. Обзор фондовых коллекций по материальной культуре старообрядцев Забайкалья Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова // Материалы III Междунар. конф. «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. С. 373–377.
- Лиханова Г.З. Этнографические коллекции Читинского областного краеведческого музея. Семейские. Чита: Читин. обл. тип., 1989. 119 с.
- Митыпова Г.С. Музейная архитектура старообрядческой культуры Бурятии // Материалы VI Междунар. конф. «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. С. 356–360.
- Островский А.Б. Числовая символика в традиционной культуре старообрядцев // Материалы VII Междунар. науч. конф. «Старообрядчество: история, культура, современность». М.: Музей истории старообрядчества, 2005. Т. II. С. 348–354.
- Островский А.Б. Лестовки русских старообрядцев (обзор собрания Российского этнографического музея) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2018. Вып. 17. С. 45–49.
- Охрименко Г.И. Женский костюм семейских XIX–XX вв. и его украшения / Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969. С. 189–220.
- Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск: НИЦ ОИГТМ СО РАН, 1999. 539 с.
- Старообрядцы (семейские) Бурятии: к 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию. Историко-культурный энциклопедический справочник / науч. ред. Ф.Ф. Болонев. Улан-Удэ: ИД «Экос», 2015. 264 с.

REFERENCES

- Bolonev F.F. (ed.) (2015). The Old Believers (the Semeiskys) of Buryatia: to the 250th anniversary of the arrival of the first settlers-Old Believers in Buryatia: historical and cultural encyclopedic reference book. Ulan-Ude, Ekos, 264 p. (In Russ.)
- Gomboev B.T. (2015). History and culture of the Semeiskys in the expositions of the National Museum of the Republic of Buryatia. *Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ulan-Ude, 7–8 avg. 2015 g.)*. Ulan-Ude, pp. 337–339. (In Russ.)
- Guseynova T.N. (2011). Traditional culture of the Semeiskys of the Transbaikalia and its reflection in museums (by the example of Tarbagatay village, Republic of Buryatia). *Semeyskie-staroveryy Zabaykalya: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch. prakt. konf. (Ulan-Ude, s. Tarbagatay, 17–18 iyunya 2011 g.)*. Ulan-Ude, pp. 185–196. (In Russ.)
- Ivanova L.P. (2001). Collection of copper-cast plastics of the Ethnographic Museum of the Peoples of Transbaikalia. *Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ulan-Ude, 26–28 iyunya 2001 g.)*. Ulan-Ude, pp. 381–383. (In Russ.)
- Konovallava I.V. (2001). Iconostases of the Old Believers of Transbaikalia in the collection of the M.N. Khangalov Museum of History of Buryatia. *Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ulan-Ude, 26–28 iyunya 2001 g.)*. Ulan-Ude, pp. 377–379. (In Russ.)
- Kostrov A.V. (2019a). Old Belief of the Baikal region (to the exhibition “Old Belief – patriotism from the depths of the centuries” at the Irkutsk Town History Museum). Irkutsk, Ottisk, 56 p. (In Russ.)
- Kostrov A.V. (2019b). The existence of a lestovka among the Chasovnyye Old Believers of the Yenisei basin. *Starobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy XIII Mezhdunar. konf. (Moskva, Borovsk, 21–23 noyab. 2019 g.)*. Moscow, pp. 120–123. (In Russ.)
- Kostrov A.V. (2022). Old Believers' burial complex in the collection of the Irkutsk Museum of Regional Studies: structure and symbolism. *Vestnik antropologii*. No. 3, pp. 180–194. (In Russ.)
- Kostrov A.V., Galdanova Yu.Yu. (2022). Collection of women's headdresses of the Old Believers – Semeiskys in the collection of the Ethnographic Museum of the Peoples of Transbaikalia. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kultury*. No. 1, pp. 42–51. (In Russ.)
- Kostrov A.V., Gurova E.N. (2022). The Old Believers' collection of the Irkutsk Regional Museum of Local History. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kultury*. No. 1, pp. 33–42. (In Russ.)
- Levitina L.F. (2001). Review of stock collections on the material culture of the Old Believers of Transbaikalia at the M. N. Khangalov Museum of History of Buryatia. *Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ulan-Ude, 26–28 iyunya 2001 g.)*. Ulan-Ude, pp. 373–377. (In Russ.)
- Likhonova G.Z. (1989). Ethnographic collections of the Chita Regional Museum of Local Lore. The Semeiskys. Chita, Chitin. obl. tip., 119 p. (In Russ.)
- Mitypova G.S. (2015). Museum architecture of the Old Believer culture of Buryatia. *Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy VI Mezhdunar.*

nauch.-prakt. konf. (Ulan-Ude, 7–8 avg. 2015 g.). Ulan-Ude, pp. 356–360. (In Russ.)

Okhrimenko G.I. (1969). Women's costume of the Semeiskys of the XIX–XX centuries and its decorations. *Etnografiia russkogo naseleniya Sibiri i Sredney Azii*. Moscow, pp. 189–220. (In Russ.)

Ostrovskiy A.B. (2005). Number symbolism in the traditional culture of Old Believers. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 22–24 fevr. 2005 g.). Moscow, vol. 2, pp. 348–354. (In Russ.)

Ostrovskiy A.B. (2018). Lestovki of Russian Old Believers (review of the collection of the Russian Ethnographic Museum). *Staro-*

obryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Moscow, iss. 17, pp. 45–49. (In Russ.)

Yumsunova T.B. (ed.) (1999). Dictionary of dialects of the Old Believers (the Semeiskys) of Transbaikalia. Novosibirsk, NITS OI GGM SO RAN, 539 p. (In Russ.)

Zhambalova S.G., Zhalsaraeva N.B. (2001). About St. Nicholas Old Believers Church in the exposition of the Ethnographic Museum of the Peoples of Transbaikalia. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ulan-Ude, 26–28 iyunya 2001 g.)*. Ulan-Ude, pp. 379–381. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.02.2023

Дата рецензирования 13.03.2023

Статья принята к публикации 10.04.2023

DOI: 10.15372/HSS20230207

УДК 256(571)

С.В. БУРАЕВА, О.В. БУРАЕВА

**ШАМАНИЗМ ЭВЕНКОВ НИЖНЕЙ ТУНГУСКИ:
ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ФОНДА П.П. ХОРОШИХ, 1930 г.**Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
РФ, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

В настоящем исследовании дан систематический обзор фотодокументов и рисунков из личного архива П.П. Хороших, созданных им во время экспедиции 1930 г. на Нижнюю Тунгуску и хранящихся в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. В них освещаются различные аспекты шаманизма эвенков. Авторами выполнена систематизация источников, раскрыта методика П.П. Хороших, показаны особенности фотофиксации, составления схем и зарисовок. Отдельно сгруппированы сведения о фотографиях шаманских обрядов у эвенков, отмечено, что значительное место занимают рисунки и схемы шаманских локаций, а также шаманских атрибутов. Осуществлена идентификация персоналий шаманов. Сделан вывод о важном источниковедческом и историко-культурном значении материалов экспедиции для расширения научных представлений об основах эвенкийского шаманизма, его пространственно-предметном мире.

Ключевые слова: П.П. Хороших, фотоархив, шаманизм, эвенки, Нижняя Тунгуска, визуальные источники.

Для цитирования: Бураева С.В., Бураева О.В. Шаманизм эвенков Нижней Тунгуски: визуальные материалы из фонда П.П. Хороших // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 58–64. DOI: 10.15372/HSS20230207.

S.V. BURAEVA, O.V. BURAEVA

**SHAMANISM OF THE EVENKS OF NIZHNYAYA TUNGUSKA RIVER:
VISUAL MATERIALS FROM THE FOND OF P.P. KHOROSHIKH, 1930**The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
6, Sakhyonovoi str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

The Center for Oriental Manuscripts and Xylographs (COMX) of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBT SB RAS) stores visual materials that reveal various aspects of Evenks shamanism. The article presents a systematic review of photographic documents and drawings from the personal archive of P.P. Khoroshikh, created by him during the expedition to the Nizhnyaya Tunguska River in 1930. As a result of the study, the sources were systematized, the materials were grouped into the following blocks: personalities, space, rituals, attributes, costume. The method of drawing and scheme compilation by the author is determined – indicating the name of the place or ceremony, orientation to the cardinal points, distances (sizes), placement schemes of the participants of the ceremony and attributes, names of elements in Evenk and Russian. The feature of photo fixation consists in duplication of photographs and drawings of one object, and in some cases, their placement on one album (notebook) sheet, which significantly increases the informative content. The materials about shamanic rituals captured not only information about the traditional rituals, but also extremely rarely recorded ones (treatment). A large block consists of drawings and photographs of attributes for shamanic ritual, spirits-patrons of hunting, sacred animals; rarely – the image of the spirits of ancestors. Drawings and schemes of shamanic locations occupy a significant place; among them, there are schemes and photos of the places for

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)», № 121031000243-5; проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

Светлана Валерьевна Бураева – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: ladys@inbox.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4184-3066/>.

Ольга Владимировна Бураева – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: olgaburaeva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6079-0601/>.

Svetlana V. Buraeva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS.

Olga V. Buraeva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS.

rituals, shamanic tents. Some of the photographic materials are devoted to the different types of shamanic burials: an aerial grave, burials with a cross, graves with a cross and a horse's head. The drawings and photographs also captured several details of the costume (masks, pendants, etc.). As a result of a comparative source study, the identification of shaman personalities in photographs was carried out. Identical attributed photographs were found in the photo fonds of other museum collections; the spelling of names was clarified. The materials of the expedition are of great source study significance for expanding scientific ideas about the spatial and objective world of Evenks shamanism in the first third of the XX century.

Key words: P.P. Khoroshikh, photo archive, shamanism, Evenks, Nizhnyaya Tunguska River, visual sources.

ВВЕДЕНИЕ

В Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН хранится личный архив Павла Петровича Хороших – известного сибирского исследователя, этнографа и краеведа. В его богатейшем архиве содержатся многочисленные материалы по археологии, палеонтологии, этнографии и краеведению Восточной Сибири 1920–1950-х гг. Уникальные письменные и визуальные документы необходимо вводить в научный оборот, представляя современным ученым результаты обширной научной деятельности исследователя первой половины прошлого столетия – начального этапа уже планомерного (и во многом прикладного) изучения Сибири. Нами эта работа целенаправленно ведется с 2018 г. [Бураева, Бураева, 2018, 2019, 2020, 2021].

Среди других блоков в архивном фонде П.П. Хороших выделяется комплекс материалов, раскрывающих различные аспекты шаманизма эвенков Нижней Тунгуски. Интерес к верованиям аборигенного населения Сибири постоянно возрастает, поэтому источниковая база подобных исследований также требует необходимости постоянного расширения.

Следует отметить, что исторический опыт «выживания» шаманизма как социального феномена вызывает повышенный интерес профессиональных историков и этнографов. Многие исследователи считают шаманизм самой древней из всех социокультурных практик человека; однако и в настоящее время активно ведется дискуссия о моно- или полицентричности происхождения шаманизма и правомерности его определения как религии. Роль изучения истории и современности шаманизма, несомненно, возрастает в условиях все большего интереса к исследованиям особенностей национальной истории, духовной культуры и менталитета населения регионов Российской Федерации. Это, бесспорно, усиливает актуальность научной задачи изучения личных фондов ученых-этнографов в источниковедческом контексте; тем более что углубленное изучение музейных и архивных коллекций с акцентом на фотоматериалы в XXI в. стало уже исследовательским трендом. Именно такое понимание обусловило и наши подходы к проблеме.

В силу обширности и разноплановости выявленного материала в данной статье мы представим только систематический обзор фотодокументов и

рисунков из личного архива Павла Петровича, созданных им во время экспедиции 1930 г. на Нижнюю Тунгуску.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ

Необходимо отметить, что интерес к шаманизму народов Сибири возник сразу же после присоединения этого обширного пространства к Российскому государству. К исследованию шаманизма эвенков Сибири обращались многие ученые-тунгусоведы: С.М. Широкогоров [1919], А.Ф. Анисимов [1951, 1952, 1958], Г.М. Василевич [1957, 1971], Г.В. Ксенофонов [1930, 1992], Е.Д. Прокофьева [1961, 1971], А.И. Мазин [1984], Ю.А. Ямпольская [1990, 1993], А.А. Сирина [2012] и др.

Особый интерес вызывают научные экспедиции к эвенкам. Это материалы экспедиции А.А. Макаренко в 1907–1908 гг.¹ [Клиценко, 2013], И.М. Сулова в 1926–1927 гг.², М.Г. Левина в конце 1920-х – начале 1930-х гг. [Кадук, Сирина, 2018]. С.В. Березницкий [2018] сообщает, что в научном архиве Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) имеются фотоматериалы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. Основные этапы работы этой экспедиции и биографии ее участников Б.А. Куфтина, Б.А. Васильева, М.Г. Левина, Я.Я. Рогинского, А.Н. Покровского, В.К. Стешенко-Куфтиной освещены в различных публикациях [Березницкий, 2018, с. 112]. Два отряда указанной экспедиции собрали уникальный этнографический и антропологический материал, фотоколлекции, однако все эти материалы не обработаны. Они хранятся в Кунсткамере и Российском этнографическом музее, Институте этнологии и антропологии РАН, МГУ.

Отечественными учеными собраны уникальные материалы по шаманизму эвенков России. В Российском этнографическом музее хранятся

¹ Клиценко Ю.В. А.А. Макаренко о шаманских чумах витимо-нерчинских эвенков [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. 2013. URL: <https://zaimka.ru/klitsenko-shunman/> (дата обращения: 10.02.2023); *Он же*. Шаманские чумы эвенков по материалам катангской экспедиции А.А. Макаренко // Сибирская заимка. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://zaimka.ru/klitsenko-makarenko/> (дата обращения: 10.02.2023);

² Клиценко Ю.В. И.М. Сулов и шаманы: к истории полевых исследований религии эвенков в 1926–1927 гг. // Сибирская заимка. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://zaimka.ru/klitsenko-shamanism/> (дата обращения: 10.02.2023).

подлинные артефакты и фотографии начала XX в. с шаманских мольбищ. В 2006 г. музей опубликовал фотоальбом «На грани миров: шаманизм народов Сибири» [На грани миров..., 2006]. Данное издание положило начало публикации научного наследия отечественных этнографов. В 2006 г. увидели свет хрестоматия «Шаманизм народов Сибири» [2006] и монографии Т.Ю. Сем [2012, 2017], которые включают большое количество фотографий и рисунков. В 2009 г. был издан этнокультурный атлас по сибирскому шаманизму [Жеребина, 2009], также включающий множество фотографий и рисунков.

В Новосибирском государственном краеведческом музее (НГКМ) хранится 108 фотографий Тунгусской экспедиции 1930 г. под руководством П.П. Хороших. В основном это фотографии предметов материальной культуры (одежда, жилище, вещи и т.д.). Кроме того, имеется 5 фото шаманов (№ 82, 83, 88, 89, 90). С ними можно ознакомиться на сайте базы данных информационной системы КАМИС – <http://kamis.youmuseum.ru:8686/kng/>. Вещи из Тунгусской экспедиции П.П. Хороших не попали в музей или, по мнению сотрудников музея, не опознаны, так как во время войны вся документация пропала, ее заново завели в 1949 г. В начале 2000-х гг. в музее по проекту «Встреча границ» были оцифрованы фотографии. Несколько фотографий из фондов НГКМ находятся в Библиотеке Конгресса США.

В Иркутском областном краеведческом музее имеется обширная фотоколлекция Нижнетунгусской экспедиции 1930 г. [Бураева, Бураева, 2019, с. 91]. Несколько фотографий по шаманизму опубликованы А.А. Сириной [2012, с. 445–447].

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В фонде П.П. Хороших хранится несколько архивных дел, посвященных экспедиции 1930 г. к эвенкам Нижней Тунгуски. В них аккумулировано более 90 рисунков (выполненных цветными или простым карандашом), схем и черно-белых фотографий. Они сгруппированы нами в следующие блоки: персоналии, пространство, обряды, атрибуты, костюм. На рисунках и схемах имеются рукописные пометки с указанием названия места или обряда, ориентации по сторонам света, расстояний (размеров), схемы размещения участников обряда и атрибутов относительно друг друга, названий элементов на эвенкийском и русском языках. К особенностям фотофиксации следует отнести дублирование фотографий и рисунков одного объекта, а в ряде случаев – их размещение на одном альбомном (тетрадном) листе, что существенно повышает информативность сведений. Рассмотрим последовательно эти блоки.

ПЕРСОНАЛИИ

В материалах экспедиции на Нижнюю Тунгуску фотографии шаманов за редким исключением, не имеют подписей. В результате сравнительно-источниковедческого исследования нами была осуществлена идентификация персоналий шаманов на фотографиях. Выявлены идентичные атрибутированные изображения в фотофондах других музейных собраний, уточнена орфография написания имен. Таким образом, в фонде указанного Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) находятся 4 фотографии с шаманами³. Среди них – шаман Иван Викторович Сочигир (Сычегир), сфотографированный в местности Илимпея 5 сентября 1930 г.; шаман Иван Павлович Чолко из рода Чапогир (чолко, чэлкэ; эвенк. – седой) [Василевич, 2005, с. 162] (Илимпея, 3 сентября 1930 г.).

ЛОКАЦИИ

Значительное место занимают рисунки и схемы шаманских локаций – их более 50. Среди них представлены схемы и фото мест для обрядов, шаманских чумов. Часть фотографий атрибутирована П.П. Хороших, в том числе «Шаманское место у устья Илимпеи, местность Ягдок»⁴, «Шаманское место около Илимпеи, местность Ягдок»⁵, «Шаманское место у ст. Кулинды»⁶, однако некоторые подписи не столь информативны, например, «место шаманского камлания».

Пространство шаманского обряда подразумевает и расположение на местности ритуальных фигур, например, изображений духа – покровителя охоты *Болой* (рис. 1)⁷; рыб и птиц, таких как сокол, ворон, журавль и др.⁸ Нами выявлены и другие изображения священных животных эвенков р. Н. Тунгуска – оленя *рипкаун*⁹; олени рога¹⁰; рисунки головы боюна и быка (Ст. Аппха)¹¹.

Часть фотоматериалов посвящена разным типам захоронений: это воздушная могила¹², захоронения с крестом¹³, могила-сруб с крестом и головой лошади¹⁴. На одном из рисунков изображены вещи из по-

³ Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 20. Оп. 1. Д. 551. Папка 3. Фото 15, 17а, 18; Д. 535. Фото 5.

⁴ Там же. Д. 542. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 551. Папка 2. Фото 10.

⁶ Там же. Фото 11.

⁷ Там же. Д. 549. Л. 8; Д. 551. Папка 2. Фото 1, 13.

⁸ Там же. Д. 551. Папка 2. Фото 1, 7, 22, 23; Д. 538.

⁹ Там же. Фото 27–30.

¹⁰ Там же. Фото 31.

¹¹ Там же. Д. 549.

¹² Там же. Д. 538.

¹³ Там же. Д. 549. Л. 4; Д. 551. Папка 2. Фото 14.

¹⁴ Там же. Д. 549. Л. 5об.; Д. 551. Папка 2. Фото 5, 18, 24.

Рис. 1. Дух-покровитель охотничьего промысла Боллой. Стойбище Аппха (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 551. Фото 9).

Fig. 1. The patron spirit of hunting Boloi. Appkha Camp (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 551. Photo 9).

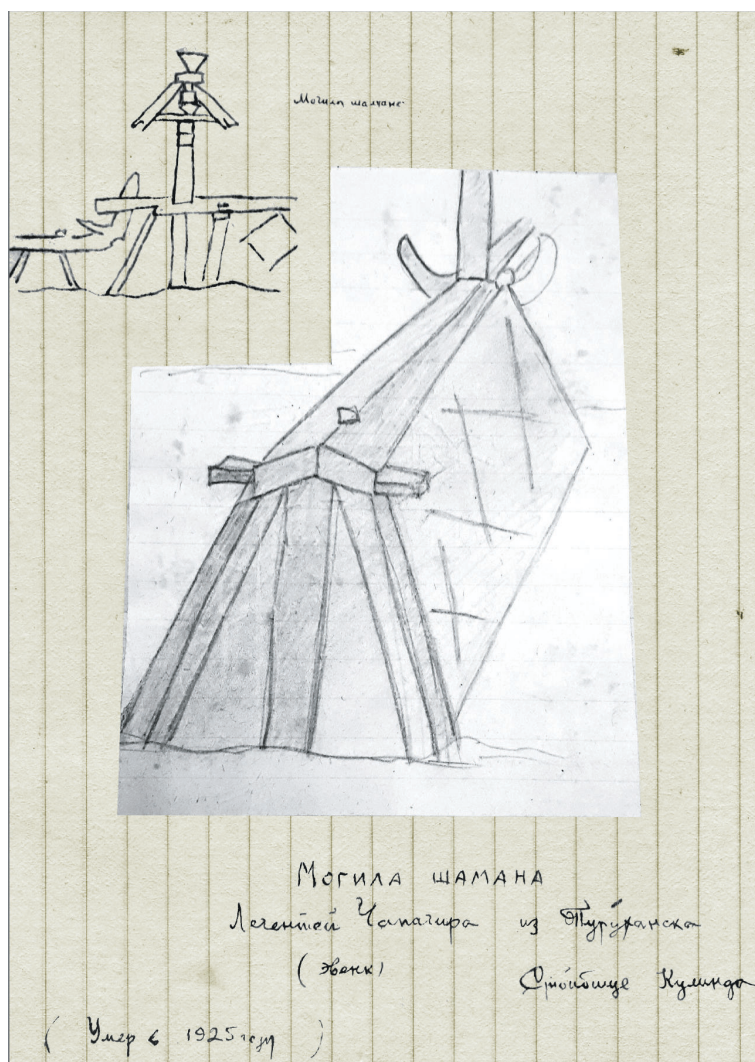

Рис. 2. Могилы шамана Легентей Чапагира из Туруханска. Стойбище Кулинда (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 542. Л. 9об.).

Fig. 2. The grave of the shaman Legentei Chapagir from Turukhansk. Kulinda Camp (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 542. L. 9ob.).

Рис. 3. Изображение предков (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 551. Фото 1).

Fig. 3. The image of ancestors (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 551. Photo 1).

гребения шамана¹⁵. Интерес вызывает рисунок-схема с указанием нахождения могил шаманов на местности¹⁶. Отметим, что лишь 2 фотографии имеют авторскую атрибуцию: «Могила шамана Кулинда, 1930 г.»¹⁷ и «Могила шамана Легентей Чапагира из Туруханска» (рис. 2), умершего в 1925 г.¹⁸

ШАМАНСКИЕ ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ. АТРИБУТЫ

Отдельный блок составляют рисунки и фотографии атрибутов для камлания, духов-покровителей охоты, священных животных; редко встречается изображение духов предков (рис. 3)¹⁹. На некоторых из них показано расположение атрибутов во время обряда испрашивания шаманом приплода оленей (*dovanderan*) (Стойбище Накана)²⁰; расположение атрибутов шамана вокруг чума (Стойбище Ягдок)²¹; изображены атрибуты камлания и схема расположения объектов (Стойбище Кулинда)²²; схема расположения атрибутов при *дотуне*²³; рисунок оленей на коврике²⁴.

Изображение атрибутов шамана могут иметь привязку к определенной локации, например, указано стойбище Инаригда²⁵, стойбище Ягдок²⁶, стойбище

Кулинда²⁷, стойбище Тэрнакан²⁸. В ряде случаев местоположение не обозначено.

Необходимо отметить, что материалы о шаманских обрядах запечатлели информацию не только о традиционных камланиях, но и крайне редко фиксируемых ритуальных действиях, таких как врачевание²⁹.

КОСТЮМ

Облачение шамана не стало объектом пристального внимания П.П. Хороших; на фотографиях шаманы в основном в обычной гражданской одежде. Однако несколько деталей костюма все же запечатлены на рисунках и фотографии. Так, в материалах экспедиции есть фото шаманского костюма³⁰, а также рисунки гагары, привязываемой к шаманскому костюму³¹ и маски шамана³².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, визуальные источники из личного архива П.П. Хороших могут рассматриваться как равноправные с текстовыми, к ним, безусловно, применимы процедуры внешней и внутренней критики (в большинстве случаев возможно определить степень оригинальности, датировку, локализацию, атрибуцию, раскрыть цель и задачу фотосъемки, аутентичность, дать комментарии и т.п.).

¹⁵ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 538.

¹⁶ Там же. Д. 549. Л. 6.

¹⁷ Там же. Д. 542. Л. 8об.

¹⁸ Там же. Л. 9об.

¹⁹ Там же. Д. 535; Д. 551. Папка 2. Фото 1.

²⁰ Там же. Д. 538. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 542. Л. 1об.

²² Там же. Л. 9.

²³ Там же. Д. 551. Папка 1. Фото 37а.

²⁴ Там же. Папка 2. Фото 32.

²⁵ Там же. Д. 542. Л. 4, 5, 6.

²⁶ Там же. Л. 1об., 2об., 3, 3об.

²⁷ Там же. Л. 8, 8об., 9. Д. 551. Папка 2. Фото 11.

²⁸ Там же. Д. 542. Л. 7, 7об.

²⁹ Там же. Д. 551. Папка 2. Фото 26.

³⁰ Там же. Папка 3. Фото 37, 38.

³¹ Там же. Д. 538.

³² Там же. Д. 554а.

Экспедиционные фотографии и изобразительные материалы с Нижней Тунгуски имеют большое источниковедческое значение для расширения современных научных представлений о пространственно-предметном мире эвенкийского шаманизма первой трети XX в.

Фотографии и подлинные предметы эвенкийских шаманских стойбищ начала XX в. известны в музеях Санкт-Петербурга, Красноярска, Иркутска, однако многое из этого наследия не опубликовано. Введение в научный оборот материалов из архивного фонда ЦВРК позволит восполнить этот пробел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов А.Ф. Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1951. Т. XIII. С. 187–215.

Анисимов А.Ф. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Сиб. этногр. сб. М.; Л., 1952. С. 199–238.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 238 с.

Березницкий С.В. Фотоколлекции Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН // Вопр. музеологии. 2018. № 9 (1). С. 111–119.

Буряева О.В., Буряева С.В. Орнамент эвенков в исторической ретроспективе (по материалам фонда П.П. Хороших) // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 200–206.

Буряева О.В., Буряева С.В. Пространство шаманского ритуала у эвенков Нижней Тунгуски (по материалам личного архива П.П. Хороших) // Изв. Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 4. С. 88–103.

Буряева О.В., Буряева С.В. Нижнетунгусская этнографическая экспедиция 1930 г. (по материалам личного архива П.П. Хороших) // Изв. Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 3. С. 112–126.

Буряева С.В., Буряева О.В. Культурное наследие коренных народов Сибири: эвенкийский орнамент [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 140–153. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-12.pdf>.

Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1957. Т. XVII. С. 151–185.

Василевич Г.М. Дошаманские и шаманские верования эвенков // Сов. этнография. 1971. № 5. С. 53–60.

Василевич Г.М. Русско-эвенкийский словарь: в 2 ч. 2-е изд., перераб. СПб.: Фил. изд-ва «Просвещение», 2005. Ч. 2. 240 с.

Жеребина Т. Сибирский шаманизм: этнокультурный атлас. СПб.: АМФОР, 2009. 623 с.

Кадук А.В., Сирина А.А. М.Г. Левин и его материалы по шаманству 1920–1930-х годов из архива Института этнологии и антропологии РАН // Труды IV Конгресса российских исследователей религии. Религия как фактор взаимодействия цивилизаций: сб. докл. / под ред. А.П. Забияко и др. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2018. С. 115–121.

Кличенко Ю.В. Шаманский чум Шунмана // Архивариус. 2013. № 8 (169). С. 17–22.

Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. Изд. 2-е, доп. и перераб. с предисл. С.А. Токарева. М.: Изд-во «Безбожник», 1930. 132 с.

Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1926–1929 гг.). Якутск, 1992. 299 с.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с. На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея. Альбом). М.: ИПЦ «Художник и книга», 2006. 296 с.

Прокофьева Е.Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 435–492.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Т. 27. С. 5–100.

Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов т. этнокультурные связи): историко-этнографические очерки. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2012. 626 с.

Сем Т.Ю. Шаманизм эвенков (по материалам Российского этнографического музея). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2017. 302 с.

Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012. 604 с.

Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия / сост. Т.Ю. Сем. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 664 с.

Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919. 42 с.

Ямпольская Ю.А. Шаманский чум и модель мира в традиционном мировоззрении эвенков // Религиоведческие исследования в этнографических музеях. Л., 1990. С. 129–136.

Ямпольская Ю.А. «Шаманский чум» эвенков: история открытия, результаты исследований, гипотезы // Этносы и этнические процессы: Сборник памяти Р.Ф. Итса. М., 1993. С. 107–118.

REFERENCES

Anisimov A.F. (1951). Shaman spirits according to the views of the Evenks and the totemic origins of the ideology of shamanism. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*. Moscow, Leningrad, vol. XIII, pp. 187–215. (In Russ.)

Anisimov A.F. (1952). Evenks shamanic tent and the problem of the origin of the shamanic ritual. *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik*. Moscow, Leningrad, pp. 199–238. (In Russ.)

Anisimov A.F. (1958). The religion of the Evenks in the historical and genetic study and the problem of the origin of primitive beliefs. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 238 p. (In Russ.)

Berezitsky S.V. (2018). Photography collections of the Tunguska expedition in the Museum of Anthropology and Ethnography (RAS). *Voprosy muzeologii*. Vol. 9, iss. 1, pp. 111–119. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.110>. (In Russ.)

Buraeva O.V., Buraeva S.V. (2018). Evenk ornament in the historical retrospective (based on materials from the fond of P.P. Khoroshikh). *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. No. 6, pp. 200–206. (In Russ.)

Buraeva O.V., Buraeva S.V. (2019). The space of the shamanic ritual of the Evenks of Nizhnyaya Tunguska (based on the personal archive of P.P. Khoroshikh). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. Vol. 15, no. 4, pp. 88–103. (In Russ.)

Buraeva O.V., Buraeva S.V. (2020). Nizhnyaya Tunguska ethnographic expedition of 1930 (based on the personal archive of P.P. Khoroshikh). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. Vol. 16, no. 3, pp. 112–126. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-112-126>. (In Russ.)

Buraeva S.V., Buraeva O.V. (2021). Cultural heritage of the indigenous peoples of Siberia: the Evenkian ornament. *Istoricheskiy kur'er*. No. 2, pp. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.21518/2618-9100-2021-2-12>. (In Russ.)

Kaduk A.V., Sirina A.A. (2018). M.G. Levin and his materials on shamanism in the 1920s–1930s from the archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. *Trudy IV Kongressa rossiyskikh issledovateley religii «Religiya kak faktor vzaimodeystviya tsivilizatsii»: sb. dokl.* Blagoveshchensk, pp. 115–121. (In Russ.)

Klitsenko Yu.V. (2013). Shamanic tent of Shunman. *Ilken: respublikanskaya gazeta korennykh malochislennykh narodov Severa Respubliki Sakha (Yakutiya)*. No. 8, pp. 17–22. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. (1930). Legends and tales about shamans of Yakuts, Buryats and Tungus. Moscow, Bezbozhnik, 132 p. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. (1992). Shamanism. Selected works. (Publications 1926–1929). Yakutsk, 299 p. (In Russ.)

Mazin A.I. (1984). Traditional beliefs and rituals of the Evenks-Orochons (late 19th – early 20th centuries). Novosibirsk, Nauka, 201 p. (In Russ.)

(2006). On the edge of the worlds. Shamanism of the peoples of Siberia (from the collection of the Russian Ethnographic Museum): album. Moscow, IPTs «Khudozhnik i kniga», 296 p. (In Russ.)

Prokofieva E.D. (1961). Shaman tambourines. *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri*. Moscow, Leningrad, pp. 435–492. (In Russ.)

Prokofieva E.D. (1971). Shaman costumes of the peoples of Siberia. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad, vol. 27, pp. 5–100. (In Russ.)

Sem T.Yu. (2012). The picture of the world of the Tungus: pantheon (semantics of images and ethno-cultural connections): historical and ethnographic essays. Saint-Petersburg, Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 626 p. (In Russ.)

Sem T.Yu. (2017). Evenk shamanism (based on materials from the Russian Ethnographic Museum). Saint-Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya, 302 p. (In Russ.)

Sem T.Yu. (Comp.) (2006). Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the XVIII–XX centuries: anthology. Saint-Petersburg, Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 664 p. (In Russ.)

Shirokogorov S.M. (1919). The experience of studying the foundations of shamanism among the Tungus. Vladivostok, 42 p. (In Russ.)

Sirina A.A. (2012). Evenks and Evens in the modern world: self-consciousness, nature management, worldview. Moscow, Vost. lit., 604 p. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (1957). Ancient hunting and reindeer herding rites of the Evenks. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad, vol. XVII, pp. 151–185. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (1971). Pre-shamanic and shamanic beliefs of the Evenks. *Sovetskaya etnografiya*. No. 5, pp. 53–60. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (2005). Russian-Evenk dictionary: in 2 parts. 2nd ed., rev. Saint-Petersburg, Filial izd-va "Prosveshchenie". Pt. 2, 240 p. (In Russ.)

Yampolskaya Yu.A. (1990). Shamanic tent and the model of the world in the traditional worldview of the Evenks. *Religiovedcheskie issledovaniya v etnograficheskikh muzeyakh*. Leningrad, pp. 129–136. (In Russ.)

Yampolskaya Yu.A. (1993). "Shamanic tent" of the Evenks: the history of discovery, research results, hypotheses. *Etnosy i etnicheskie protsessy: sbornik pamyati R.F. Itsa*. Moscow, pp. 107–118. (In Russ.)

Zherebina T. (2009). Siberian shamanism: an ethnocultural atlas. Saint Petersburg, AMFORA, 623 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.03.2023

Дата рецензирования 13.03.2023

Статья принята к публикации 27.03.2023

DOI: 10.15372/HSS20230208
УДК 94+316.722(=1613)(571.1)

А.А. РУБЛЕВА

**ПОТОМКИ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПРИТОМЬЯ:
КУЛЬТУРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ (по материалам полевых исследований 2022 г.)**

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

Статья посвящена анализу идентичности у потомков белорусских переселенцев Юргинского района Кемеровской области, которая формировалась в условиях трансляции традиций старшим поколением белорусских переселенцев, рожденных в начале XX в., а также в условиях культурных контактов с представителями других восточнославянских групп Притомья. Основным источником исследования стали интервью с потомками белорусских переселенцев (1930–1960-х гг.). Во второй половине XX в. белорусские переселенцы отмечали традиционные календарные и семейные праздники, сохраняли этнокультурные особенности диалекта, традиционной кухни. Потомков белорусских переселенцев в сельской среде Притомья до сих пор продолжают называть «хахлами». Сами потомки переселенцев этого не отрицают, но считают себя также русскими или сибиряками. Как показал анализ, причинами такой идентичности стали длительное проживание потомков белорусских переселенцев в Сибири и их активные контакты с русскими Притомья.

Ключевые слова: белорусы, белорусские переселенцы, идентичность, XX век, Притомье, Западная Сибирь.

Для цитирования: Рублева А.А. Потомки белорусских переселенцев Притомья: культура и идентичность (по материалам полевых исследований 2022 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 65–73. DOI: 10.15372/HSS20230208.

A.A. RUBLEVA

**DESCENDANTS OF THE BELARUSIAN SETTLERS OF THE TOM RIVER REGION:
CULTURE AND IDENTITY (based on the materials of field research in 2022)**

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Akad. Lavrentieva Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

In the summer of 2022, an ethnographic expedition was conducted in the Yurginsky district of the Kemerovo region. The field research showed that Pritomye is a territory with ethnocultural diversity of population, where in the 20th century in addition to Russian and Ukrainian settlers, Russian indigenous people of Siberia, Mordovians, Germans, and others, there were Belarusian settlers. The aim of this article is to analyze the ethnocultural identity of the descendants of Belarusian settlers in the Pritomye territory. The chronological framework of the study is the second half of the 20th century – the first quarter of the 21st century. The main source of information was the stories of rural residents of Pritomye, whose ancestors were Belarusian settlers. The methodology was based on an ethnocultural approach to understanding identity. The descriptive and comparative-historical method of research was applied.

In the second half of the 20th century, the descendants of Belarusian settlers grew up in a cultural environment formed by older generations of Belarusian settlers. They celebrated calendar and family holidays. In their everyday and festive life, Belarusian settlers preserved elements of traditional cuisine and Belarusian dialect. The descendants of Belarusian settlers in Pritomye are still referred to as “khakhly,” a term that is not denied by the Belarusian settlers themselves. Modern descendants of Belarusian settlers, in international communication, consider Siberia their homeland and consider themselves Russians. The reason for such identity is their active cultural contacts with representatives of other ethnocultural groups of Pritomye, in particular with Russian indigenous people of Siberia, and the fact that descendants of Belarusian settlers have been living in Siberia for several generations, which has left an imprint on their culture and identity.

Key words: Belarusians, Belarusian settlers, identity, XX century, Pritomye, Western Siberia.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Анастасия Анатольевна Рублева – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4967-6311>.

Anastasia A. Rubleva – Junior Research Assistant, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Летом 2022 г. была совершена этнографическая экспедиция, организованная Институтом археологии и этнографии СО РАН, в Юргинский р-н Кемеровской обл. Как показали экспедиции прошлых лет, участками которых были обследованы Мариинский, Тяжинский, Чебулинский районы Кемеровской области, Притомье является территорией с разнообразным этнокультурным составом населения. Так, вышеуказанные районы населяли старожилы Сибири, «ясачные», старообрядцы-«кержаки», потомки «росийских» (украинский и белорусских) переселенцев, в единичном числе немцы, мордва и др. [Любимова, Рублева, 2019]. Материалы экспедиции 2022 г. также указывают на пестрый этнокультурный состав населения севера Юргинского района. В отличие от экспедиций прошлых лет, значительную часть деревень севера Юргинского района населяют потомки чалдонов – старожилов Сибири, что связано с особенностями освоения данной территории. В отечественной историографии заселение территорий Среднего Притомья связывают с основанием Сосновского острога в XVII в., вокруг которого началось формирование земледельческих станов. В 1770–1780-е гг. шло освоение и заселение территорий левобережья Томи, а также территорий у рек Черной, Лебяжьей и Искитим [Усков, 2005, с. 36]. В это время и возникли основные русские старожильческие поселения севера Юргинского р-на. Уже позднее, как показали полевые материалы, на эти территории стали прибывать представители других восточнославянских групп – российские переселенцы из южных губерний Российской империи (Курская, Орловская, Тамбовская), в XIX в. в Притомье поселились кержаки-старообрядцы из Пензенской губернии [Рублева, 2022; Скрыбина, 1995, с. 11]. Одной из таких переселенческих групп, приехавших в Западную Сибирь в начале XX в., стали белорусские переселенцы, которые внесли определенный вклад в многообразие культур Западной Сибири. Близкое соседство, а иногда и совместное проживание с украинскими, российскими (русскими) переселенцами, особенно с чалдонами, активизировало межкультурные контакты, что не могло не повлиять на культуру белорусских переселенцев и их идентичность. В связи с этим целью данного исследования является анализ этнокультурной идентичности потомков белорусских переселенцев на территории Притомья. Хронологические рамки работы определяются второй половиной XX – первой четвертью XXI в. Основным источником стали рассказы сельских жителей Притомья, чьи предки были белорусскими переселенцами из Гродненской и Могилевской губерний.

Исходя из задач данного исследования, нами было принято этнокультурное понимание идентичности, которая «маркирует принадлежность индивида к объединенной общими ценностями и культурными установками группе» и является смыслообразующим стержнем, организующим коллективную идентичность группы. Утверждение культурной идентичности происходит посредством участия членов группы в общих культурных практиках, которые социально значимы для данной группы. В таком понимании идентичности важным ее маркером выступает преемственность культурного выбора группы, которая объединена общей памятью, верованием, общей материальной и духовной культурой. В рамках данного подхода важны те признаки, которые сама эта группа и определяет [Семененко, 2017, с. 312–314]. На стадии полевых сборов использовались методы интервьюирования (глубинного интервью) и аудио-, видеофиксация материалов. Кроме того, применялся дескриптивный и сравнительно-исторический методы исследования.

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКИХ ДЕРЕВЕНЬ
В ПРИТОМЬЕ

Согласно полевым материалам, белорусские переселенцы появились на территории Притомья в начале XX в., что было связано с массовым переселением белорусских крестьян в Западную Сибирь [Сибирь и сибиряки, 2022, с. 72]. Переселенцы, как показали полевые данные, зачастую селились уже на обжитых ранее русскими старожилами территориях. Например, д. Алабучинка и д. Милютинка, как и другие старожильческие деревни, были основаны до XVIII в. русскими первопоселенцами Притомья. Алабучинка была основана в 1683 г. пашенным крестьянином Иваном Алабугиным на р. Лабунь [Емельянов, 1980 г., с. 151]. Сами жители этой деревни рассказали несколько версий о происхождении ее названия. По одной из них, деревня получила название от тюркского слова *алабуга*, что означало «красный бык». По словам информантов, «красным быком» раньше называли окуня, водившегося в местной реке. По другой версии, деревня получила название по фамилии купца Алабугина, который возил товар по Московскому тракту и сокращал дорогу через места, где сейчас располагается д. Алабучинка. В Списках населенных мест Томской губернии за 1859, 1893, 1899 и 1904 гг. эта деревня не значится. И только в 1911 г. д. Алабучинка зафиксирована в Списке населенных мест Томской губернии [Косовец, 2010, с. 11]. Именно в это время, согласно полевым данным, предки нынешних жителей Алабучинки приехали в Сибирь. На новые земли прибыли шесть семей из Могилев-

ской губернии, среди них – Спиридоновы, Маршанкины, Карповы и Лапшиновы. Причиной переселения было малоземелье.

Милютино, как и д. Алабучинка, было основано задолго до переселения белорусов. Согласно данным М.Ф. Емельянова, д. Милютина (в монографии у М.Ф. Емельянова указана как деревня Малютина) основана в 1673 г. казачьим сыном Трофимом Малютиным [Емельянов, 1980, с. 153]. Между 1734 и 1908 гг. д. Милютина в статистических документах не числится и вновь упоминается в Списках населенных мест Сибирского края с годом основания 1908 г. [Косовец, 2010, с. 24], где численно преобладающей национальностью среди населения указаны белорусы [Список населенных мест ..., 1929, с. 17]. Согласно полевым данным, местом выхода милютинских белорусов была Гродненская губерния Российской империи. Сами местные жители отмечали, что их деревню основал «как-то Милютин», но ранее их предки жили в д. Паршин луг. И уже позднее они переехали из Паршина луга в д. Милютино. Существование переселенческого пос. Паршина лога подтверждается Списком населенных мест Томской губернии за 1911 г. [с. 108]. Те же белорусские переселенцы, согласно полевым данным, основали д. Полуденую и после исчезновения этой деревни переехали в д. Мальцева Юргинского района Кемеровской области; д. Ленинка, согласно Спискам населенных мест Сибирского края, была основана в 1920 г. как поселок Ленинский, но упразднена в 1950-х гг. в связи с проводимой политикой укрупнения колхозов.

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Основными информантами, которые рассказывали о культуре белорусских переселенцев и ее трансформации во второй половине XX в. являлись Галина Николаевна Рудьман (1955 г.р.), жительница д. Милютино, Татьяна Кирилловна Маршанкина (1960 г.р.), жительница д. Алабучинка и Зоя Захаровна Кравцева 1932 г.р., жительница д. Томилово, в прошлом жительница д. Ленинка Юргинского района Кемеровской области. Интервью с ними по поводу их восприятия идентичности стало основой анализа идентичности современных потомков белорусских переселенцев. В контексте данного исследования важно понимание культурной среды, в которой выросли потомки белорусских переселенцев и которая нашла отражение прежде всего в праздниках календарного и жизненного циклов.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Сохранились воспоминания потомков белорусских переселенцев о традиционных праздниках, ко-

торые отмечались во второй половине XX в., несмотря на советскую идеологию, запрещающую праздники традиционного календаря. Праздновали в белорусских деревнях Рождество. Его празднование начиналось в Сочельник. Поколение пожилых белорусов к Сочельнику готовили кутью, стряпали пресные сушки с конопляными семенами. В Рождество дети ходили по домам, пели колядки. В ночь перед Новым годом рядились и колядовали уже взрослые. Ряженные «муловались» красками и помадами, надевали маски, посыпали хозяев домов пшеницей, били в бубен: «Сею-вею, посеваю! С Новым годом поздравляю!». Таких ряженных в деревне называли шулюканами.

Праздновали в белорусских деревнях Крещение, но по воспоминаниям информантов, особых гуляний во второй половине XX в. в этот праздник не устраивали. Празднование ограничивалось хождением друг к другу в гости. Девушки могли в это время гадать на суженого – кидали валенок, клали колечко под подушку.

Праздновали потомки белорусских переселенцев Масленицу. Но как отмечали информанты, широких гуляний у белорусов в этот праздник не было. В 1960-е гг. в Милютино, как вспоминала Татьяна Кирилловна Маршанкина, возили по деревне на санях соломенное чучело. Милютинские старушки пекли белорусские толстые блины на хлебной закваске. Позднее, после объединения д. Милютино в один колхоз с соседней д. Елгино, милютинские белорусы начали праздновать Масленицу там. Большую роль в проведении праздника стал играть сельский клуб.

Отмечали белорусские переселенцы старшего поколения праздник Сороки. Пожилые женщины собирались в одном доме, приносили с собой сдобных птичек из теста, которыми угощали детей. Булочками из теста кормили весенних птиц: «*Надо птичкам раскрошить*».

В отличие от Масленицы, белорусские переселенцы широко праздновали Пасху. К празднику готовили творожные пасхи, пекли куличи, красили яйца луковой шелухой. Сохранились воспоминания об обходах дворов детьми. Дети на Пасху играли в игры с яйцами – стукались ими, катали яйца с жердочек по земле, подкидывали яйца – кто бросит выше. Участвовали в играх с яйцами не только дети, но и молодежь. С Пасхи начиналось время уличных игр. Играли в лапту, городки, третий лишний и др. Такие игры сопровождали все уличные праздники весенне-летнего периода.

Особое отношение в д. Милютино было к Радунице: «*Радуница – самое великое поминание родных и близких*». В Милютино в этот день все жители деревни шли на кладбище. На могилах родственников расстилали специальные «поминальные» скатерти. А на могиле недавно умершего родственника накрывали

«поминание» – ставили яйца и пироги. В этот день было принято по могилам всех родственников катать яйца. В д. Ленинка, в которой выросла Зоя Захаровна Кравцева (1932 г.р.) после Пасхи праздновали Красную горку.

Из летних праздников в воспоминаниях информантов сохранился праздник Троицы. На Троицкую субботу красили яйца, и если важным поминальным днем у белорусов д. Милютино была Радуница, то у белорусов из д. Алабучинка принято было ходить на кладбище в Троицкую субботу. На могилах катали яйца, а жители деревни на кладбище садились общим кругом и поминали усопших.

К Троице во второй половине XX в. старые люди еще украшали дома веточками березок. Как вспоминала Татьяна Кирилловна Маршанкина, будучи ребенком, она с бабушкой вечером перед Троицей шла рвать веточки березы, чтобы украсить дом к празднику. Некоторые жители д. Миллютино украшали березки ленточками. Женщины старшего поколения в 1960–1970-х гг. собирались на Троицу за общим застольем, к которому готовили пироги, вареные яйца, блины и яичницу.

Праздновали потомки белорусов и праздник Ивана Купалы. Его больше отмечала молодежь. В Миллютино молодые люди собирались на поляне – играли в лапту, городки, третий лишний. Начиная с утра, дети и молодежь активно обливались водой. А вечером девушки приходили к берегам водоемов, плели венки и пускали их на воду, загадывая женихов, – в какую сторону венки поплывет, с той стороны и ждать жениха. Вечером на берегу водоемов жгли костры, через которые прыгали. После этого шли в лес искать цветок папоротника. Из праздников летнего периода, отмечаемых белорусскими переселенцами, информанты называли еще медовый и яблочный спас.

По воспоминаниям Т.К. Маршанкиной, старшее поколение белорусов сохранило некоторые элементы праздника дожинок. Так, бабушка Татьяны Кирилловны рассказывала внучке, что раньше в этот день в дом было принято приносить сжатые снопы. На дожинки ее бабушка готовила в чугушке кашу из молодой пшеницы с медом. Полностью этот праздник исчез из бытования к концу 1970-х гг., когда ушло из жизни поколение, соблюдавшее такие праздники.

Из осенних праздников потомки белорусских переселенцев в ходе беседы отмечали праздник Покрова, после которого начинали играть свадьбы. На Покров белорусы собирались семьями и к праздничному застолью готовили пироги, куриную лапшу и вареники с капустой. К Михайлову дню кололи скотину и из молодого поросенка готовили «свежину» – топлёные в русской печи кусочки свинины с приправами. На Рождество заготавливали колбасы.

СЕМЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Крестины

В крестные ребенку выбирали, как правило, двух крестных – мужчину и женщину, причем уважаемых в деревне людей. Так, отца Татьяна Кирилловны считали кумом всей деревни, потому что его часто брали в крестные. При этом крестные дарили ребенку подарок и собирали застолье. Потомки притомских белорусов во второй половине XX в. уже не сохранили комплекс обрядов, связанных с фигурой бабки-повитухи. В это время феномен повитух стал исчезать в связи с доступностью бесплатной государственной медицины [Белорусы в Сибири ..., 2011, с. 59–61]. В д. Миллютино крестных родителей ребенка называли просто «крестный» или «крестная», в Алабучинке крестных звали «леля».

Проводы в армию

Широко отмечали белорусские переселенцы проводы в армию. Получив повестку, парни обходили дворы и приглашали односельчан на гуляние. Празднование начинали вечером, чтобы всей деревней утром проводить новобранца. Перед отправкой молодому человеку дарили деньги, близкие родственники дарили платочки. Выводили новобранца из дома за ворота вперед спиной, чтобы обратная дорога домой была легкой. В Алабучинке мать новобранца благословляла его иконой, которую давала с собой в дорогу.

Свадьбы

В ходе интервью нами были записаны три свадебных обряда. О двух свадебных обрядах рассказали потомки белорусских переселенцев 1955 и 1960 гг. рождения, а один свадебный обряд был записан от жительницы белорусской деревни 1932 г.р. Степень сохранности традиционных свадебных элементов в описанных ниже сценариях была различной. Традиционно свадебный период у потомков белорусских переселенцев начинался со сватовства. Во второй половине XX в. молодые люди уже сами выбирали себе будущих супругов, исходя из собственных симпатий, поэтому перед сватовством пары договаривались о свадьбе. Сватать ходили родственники жениха, его родители, тетки и дяди. Сваты в то время сохраняли некоторые элементы ритуального поведения. Заходя в дом, сваты произносили ритуальную фразу: «*У вас товар, у нас купец/ У нас бычок, у вас телочка*». После сватовства устраивали застолье – ставили на стол холодец, кисель и винегрет. Характерной для белорусских свадеб традиции заручин у притомских белорусов для второй половины XX в. уже не наблюдалось [Белорусы в Сибири ..., 2011, с. 64]. После сватовства сразу же начинался период подготовки к свадьбе, который мог занимать несколько месяцев. Перед самой свадьбой подруги невесты собирались в

ее доме. И если Зоя Захаровна Кравцева (1932 г.р.) вспоминала, что во время девичника девушки готовили свадебный венок из восковых цветов, то позднее на девичниках девушки просто «болтали», рисовали свадебные плакаты и обсуждали предстоящее торжество. Само свадебное действо начиналось с выкупа. Продавали невесту ее подруги. После выкупа в д. Алабучинка и в д. Милутино жених и невеста ехали регистрировать брак. После регистрации вся свадьба перемещалась в дом жениха, где начиналось свадебное гуляние, что было не характерно для белорусской свадебной традиции, где первое свадебное застолье совершалось в доме невесты [Белорусы, 1998, с. 386–387]. Перед входом в дом жениха молодым стелили дорожку и посыпали их пшеном, а родители жениха встречали молодых хлебом и солью. Руководили свадьбой сват и сватья – состоящие в браке взрослые родственники со стороны жениха и невесты, умеющие бойко говорить. Также роль сватов могли исполнять крестные жениха и невесты. В первый день сваты собирали подарки у гостей, обносили гостей водкой и блинами в ответ за подарки. В первый день свадьбы невесту могли воровать. В конце первого свадебного дня мать невесты снимала с нее фату, а свекровь надевала платок.

Утром сваха будила молодых, и гуляние продолжалось. Второй свадебный день начинался с традиционного сора, который устраивали в доме жениха гости – бросали на пол солому и деньги, которые молодые должны были собрать. После сора свадебное гуляние перемещалось в дом невесты, где молодые должны были угощать гостей пельменями. На второй день молодых возили на конях, а гости ходили ряжеными, делали подсадных жениха и невесту. Свадьба завершалась на третий день.

Отличался свадебный сценарий, записанный от Зои Захаровны Кравцевой (1932 г.р.) Если в д. Алабучинка и д. Милутино первый свадебный день гуляли в доме жениха, то белорусы из д. Ленинка первый день свадьбы праздновали в доме невесты. После выкупа невесты, которую продавали ее подруги, все гости садились за столы, и начиналось застолье, во время которого могли бить горшки. Вечером первого дня, как и в других белорусских селах Юргинского района, с невесты снимали свадебный венок и повязывали платок. Второй день свадьбы отмечали в доме жениха, куда везли приданое. Для того чтобы внести приданое в дом, в шутку ломали дверь. Само приданое развешивали по дому, чтобы гости могли его рассмотреть. На второй день молодым дарили подарки и устраивали традиционный сор. К концу свадьбы «проводжали сваху» – запрягали людей в сани, сажали в них сваху и катали ее по деревне.

В сравнении с традиционными белорусскими свадьбами, описанными в этнографической литературе, свадебный сценарий, записанный от потомков белорусских переселенцев Юргинского района, уже лишился некоторых ритуальных элементов. Так, не фиксируется у потомков белорусских переселенцев традиция выпекания свадебного каравая, характерного для белорусской свадебной традиции и всех ритуалов, связанных с приготовлением и делением каравая. Схожие процессы трансформации белорусской свадебной традиции были описаны Е.Ф. Фурсовой у других групп белорусских переселенцев Западной Сибири [Белорусы в Сибири ..., 2011, с. 75]. Как уже было сказано, наблюдаются изменения в структуре свадебного обряда, когда первый день свадьбы праздновалась не в доме невесты, а в доме жениха. Также не фиксируются ритуалы, связанные с обрядом перехода – посадение на «дежу», плач невесты и др. [Белорусы, 1998, с. 384–387].

Похороны

Традиционными ритуалами сопровождался также похороны у белорусов Притомья. Умершего обмывали, надевали на него заранее приготовленное смертное платье, предварительно снимая с него нательный крестик, который потом хранили за иконами на божничке – специальной полке для икон. Усопший должен был три дня пролежать в доме, над ним по ночам читали молитвы. Во второй половине XX в. читали молитвы пожилые женщины, они же и сохранили традиции надгробного причитания. Затем тех, кто сидел возле гроба, одаривали монетками, собранными покойным еще при жизни, заранее. Одаривали также во время похорон участников обряда белыми носовыми платочками. На третий день покойного несли на кладбище, раскидывая за гробом еловые ветки: «*Дорогу в рай выстилают*». В могилу также бросали монетки. После кладбища устраивали поминки, где обязательными угощениями были – блины, кутья, кисель, борщ, куриная лапша, толченка с котлетой и компот.

ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ

Сохраняла свою аутентичность во второй половине XX в. традиционная кухня белорусских переселенцев. Любое значимое событие в жизни потомков белорусских переселенцев отмечалось застольем. Обязательными праздничными угощениями в белорусских деревнях были холодец, драники, вареники, колдуны с мясной начинкой. Готовили сырники – замороженный перетертый творог, смешанный с сахаром, мукой и сметаной. Делали клецки из картофеля и галушки из муки. В Милутино жарили «бабки» – натерли картошку, добавляли в нее перекрученное в мясорубке сало, лук, формировали шарики и жарили их в сковороде.

Белорусы из д. Ленинка заранее к большим праздникам готовили курдюк – потроха, начиненные мясом и специями. Заготавливали мясо и в Милутино. Начиняли желудок гречкой, мясом, ливером либо перловкой, также могли положить осердие, добавляли специи, выносили желудок на улицу, давали ему замерзнуть. И перед большим праздником запекали его в русской печи. Готовили милутинские белорусы зельц – прессованное мясо с головы свиньи. Голову свиньи вымачивали, отваривали. Мясо выкладывали на холст, начиняли его чесноком, перцем, мясо заматывали и ставили под груз. На свадебные застолья белорусские переселенцы готовили виргуны – жаренные в масле кусочки теста: *«Виргуны у нас было первое блюдо»*. Помимо виргунов на первый день свадьбы обязательным угощением был винегрет и холодец, а на второй – пельмени и борщ. И если для местных чалдонов борщ – один из разновидностей супов, то для потомков белорусских переселенцев борщ был отдельным блюдом: *«Борщ – это борщ»*. На третий день свадебного застолья готовили уху. В д. Милутино на свадьбу жарили гусей, кур, тушили картошку и капусту.

Готовили белорусы из картофельного крахмала кисель, который считался отдельным блюдом. В будние дни белорусские бабушки готовили тюрю (квашеная капуста с молоком). Сохранилась у белорусских переселенцев в повседневном питании затируха – кусочки муки, смешанные с водой и яйцом, сваренные в воде и заправленные маслом, салом или молоком. Алабучинские белорусы варили тесто в молоке.

Любимым напитком у белорусских переселенцев был квас. Также делали медовуху, пили травяные чаи. Галина Николаевна Рудьман отмечала: *«Чалдоны в основном чаи гоняли, у нас нет... У нас как-то чай нет, не особо пьют»*. Варили в белорусских деревнях кулагу – заваренную в кипятке муку с отваром сушеных ягод. Пили также простоквашу и варенец.

ЯЗЫК

Современные потомки белорусских переселенцев уже не воспроизводят в своей повседневной речи особенностей диалекта белорусских переселенцев, но поколение их бабушек, рожденных на рубеже XIX – XX вв., говорили «по-белорусски». Рассказывая истории своих старших родственников, Татьяна Кирилловна Маршанкина так воспроизводила их речь: *«Ты бачила, Маруська, бачила? Ой та деука идет, што сани без полоз»*. *«Ляхайте, ляхайте! Ой, деуки, да што же вы сядите? Ляхайте, падайтя под стул! Ой, похром буде! Ляхайте! Так шо? Енто такая маленькая каробачка, а там што-та бекает, што-та лятае! Да што эта за такое? Как это так получается?»*.

Таким образом, если поколение белорусов, рожденных в конце XIX – начале XX в. сохраняло свой собственный диалект, то их дети, рожденные уже в Сибири в советское время, лишь частично в своей речи употребляли белорусские слова. Современные же потомки белорусских переселенцев, как было сказано выше, в обыденной жизни не сохранили особенностей белорусского диалекта, но могут его воспроизвести, так как помнят, как разговаривало поколение их бабушек.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОТОМКОВ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

До сих пор среди жителей деревень Юргинского района белорусских переселенцев в разговорной речи называют «хахлами», именно так о себе сообщают они сами: *«Мы до сих пор хахлами считаемся»*. И этот народный этноним воспроизводится не только старожильческим населением Притомья, которые «хахалами» называли украинских, белорусских и южнорусских переселенцев, но и потомками белорусских переселенцев Притомья. Значительную роль в сохранении и поддержании актуальности данного этнонима играет историческая память. Так, в ходе интервью информанты рассказывали о своих предках, приехавших из Белоруссии, называли конкретные губернии, из которых переселились их бабушки и дедушки. В рассказах информантов белорусские переселенцы предстают как сплоченное обособленное сообщество, с собственной культурой: *«Вот эту деревню считали самой богатой в округе. Им просто завидовали все, что хозяйственные люди... Они одевались, у них одежды были [свои]... до последнего все. У них и речь своя была»*. *«Мне как рассказывали люди, везде гнобили людей, за все наказывали, в то время доноски были... в советское время. А они жили своей общиной. Если что-то где-то утянул, какой-то мешок зерна, они между собой могли разобратся, но доносы никакие ниче.... [А в других деревнях] наказывали и ссылали»*. *«Они жили единой семьей, до такой степени были сплоченные»*. Восприятие себя как некой обособленной группы проявляется у потомков белорусских переселенцев до сих пор и нашло отражение в ходе интервью в таких речевых конструкциях, как: *«У нас, у хахлов... А вот у них, у чалдонов»*.

Сохранность исторической памяти у белорусов в сравнении с другими переселенческими группами Притомья, на наш взгляд, связана с относительно недавним заселением Притомья белорусскими переселенцами. Так, информанты, чье детство или юность пришлись на вторую половину XX в., были выращены поколением бабушек и дедушек, непосредственно переселившихся из Белоруссии в Сибирь. Именно

это поколение принесло с собой белорусский язык, обычаи и традиции, которые стали транслироваться на новых территориях.

Такая культурная среда сформировала идентичность современных потомком белорусских переселенцев. Ярким примером влияния культурной среды стала деятельность Татьяны Кирилловны Маршанкиной – жительницы д. Алабучинка. Она родилась в д. Милутино и свое детство провела с бабушкой-белоруской, которая приобщала внуков к культуре своей старой родины – ходила колядовать с детьми на Новый год, пекла им на Сороки птичек из теста, брала с собой на посиделки с другими бабушками-белорусками, где звучали аутентичные белорусские песни, от которых «в ушах звенело». Все это сформировало особое отношение у Татьяны Кирилловны к культурному наследию белорусских переселенцев.

Являясь местным работником культуры, Татьяна Кирилловна организовала «этнографическую комнату» в доме культуры, где представила элементы материальной культуры белорусских переселенцев, собранные от пожилых односельчан. С некоторыми экспонатами Татьяна Кирилловна посещает районные выставки. Кроме того, она реконструирует праздники народного календаря с опорой на рассказы местных старожилов и источники из интернета. По составленным сценариям Татьяна Кирилловна проводит с детьми праздники народного календаря.

Но следует отметить, что деятельность Татьяна Кирилловны является скорее исключением, так как в основной своей массе элементы традиционной культуры белорусов во второй половине XX в. постепенно исчезали. Причиной их исчезновения стал уход из жизни поколения белорусских переселенцев, которые помнили и воспроизводили элементы традиционной культуры в своей жизни. А для поколения потомков белорусских переселенцев эти традиции уже потеряли актуальность в связи с процессами трансформации второй половины XX в. в советской деревне. Но как отмечали сами информанты, в редуцированных вариантах элементы традиционной культуры продолжали существовать в белорусских деревнях вплоть до начала XXI в., а некоторые элементы традиционной культуры сохраняют свою актуальность по сей день.

Несмотря на сохранность этнонима «сахол» и некоторых элементов традиционной культуры белорусов, потомки белорусских переселенцев на вопрос, как бы они себя идентифицировали на зарубежном поле (например, за границей) отвечали следующее: «Я русская сибирячка», «Я считаю себя русской». Часть информантов, с которыми было проведено интервью, говоря об идентичности, делали упор на своем сибирском происхождении: «Я русская сибирячка.

Сибирь-матушка...». Татьяна Кирилловна и ее родственники, тоже потомки белорусских переселенцев, отмечали, что «сибиряки от тех, кто за Уралом, отличаются». Отличительной особенностью сибиряков называли доброжелательность, гостеприимство, хлебосольство, житейскую мудрость. Как можно видеть, на разных уровнях коммуникации потомки белорусских переселенцев транслируют разную идентичность – для жителей соседних деревень они «сахлы», по происхождению себя считают русскими и отмечают Сибирь как место, отличающее их от других жителей России. Но при этом помнят о белорусском происхождении своих предков и до сих пор на бытовом уровне воспроизводят элементы традиционной культуры белорусских переселенцев.

Причина такой идентичности у потомков белорусских переселенцев, скорее всего, кроется в длительном проживании на территории Западной Сибири и в длительных контактах с русскими Сибири. Как было сказано выше, территория севера Юргинского района была заселена рано, и значительный массив местного сельского населения являются потомками старожилов Сибири, основавших старожильские деревни. Белорусские переселенцы, приехавшие на территорию Притомья в начале XX вв., активно взаимодействовали с местными старожилами. Явное влияние со стороны культуры старожилов Сибири испытала традиционная белорусская кухня. Как было сказано выше, потомки белорусских переселенцев считали пельмени традиционно белорусским угощением, хотя белорусская кухня пельменей не знала [Белорусы, 1998, с. 310–320]. Перенимали белорусские переселенцы и кулинарные традиции чалдонов. Так, белоруски из д. Ленинка, выходя замуж в соседнюю чалдонскую д. Томилово, знали, что местные жительницы были большими мастерицами в приготовлении сдобы. И перенимая опыт своих соседок, белоруски приносили полученные рецепты в свою родную деревню.

Значительное влияние старожильской культуры на культуру белорусских переселенцев нашло отражение и в обрядовой жизни. Как уже было сказано выше, традиционно первый свадебный день у белорусов гуляли в доме невесты, переходя на второй день в дом жениха. В д. Милутино и в д. Алабучинка, первый день гуляли в доме жениха, а второй день – в доме невесты, что было, как показали полевые исследования предыдущих лет, более характерно для старожильской свадьбы [Рублева, 2021]. И показательным в этом вопросе является тот факт, что потомок белорусских переселенцев, более раннего года рождения, гуляла свадьбу, более близкую по традициям к белорусским свадьбам. Также ярким элементом влияния культуры русских старожилов на

культуру белорусов стало распространение русского языка среди потомков белорусских переселенцев и постепенное исчезновение белорусского. Вообще, проблема взаимовлияния культур старожилов и переселенцев на территории Притомья требует отдельного, более детального исследования. Такое взаимовлияние культур отмечали сами информанты: «Я считаю, что время стирает все грани. В то время было много различий, которые дали свои отпечатки. А сейчас все переплелось».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, как показали полевые материалы, белорусские переселенцы, прибывшие в Притомье в начале XX в., принесли с собой культуру своей исторической родины, которую продолжали транслировать на новых территориях. Во второй половине XX в. старшее поколение белорусских переселенцев в своей обрядовой жизни воспроизводило праздники народного календаря, такие как Рождество, Новый год, Пасха, Радуница, Михайлов день и др. Сохраняли в XX в. белорусские переселенцы семейные праздники – свадьбу, крестины и проводы в армию. Культурной спецификой отличалась и кухня белорусских переселенцев, которая продолжает воспроизводиться их потомками до сих пор. Но активные культурные контакты с представителями других этнокультурных групп Притомья (в частности с русскими старожилами) и проживание потомков белорусских переселенцев на территории Сибири уже в нескольких поколениях – более 100 лет, наложили отпечаток на их культуру и идентичность. Так, потомки белорусских переселенцев считают пельмени традиционно белорусским блюдом, хотя оно было более характерным для старожилов Сибири. Влияние культуры старожилов нашло отражение и в семейной обрядности, в частности, в изменении структуры свадебного сценария у потомков белорусских переселенцев по образцу свадебного сценария старожилов Сибири.

Исторический опыт, пережитый белорусскими переселенцами и их потомками, проявился в многокомпонентной идентичности белорусов Сибири. С одной стороны, отличия элементов традиционной культуры и историческая память о местах выхода белорусских переселенцев закрепили за их потомками среди сельских жителей Притомья этноним «хахол», который на бытовом уровне продолжает сохранять свою актуальность у деревенских жителей Юргинского р-на до сих пор. Но, с другой стороны, как показали полевые материалы, современные потомки белорусских переселенцев на уровне международной коммуникации называют Сибирь своей родиной и считают себя русскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белорусы / отв. ред. В.К. Бондарчик и др. М.: Наука, 1998. 503 с.
- Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец, А.А. Люцидарская и др. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.
- Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 251 с.
- Косовец В.И. История заселения окрестностей Юрги и прилегающих территорий Среднего Притомья и Приобья. Юрга: Комплекс, 2010. 142 с.
- Любимова Г.В., Рублева А.А. Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX в. (по полевым материалам 2018–2019 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 708–713.
- Рублева А.А. Общее и особенное в свадебных обычаях потомков сибирских старожилов Притомья во второй половине XX века (по полевым материалам исследований 2018–2021 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 827–832.
- Рублева А.А. Потомки старообрядцев деревни Макурино: практика сохранения идентичности (по материалам полевых исследований 2022 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 921–926.
- Семененко И.С. Идентичность в социокультурном измерении. Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весть Мир, 2017. С. 312–317.
- Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.
- Скрябина Л.А. Русское население Притомья: взаимодействие культурных традиций старожилов и переселенцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995 г. 20 с.
- Список населенных мест Сибирского края / Сибирский краевой исполнительный комитет, Краевой финансовый отдел. 1929. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири, 952 с.
- Список населенных мест Томской губернии на 1911 год / Изд. Том. губерн. стат. комитета. Томск, Тип. губерн. управления, 1911. 577 с.
- Усков И.Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. Кемерово: Кузбасс-вузиздат, 2005. 130 с.

REFERENCES

- Bondarchik V.K. (ed). (1998). Belarusians. Peoples and cultures. Moscow, Nauka, 503 p. (In Russ.)
- Emelyanov N.F. (1980). The population of the Middle Ob region in the feudal era. Tomsk, Izd-vo Tom un-ta, 251 p. (In Russ.)
- Fursova E.F., Fedorov R.Y., Shitova N.I., Golubkova O.V., Vasekha M.V. (eds.) (2022). Siberia and Siberians: the ethnocultural identity of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia (XIX – early XXI century). Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii, 284 p. (In Russ.)
- Fursova E.F., Titovets A.V., Lutsidarskaya A.A., etc. (eds.) (2011). Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 424 p. (In Russ.)
- Kosovets V.I. (2010). The history of settlement of the environs of Jurga and adjacent territories of the Middle Pritomye and Ob region. Jurga, Complex, 142 p. (In Russ.)

(1929). List of settlements of the Siberian Territory. Siberian Regional Executive Committee, Regional Financial Department. Vol. 2; Districts of North-Eastern Siberia, 952 p. (In Russ.)

(1911). List of settlements of Tomsk province in 1911. Publication of the Tomsk Provincial Statistical Committee. Tomsk, Tipografiya gubernskogo upravleniya, 577 p. (In Russ.)

Lyubimova G.V., Rubleva A.A. (2019). Ritual scenario of the Russian Siberian wedding: traditions and innovations of the second half of the XX century (based on 2018–2019 field materials). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*. Vol. 25, pp. 708–713. (In Russ.)

Rubleva A.A. (2021). General and special in the wedding customs of the descendants of Siberian old-timers of the Tom region in the second half of the XX century (based on the materials of field research 2018–2021). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*. Vol. 27, pp. 827–832. (In Russ.)

Rubleva A.A. (2022). Descendants of the Old Believers of the village of Makurino: the practice of preserving identity (based on the materials of field research in 2022). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*. Vol. 28, pp. 921–926. (In Russ.)

Semenenko I.S. (2017). Identity in the socio-cultural dimension. Cultural, socio-cultural, civilizational identity. Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition / Ed. by I.S. Semenenko / IMEMO RAS. M.: Izdatelstvo “Ves’ Mir”, 2017, pp. 312–317. (In Russ.)

Scriabina L.A. (1998). The Russian population of the Tom region: interaction of cultural traditions of old-timers and settlers: diss. abstract. St. Petersburg, 20 p. (In Russ.)

Uskov I.Y. (2005). Formation of the peasant population of the Middle Pritomye in the XVII – first half of the XIX century. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 130 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2023

Дата рецензирования 13.03.2023

Статья принята к публикации 27.03.2023

DOI: 10.15372/HSS20230209
УДК 391+394.2(571.1/.5)"19/20"

М.В. КРАСАВИНА

ЖЕНСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ КОСТЮМ В ПРАЗДНИЧНЫХ ПРАКТИКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЮГА СИБИРИ РУБЕЖА XX–XXI вв.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

В сообществах кумандинцев, тубаларов, челканцев, теленгитов, телеутов и шорцев, начиная с 2000-х гг. усилился интерес к этнической традиции, в разной степени сохранившейся до настоящего времени. Важным инструментом в сохранении, восстановлении, презентации и трансляции подрастающему поколению современной этнокультуры этих народов стали праздничные и фестивальные практики, в которые органично включены конкурсы женских этнических костюмов, причесок и украшений. Было выявлено, что праздники и фестивали становятся площадкой сохранения и развития современной этнокультуры указанных этносов. Женский костюм и украшения к нему активно используются в празднично-обрядовых практиках, и из символов социально-возрастного статуса женщин в традиционной культуре становятся признанными символами этничности, дополнительно приобретая новые интерпретации символики и семантики, актуальные для современных условий жизни тюркоязычных коренных малочисленных народов юга Сибири.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Сибири, этнические праздники, этнические конкурсы красоты, женский этнический костюм.

Для цитирования: Красавина М.В. Женский этнический костюм в праздничных практиках коренных малочисленных народов юга Сибири рубежа XX – XXI вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 74–80. DOI: 10.15372/HSS20230209.

M.V. KRASAVINA

WOMEN'S ETHNIC COSTUME IN THE FESTIVE PRACTICES OF THE INDIGENOUS SMALL PEOPLES OF SOUTHERN SIBERIA AT THE TURN OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The modern ethnic culture of the South Siberia Turkic-speaking small indigenous peoples (Altai Territory, the Republic of Altai, the Kemerovo Region and adjacent regions) is stimulated by the processes of urbanization and assimilation. Since the 2000s in the Kumandins, Tubalars, Chelkans, Telengits, Teleuts and Shors communities there is a growing interest in ethnic tradition, elements of which have been preserved to varying degrees to the present day. Holiday and festival practices, organized with the participation of social movements and supported by local administrations, have become an important tool in preserving, restoring, relying on all available sources, presentations, and broadcasting to the younger generation of the complex modern ethnic culture of these peoples. The festive events organically include women's costumes, hairstyles and jewelry competitions, which have the undeniable status of symbols of ethnic identity among representatives of indigenous peoples. Using the method of qualitative content analysis of Internet journalism, materials of the regional press and legal documentation, the author analyzes the role and significance of women's costume in the festive practices of these peoples at the turn of the 20th – 21st centuries. As a conclusion, it can be said that holidays and festivals are becoming a platform for the existence and continued development of the modern ethnic culture of these peoples. Such events can be considered as an important way of presenting, preserving and further developing ethnic culture. Women's costume and its adornments (especially hair adornments) are actively involved in festive and ritual practices and, from symbols of the women's social and age status in traditional culture, become recognized symbols of ethnicity; additionally, new interpretations of the costume symbolism and semantics that are relevant to modern living conditions appear.

Key words: indigenous small peoples of Siberia, ethnic holidays, ethnic beauty contests, women's costume.

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Маргарита Васильевна Красавина – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: marg.moskvina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8940-5244>.

Margarita V. Krasavina – Junior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Процессы урбанизации и ассимиляции актуализировали интерес к собственной этнической культуре и стимулировали национально-культурное возрождение в среде тюркоязычных коренных малочисленных народов юга Сибири – кумандинцев, тубаларов, челканцев, теленгитов, телеутов и шорцев. С 2000-х гг. эти народы официально закрепили за собой особый статус, что оказало значительное влияние на этнокультурные процессы, происходящие в их среде. Фиксация остатков традиционной этнической культуры и конструирование утраченных элементов, стремление этнических сообществ к презентации уникальных феноменов этнической культуры стимулировали рост праздничных и фестивальных мероприятий [Николаев, 2020].

Территория современного проживания кумандинцев, тубаларов и челканцев охватывает Красногорский и Солтонский районы Алтайского края, Тұрачакский и Чойский районы Республики Алтай. В Улаганском и Кош-Агачском районах Республики Алтай живут теленгиты. Телеуты проживают в Беловском, Гурьевском, Новокузнецком районах Кемеровской области и Шебалинском районе Республики Алтай. Шорцы расселены преимущественно в южных районах Кемеровской области (Таштагольский, Междуреченский, Новокузнецкий, Мысковский и др.) и в смежных с ними районах Республики Хакасия, Республики Алтай, Красноярского и Алтайского краев.

К изучению становления и развития локальных праздников коренных малочисленных народов региона обращались в своих исследованиях И.И. Назаров [2015, 2018], Д.А. Аткунова [2018], Е.В. Самушкина, В.В. Николаев [Самушкина, Николаев, 2018; Николаев, 2020], и А.П. Чемчиева [2016], П.В. Глушкова и Т.И. Кимеева [Глушкова, Кимеева, 2019]. Этнический костюм и аксессуары к нему органично включены в сценарии подобных праздников в качестве вещественных символов этнической и региональной идентичности. Широкое использование этнического костюма дает возможности для интерпретации его символической значимости в целом и отдельных его элементов.

Настоящая статья ставит своей задачей подробно рассмотреть роль и значение женского костюма и его дополнений в праздничных практиках указанных народов на рубеже XX–XXI вв. Источниковую базу исследования составили интернет-публицистика и материалы региональной прессы, нормативно-правовая документация – положения о проведении праздников и конкурсов, проанализированные методом контент-анализа, а также полевые материалы автора.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОСТЮМ НА ПРАЗДНИКАХ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Начиная с 1980-х гг. обращение к традициям и культурному наследию для коренных малочисленных народов предгорий Алтая (северных алтайцев – кумандинцев, тубаларов и челканцев, а также теленгитов) стало неотделимой частью становления и развития их самоопределения.

Ведущую роль в трансляции культурного наследия северных алтайцев играют общественные объединения. Лидером общественного движения в районах традиционного проживания этих народов является Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай «Звенящий кедр», проводящая в районах традиционного проживания северных алтайцев и теленгитов разного рода мероприятия по сохранению и возрождению этнических культур [Самушкина, Николаев, 2018].

Началом праздничного календаря можно считать «Дьылгаяк» – праздник Нового года в день весеннего равноденствия (21 марта). Возрожденный в постсоветский период как узкое торжество отдельной челканской семьи праздник в последние годы принял масштабы публичного многонационального мероприятия с участием представителей разных народов, отмечаемого в селах Республики Алтай. В 2000-е гг. (после некоторого перерыва) празднование Дьылгаяка в с. Красносельск (Чойский район), в с. Кебезень (Турочакский район) и в с. Улаган (Улаганский район) приобрело статус районного праздника и получило поддержку администраций районов. Дьылгаяк приобрел популярность у жителей Республики Алтай и начал составлять некоторую конкуренцию другому весеннему празднику – «Чага Байрам» (буддийский Новый год).

К началу сбора кедрового ореха в конце лета приурочен «Тюрюк Байрам» («Праздник Кедра») – праздник культурного и духовного возрождения, сохранения и развития народного творчества коренных малочисленных народов Республики Алтай. Среди его задач следует отметить: вовлечение молодого поколения в сферу традиционного художественного творчества, совершенствование мастерства фольклорных исполнителей, развитие традиционных спортивных состязаний, в том числе лазания на кедр, популяризация традиционной кулинарии, изделий ремесел и промыслов, развитие эстетичности и повышение этнографической достоверности этнических костюмов. В праздничные мероприятия проводятся круглые столы по проблемам сообщества коренных малочисленных народов, творческие мастер-классы по пению и народному искусству. Постоянными участниками праздника являются делегации шорского и телеутского народов.

С 2013 г. отмечается Международный день коренных народов мира как праздник объединения малочисленных народов, однако многими участниками из-за сходства сценариев он воспринимается как праздник, дублирующий Тюрюк Байрам [Чемчиева, 2016].

Значительным событием для коренных малочисленных народов Республики Алтай является общереспубликанский праздник «Эл Ойын». Участники и гости мероприятия отмечают, что они стараются на эти праздники нарядиться в этническую одежду.

Наиболее активно празднично-фестивальные мероприятия развиваются в среде кумандинцев. Их рост наблюдается с середины 2000-х гг. Важно отметить, что большинство явлений традиционной культуры этого народа были утрачены ко второй половине XX в., поэтому можно утверждать, что современная этническая культура кумандинского народа является результатом целенаправленного ее конструирования [Назаров, 2015]. Одними из активных участников этих процессов стали многочисленные кумандинские организации Алтайского края. Задачами своей деятельности они считают духовное, культурное и социальное возрождение народа через сохранение традиционных видов деятельности и развития этнотуризма.

Алтайская региональная общественная организация «Объединение кумандинцев Алтая» (АРООКА, г. Бийск) при поддержке региональных органов власти ежегодно проводит общекумандинские мероприятия в г. Бийске, в селах Солтон и Красногорское, в Центре традиционной культуры кумандинцев, среди них – фестивали, праздники и обряды «Шолак-колак» и «Кочо Кан», мероприятия, посвященные Международному дню родного языка и Дню коренных народов мира, а также различные спортивные соревнования [Николаев, 2020].

Общекумандинские фестивали проходят по устойчивому сценарию и включают: открытие праздника, обряд поклонения духам, обряд гостеприимства – чащение гостей, награждение граждан за особые заслуги, праздничный концерт фольклорных коллективов, выставку ремесленных изделий, конкурс «Кумандинская красавица», спортивные состязания, а также дегустацию блюд традиционной кухни.

Большое влияние на облик рассматриваемых праздников оказывают женщины – участницы фольклорных коллективов. Их сценический костюм постепенно переходит в разряд праздничного этнического кумандинского костюма, становясь одним из источников и образцов костюмной реконструкции, наряду с собственными устойчивыми представлениям кумандинцев о бытовавших ранее нарядах, немногочисленными и фрагментарными образцами из музейных собраний, публикациями и интернет-ресурса-

ми с описаниями алтайских костюмов. Так создается самобытный и узнаваемый, в первую очередь женский, современный кумандинский костюм: длинные прямого покроя платья с вышитыми бисером или орнаментом воротником и каймой по низу изделия, дополненные длинным кафтаном с ярким поясом. На ногах обязательные вязаные орнаментированные носки и легкая кожаная обувь. Головным убором женщин является платок, в косы вплетается нить бисера или жемчуга [Назаров, 2018].

Закономерным итогом деятельности по воссозданию этнического костюма можно считать включение в программу кумандинских праздников с 2018 г. конкурса «Чараш куманды кыс» («Кумандинская краса»), охватывающего три возрастные категории: 7–14 лет, 15–25 лет, 30 и старше. Для победы участницам необходимо продемонстрировать знание родного языка, обычаев и традиций, творческие способности, среди которых – демонстрация пения, игры на комусе, умения носить и презентовать этнический костюм.

Таким образом, этнический костюм в сознании сообщества коренных малочисленных народов Республики Алтай и Алтайского края остается важным символом этничности, одновременно переживая процессы восстановления, конструирования и становления нового костюмного комплекса современного вида.

КОНКУРСЫ ЭТНИЧЕСКИХ КОСТЮМОВ И ЖЕНСКИХ ПРИЧЕСОК У ТЕЛЕУТОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В среде телеутов процессы актуализации этничности средствами праздничных мероприятий также начались в 1990–2000-е гг. В символическом пространстве региона сложился календарь праздников, органично объединивший традиции престольных православных праздников, отмечаемых в сельской местности, и разработки клубных и музейных работников. Главным посылом мероприятий стали мотивы встречи и общения коренных малочисленных народов, стремление приобщить к «родной культуре» подрастающее поколение.

Начиная с 22 мая в с. Заречном, г. Белово проходит Николин день. Далее на новую Луну 7 июня в микрорайоне Телеут г. Белово празднуется «Пардакай», посвященный окончанию посевных работ. Почти одновременно (8 июня) в микрорайоне Телеут в Новокузнецке празднуется Девятая Пятница (от Пасхи). В д. Шанда 21 июля отмечают Прокофьев день («Пайрам»). Завершает календарь Ильин день (2 августа) в с. Беково. С 2014 г. в череде праздников телеутского народа оформился Областной телеутский праздник Единства – «Теле Каан». Местом его проведения стала д. Шанда Гурьевского района, он обычно приурочен к Всемирному дню коренных малочисленных народов мира (конец июля – начало августа).

Важной частью телеутских праздников стал конкурс национальной одежды, прически в этническом стиле – «Тяраш кыс» («Всем милая девушка»), нацеленный на сохранение и развитие самобытных национальных традиций шитья телеутской женской одежды и искусства национальной прически. В качестве конкурсных критериев выбраны: соответствие стилистики костюма национальным традициям, оригинальность представления истории костюма, сочетание прически и костюма между собой¹.

Смыслы и значения традиционных женских накосных украшений «чач-пууш» в конкурсных презентациях имеют широкое толкование. Это – как традиционные представления о магии волос, а также о защитной, благопожелательной и продуцирующей функциях раковин каури в составе украшений, так и переосмысленные в фантазийных прическах образы родной земли, реки Бачат, Луны, этапов развития общественного устройства (матриархат, патриархат и победившее равноправие). Проговаривая и комментируя основной состав украшений, конкурсантки отмечают, что следование традиционным образцам должно корректироваться современными веяниями с тем, чтобы подобные элементы традиционной культуры могли продолжать существовать не только в праздничном, но и повседневном костюме; кроме того, подчеркивается необходимость и возможность их стилизации без изменения символической наполненности [Москвина, 2014].

Часто конкурс костюма, причесок и украшений к ним может не иметь выделенного статуса в программе и существовать как дополнительный критерий оценки в конкурсе одежды или фольклорного (песенного, танцевального или театрализованного) выступления. Так, обязательным этапом Областного телеутского конкурса красоты «Байат Кызы» («Девушка с богатым именем») стало дефиле в этнических нарядах. Праздник красоты призван раскрыть духовные стороны личности телеутских девушек, их мировоззрение через знание родного языка, истории своего края, демонстрацию творческих умений².

В 2022 г. в рамках Года культурного наследия народов России был проведен общетелеутский праздник «Теле-Каан» под девизом «Наследие мастеров».

Одним из главных событий праздника стал конкурс коллекций стилизованного национального костюма «Алтын тана» («Золотая пуговица»). Он включал представление женских, мужских и детских костюмов с головными уборами и украшениями женской прически в соответствии с такими критериями, как соблюдение традиций в крое, цветовой гамме, декоре костюма; органичное сочетание современных тенденций и традиции; использование ручной работы; оригинальность плетения косы с применением традиционных накосных украшений; целостность образа – костюмы и прически, а также высокое мастерство и качество исполнения работ.

Следующим по важности стал конкурс народных промыслов «Қалықтың жозоктор» («Наши традиции»), в ходе которого исконно телеутские промыслы и ремесла соседствовали с современными техниками прикладного искусства. В рамках конкурса проводились мастер-классы по ткачеству традиционного пояса «кур», изготовлению телеутских пуговиц «топчы», а также изготовлению изделий из ковыля «кудайдын сагалы». Традиционный костюм и женские украшения «пууш» дополнительно рассматривались в контексте женских рукоделий и изготовления изделий из конского волоса. При выполнении работ из современных материалов мастерам было рекомендовано придерживаться телеутской тематики, использовать традиционный орнамент, соблюдать телеутские традиции и особенности.

Праздничную программу дополнили представление национального семейного стана «Очоктың жанында» («У очага»), кулинарные конкурсы-соревнования «Пельменек» и «Таамду курзак», фольклорные выступления и традиционные спортивные соревнования, детская и молодежная площадки³.

Можно подытожить, что этнический костюм с неотъемлемыми женскими прическами-косами и украшениями в них однозначно воспринимается как важная часть культурно-исторического наследия телеутов и вместе с родным языком, кулинарией, этническими видами спорта сохраняется в картине мира современных телеутов как важный этнический символ. Этнические праздники признаются телеутским сообществом как способ сохранения и развития традиционной культуры, формирования этнического самосознания и трансляции культуры подрастающему поколению.

¹ Положение «О проведении областного телеутского национального праздника Единства «Теле-Каан – 2014», посвященного завершению Второго Международного десятилетия коренных народов мира [Электронный ресурс] / Министерство культуры и национальной политики Кузбасса (13.05.2014). URL: https://mincult-kuzbass.ru/docs/depkult_402.doc (дата обращения: 21.02.2023).

² Областной телеутский конкурс красоты «Байат Кызы – 2016» («Девушка с богатым именем») [Электронный ресурс] // АИФ в Кузбассе. (14.10.2016) URL: https://kuzbass.aif.ru/culture/nacionalnaya_sila_shorki_i_teleutki_podelilis_sekretami_krasoty (дата обращения: 21.02.2023).

³ Положение «О проведении областного телеутского национального праздника Единства «Теле-Каан-2022 – “Наследие мастеров”», посвященного году культурного наследия народов России [Электронный ресурс] / Министерство культуры и национальной политики Кузбасса (30.06.2022). URL: <https://mincult-kuzbass.ru/upload/iblock/2cc/2ccbf31b65e74bfab6e8fb7cc0d08cb0.pdf> (дата обращения: 21.02.2023).

КОНКУРСЫ КРАСОТЫ И ЖЕНСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ КОСТЮМ ШОРЦЕВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Развитие современной шорской культуры происходит в условиях ее практически полной урбанизированности.

Восстановление шорских праздников началось на рубеже 1980–1990-х гг. по инициативе ученых и представителей общественности, идеи которых были поддержаны администрацией области. Современными этническими шорскими праздниками стали «Ольгудек-Пайрам», «Томазак-Пайрам», «Чыл-пакжи» (Новый год), «Мылтык-Пайрам», «Албаа-Пайрам», «Шор-Пайрам» и др. Традиционно целями каждого из праздников являются возрождение традиций, обычаев шорского народа, сохранение национальных видов спорта, пропаганда здорового образа жизни и духовно-нравственное воспитание молодежи.

В сценарий каждого праздника Пайрама включены конкурсам женского национального костюма «Шор Кебе» и красивой косы «Кен шаш». Критериями оценки становятся: соблюдение традиций в покрое, использование традиционных цветов и декоре, органичность сочетания современных тенденций и традиционного национального костюма, оригинальность плетения косы с использованием традиционных украшений прически, целостность образа костюма и прически⁴.

Важной частью праздничной этнокультурной программы у городских в своей массе жителей-шорцев стали конкурсы красоты, организуемые в учреждениях культуры.

С 1990-х гг. в Таштагольском районе проводится конкурс красоты среди шорских девушек «Кен кыс» («Хорошая девушка»). Он является крупным культурным событием в жизни Таштагола. Кроме конкурсанток в нем принимают участие фольклорные ансамбли. В выступлениях подчеркивается, что «Горная Шория богата не только красивыми девушками, но и самобытными песнями и танцами»⁵. Организаторы отмечают, что «Первая красавица должна быть истинной дочерью своего народа! А это невозможно без родного языка, знания национального эпоса, традиций и обычаев»⁶.

Такие конкурсы проводятся в несколько этапов: «Чаш поим» («Я молодая») – предусматривается оригинальное оформление одежды и прически с нацио-

нальными элементами, артистичность, представление участницы, «Кен шаш» («Красивая коса»); «Той когнек» («Свадебное платье»); фольклорный этап по выявлению мастерства и оригинальности исполнения песен на шорском языке, национального танца, инсценировки легенд и фрагментов обрядов; «Шор чиже» («Национальные блюда»), «Ус серкиш» («Хореографический»)⁷.

Конкурс «Кен кыс–2022» в рамках Года культурного наследия народов России проводился по схожему сценарию: конкурсантки в традиционных костюмах должны были подготовить рассказ об истории, обычаях, традициях и роли шорского народа в жизни Кузбасса, а в музыкально-литературном конкурсе показать знание шорских легенд. На этапе с названием «Шор чозактары» («Шорские традиции») необходимо было продемонстрировать знание традиций национального гостеприимства, а также провести своеобразный мастер-класс по изготовлению традиционного шорского подарка для гостей. Завершило программу конкурса дефиле участниц в современных собственноручно выполненных платьях с элементами национальных узоров, украшений, мехов, вышивки и аксессуаров «Чаш кыстардың кеби» («Молодежное платье»)⁸.

Ежегодно с 2002 г. проводится областной конкурс «Краса Шории», ставший своего рода национальным шорским конкурсом красоты. Организованный в первый раз в Мысках как альтернатива конкурсу «Краса Кузбасса», он до сих пор собирает участниц. Изначально конкурс был рассчитан на шорских девушек в возрасте от 15 до 23 лет. Организаторы конкурса так описывают его значение для шорцев: «Мы верим в свою молодежь. Она должна осознать важность сохранения шорской культуры, возрождения духовности, которые формировались столетия, и активно этому содействовать. Без участия молодых возрождение культуры просто невозможно, ведь за каждой исполненной песней, танцем, стихотворением стоит не только труд, но и частица молодой души, которая, как маленький росток цветка, тянется к свету – к родной культуре, родному языку»⁹. От конкурса «Кен-Кыс» этот конкурс отличается тем, что проводится по канону современных конкурсов красоты. Критериями оценки участниц в нем заявлены привлекательная внеш-

⁴ В Кузбассе пройдет шорский праздник «Томазак-Пайрам–2014» [Электронный ресурс] // НИА «Федерация». Кузбасс. (26.06.2014). URL: <https://www.kuzbas.ru/more.php?UID=33670> (дата обращения: 21.02.2023).

⁵ Как много девушек красивых! Кен-кыс-95. Фоторепортаж // Красная Шория. 1995. 22 апр. С. 4.

⁶ Красота и грация, традиции и народность // Сельские вести. 2010. 28 мая. С. 1–2.

⁷ В Кузбассе выбрали первую красавицу Шории [Электронный ресурс] // Газета Кемерова. (6.05.2010) URL: <http://gazeta.a42.ru/novokuznetsk/lenta/show/v-kuzbasse-vyibrali-pervuyu-krasavitsu-shorii.html> (дата обращения: 21.02.2023).

⁸ В Таштаголе выберут красу Шории [Электронный ресурс] // Министерство культуры и национальной политики Кузбасса. (27.05.2022) URL: <https://mincult-kuzbass.ru/novosti-god-kulturnogo-naslediya/10240/> (дата обращения: 21.02.2023).

⁹ Ты – самая красивая! // Кузбасс. 2007. № 91. 25 мая. С. 3.

ность, умение двигаться на сцене, носить вечернее платье и купальник, вести непринужденный разговор, обладать хорошим вкусом и манерами¹⁰.

В рамках презентации национального костюма участницы по-разному интерпретировали его значение: *«В основу костюма положен стиль одежды моих прабабушки и бабушки. Мне очень хотелось выразить свою приверженность традиции и преемственности поколений. Плюшевый жилет украшен национальным шорским орнаментом, на спине позолота самого распространенного шорского элемента украшения нарядов – ромба, символизирующего землю. По подолу имеется зигзагообразный орнамент – символ гор»*¹¹. Представляя «платье молодой хозяйки», одна из участниц конкурса особенно подчеркнула наличие двух бисерных «приплеток» на косы, объединенных на концах, как традиционно полагалось замужней женщине, и нашейного украшения-оберега. Было отмечено также значение пояса в костюме: *«На нем ключи и кольца. По ключам определяли достаток семьи, а по кольцам – уважаема ли ты в деревне, часто ль тебя приглашали на свадьбу. У меня их четыре, значит, я гуляла на четырех свадьбах!»*¹².

Целями конкурса «Краса Шории» в 2019 г., посвященного Международному году языков коренных народов, были заявлены развитие творческого потенциала личности; выявление талантливых представительниц из числа шорской молодежи; развитие и воспитание в девушках эстетического вкуса, приобщение молодежи к изучению и сохранению национальной культуры, а обязательным условием для участия стало владение конкурсантками шорским языком, умение представить национальный костюм, знание основ тюркского танца и пр. Первый этап конкурса «Чайзан кыс пойым!» («Я – красивая!») был посвящен первому выходу в традиционном шорском костюме и презентации участниц с обязательным представлением их жизненного девиза на шорском языке. На этапе «Коргусчин Чоогаштар» («Художественное слово») девушки представляли театрализации отрывков из шорского героического эпоса, народных сказок, произведений шорских литераторов и т.п. на шорском языке. В творческом этапе «Тандыр» участницы исполняли хореографические этюды на основе традиционных тюркских танцевальных элементов. На следующем этапе конкурса «Чазан кеп» («Свадебное платье») необходимо было представить современное свадебное платье с элементами традиционного женского шорского костюма, главное вни-

мание сосредоточить на использовании в декоре традиционных шорских украшений (ушных, нагрудных и накосных), а также на вышивке и орнаменте. Финальным этапом стало дефиле в вечерних нарядах «Меенторгу көгнегим» («Мое шелковое платье»)¹³.

С 2001 г. в структуре местной образовательной программы «Мой край» проводится Открытый городской конкурс «Кен кысчагаш» («Хорошая девочка») в г. Междуреченске. Он разработан для актуализации ценности народного костюма среди детей. Организаторы конкурса преследуют цели поддержки и развития детского творчества и сохранения культурного наследия шорского народа, пропаганды традиционной культуры и преемственности поколений, а также формирования активной гражданской позиции и национального самосознания. Конкурс ориентирован на участие шорских девочек 13–16 лет. Требовалось подготовить национальный наряд, представить отрывок из национального эпоса, исполнить народную песню¹⁴. Критерии оценки участницы включали: приветственное слово на шорском языке, личные качества участницы и гармоничное сочетание национальных элементов в оформлении платья. Национальная прическа оценивалась с учетом использования национальных украшений, национального колорита, оригинальности¹⁵.

Можно отметить, что у шорцев активизируется процесс реконструкции культуры при стилизации ее основных черт, происходит адаптация этнической культуры к городским условиям жизни сообщества. Наблюдается сближение этнических праздников с конкурсами красоты и выработка единого сценария независимо от возраста участниц, а также совершенствуются формы проведения мероприятия с акцентом в сторону усиления этнической составляющей – знания родного языка, умения носить и/или изготавливать этнический костюм, владеть традиционной хореографией и пр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в среде коренных малочисленных народов Республики Алтай, Алтайского края и Кемеровской области на рубеже XX–XXI вв. наблюдаются сходные этнокультурные процессы, связан-

¹⁰ Краса Шории-мысковчанка // Вариант. Мысковская городская газета. 2002. № 37–38. 6 апр. С. 1.

¹¹ Ты на свете всех милее! // Кузбасс. 2010. № 95. 29 мая. С. 9.

¹² Там же.

¹³ В Таштаголе прошел конкурс красоты и таланта «Краса Шории-2019» [Электронный ресурс] / Администрация Правительства Кузбасса (21.05.2019). URL: <https://ako.ru/news/detail/v-tashtagole-proshel-konkurs-krasoty-i-talanta-krasa-shorii-2019> (дата обращения: 21.02.2023).

¹⁴ Воспитывая в традиции предков // Кузбасс – регион согласия. 2013. № 5. С. 11.

¹⁵ Положение о городском конкурсе «Кен кысчагаш–2014» [Электронный ресурс] // Центр детского творчества г. Междуреченска. – URL: <http://cdt.rikt.ru/index.php/plan/план-на-месяц-2/file/286-ken> (дата обращения: 21.02.2023).

ные с сохранением частично оставшихся элементов традиционной культуры при активном восстановлении и конструировании недостающих элементов силами как активистов общественных организаций, так и рядовыми представителями этнических сообществ кумандинцев, тубаларов, челканцев, теленгитов, телеутов и шорцев. Важной площадкой, на которой происходит непосредственное создание современной этнокультуры этих народов, становятся праздники и фестивали. В праздничной среде этнокультура представлена в наиболее концентрированном виде, такие мероприятия можно рассматривать как один из способов презентации, сохранения и дальнейшего развития этнической культуры.

Женский традиционный костюм и украшения к нему (особенно украшения прически), активно задействуются в празднично-обрядовых практиках и из символов социально-возрастного статуса женщин в традиционной культуре становятся признанными символами этничности, дополнительно появляются новые интерпретации символики и семантики костюма, актуальные для современных условий жизни.

Новаторским явлением стали организация и проведение конкурсов красоты в городских сообществах. Срежиссированные по современным канонам этого жанра, они все же корректируются в соответствии с традиционными представлениями тюркских этносов о красоте тюркских девочек, девушек и женщин.

С 2020 г. полномасштабному проведению массовых праздничных мероприятий и конкурсов препятствовала ситуация, связанная с карантинными мерами пандемии Covid-19, поэтому деятельность по сохранению и популяризации культуры коренных малочисленных народов юга Сибири вынужденно развивалась в новых формах, связанных, в первую очередь с интернет-проектами, онлайн-голосованием на основе видео- и фотоматериалов в социальных сетях и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аткунова Д.А. Материалы по традиционным праздникам коренных малочисленных народов Северного Алтая // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 179–190. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-179-190.
- Глушкова П.В., Кимеева Т.И. Роль подлинных объектов нематериального культурного наследия и неотрадий в формировании этнокультурной идентичности // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 67–70.
- Москвина М.В. Конкурсы причесок и накосных украшений на праздниках телеутов Кемеровской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных терри-

торий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. 20. С. 387–389.

Назаров И.И. Современный праздник и традиционная культура кумандинцев Алтайского края (по материалам этнографических исследований 2013 и 2014 гг.) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2015. Вып. 10. С. 148–153.

Назаров И.И. Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2018. № 2. С. 39–49. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-39-49>.

Николаев В.В. Национально-культурное возрождение кумандинцев на рубеже XX–XXI веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2020. Т. 26. С. 789–794. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.789-794.

Самушкина Е.В., Николаев В.В. Концепт «культурное наследие» в общественном дискурсе северных алтайцев начала XXI в. // Северо-Восточный гуманитарный вестн. 2018. № 1(22). С. 72–78. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.009.

Чемчиева А.П. Социальные практики возрождения традиционных праздников (на примере коренных малочисленных народов Республики Алтай) // Манускрипт. 2016. №12–3 (74).

REFERENCES

- Atkunova D.A. (2018). Materials on the traditional holidays of the indigenous peoples of the Northern Altai. *Antropologicheskii forum*. No 39, pp. 179–190. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-179-190 (In Russ.)
- Chemchieva A.P. (2016). Social practices of the revival of traditional holidays (by the example of the indigenous peoples of the Altai Republic). *Manuscript*. No 12–3 (74).
- Glushkova P.V., Kimeeva T.I. (2019). The role of genuine objects of intangible cultural heritage and neotraditions in the formation of ethnocultural identity. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii*. No 1(3). (In Russ.)
- Moskvina M.V. (2014). Competitions of hairstyles and braid decorations at the holidays of the Teleuts of the Kemerovo region. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. Vol. 20, pp. 387–389. (In Russ.)
- Nazarov I.I. (2015). Modern holiday and traditional culture of the Kumandins of the Altai Territory (based on ethnographic research in 2013 and 2014). *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae. 2014 g.: arkheologiya, etnografiya, usnaya istoriya*. Barnaul, iss. 10, pp. 148–153. (In Russ.)
- Nazarov I.I. (2018). The main trends in the modern ethno-cultural development of the Kumandins of the Altai Territory. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 2, pp. 39–49. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-39-49>. (In Russ.)
- Nikolaev V.V. (2020). National-cultural revival of the Kumandins at the turn of the XX–XXI centuries. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. Vol. 26, pp. 789–794. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.789-794. (In Russ.)
- Samushkina E.V., Nikolaev V.V. (2018). The concept of “cultural heritage” in the public discourse of the Northern Altaians at the beginning of the 21st century. *Severo-Vostochnyye humanitarnyy vestnik*. No. 1(22), pp. 72–78. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.009. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.03.2023

Дата рецензирования 15.03.2023

Статья принята к публикации 27.03.2023

DOI: 10.15372/HSS20230210

УДК: 39:316.4(571.14)"20"

О.А. ПЕРСИДСКАЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ НОВОСИБИРСКА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГОРОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Институт философии и права СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена этнической идентичности как социально-философскому феномену. Показано, что в современных условиях содержание этнической идентичности эвристично рассматривать с позиции влияния на него широкого ряда социокультурных факторов. На примере г. Новосибирска прослежено, какое воздействие на коллективное и субъективное измерения этнической идентичности оказывают пространство и морфология полиэтнического города, миграционные процессы, состояние и перспективы межэтнических отношений, механизмы реализации национальной политики на федеральном и муниципальном уровнях. На основе анализа ряда социологических исследований сделан вывод, что этническая идентичность горожан имеет тенденцию к ослаблению выраженности ее значимости. При этом отмечено, что содержание понятия этнической идентичности на субъективном уровне зачастую редуцируется к констатации факта этнической принадлежности с потерей наполнения, связанного с событийным этническим опытом и его переживанием.

Ключевые слова: этничность, этническая идентичность, город, полиэтническое пространство, межэтнические отношения, национальная политика, социальная интеграция, социальная дезинтеграция.

Для цитирования: Персидская О.А. Этническая идентичность жителей Новосибирска в контексте интеграционных и дезинтеграционных процессов в городском сообществе // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 81–87. DOI: 10.15372/HSS20230210.

O.A. PERSIDSKAYA

ETHNIC IDENTITY OF NOVOSIBIRSK RESIDENTS IN THE CONTEXT OF INTEGRATION AND DISINTEGRATION PROCESSES IN THE URBAN COMMUNITY

Institute of Philosophy and Law SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The work is devoted to the issue of ethnic identity and the factors of its reproduction in the urban multiethnic community. The author shows that in order to understand the content of ethnic identity in modern conditions, it is important to turn to personal ethnic experience, considered through the prism of a wide range of socio-cultural factors. The article refers to the history of the formation of the urban multiethnic community of Novosibirsk and shows the significant role of migration processes as a factor of transformation of the socio-cultural space of the city. Based on the results of sociological research, the author concludes that, although interethnic relations are mostly perceived by citizens as calm and benevolent, there are some points on the city map that cause some background interethnic tension in the collective consciousness. The study has revealed the culturally oriented trend underlying the mechanisms of managing processes related to ethnicity. It is shown that, coupled with the tendency of reducing the influence of the family and close circle on the reproduction of ethnicity in the urban community, there may be a superficial understanding of ethnic cultures. Based on the analysis of a number of sociological studies, the author concludes that the ethnic identity of citizens is of high importance for representatives of the urban community, but at the same time it shows a tendency to reduce its expression and significance. It is stressed that the content of ethnic identity at the subjective level can be reduced to a statement of the fact of ethnicity. This means that it loses the content associated with the eventful ethnic experience. It is concluded that such situation with ethnic identity may complicate the implementation of the provisions of the Strategy of the State National Policy related to the need to support ethnic and cultural diversity and preserve the uniqueness of the peoples of the country.

Key words: ethnicity, ethnic identity, city, multiethnic space, interethnic relations, national policy, social integration, social disintegration.

Ольга Алексеевна Персидская – младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>.

Olga A. Persidskaya – Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Рассмотрение феномена этнической идентичности в социогуманитаристике с учетом междисциплинарных подходов сводится к тому, что она понимается как некоторый результат (промежуточный или окончательный) эмоционально-когнитивного процесса осознания человеком своей принадлежности к этнической общности. Еще недавно отправной точкой рассуждений об этнической идентичности было убеждение в том, что главными факторами, детерминирующими ее воспроизводство, являются обучение родному языку, социализация в этнической среде, передача этнически маркированных ценностей и традиций от старшего поколения к младшему. Основными каналами воспроизводства этничности (с некоторой долей условности мы будем употреблять понятия этничности и этнической идентичности как близкие, синонимичные) считались семья и близкое окружение. Предполагалось, что этничность по умолчанию фундирована этим бэкграундом, что она содержит в себе предпосылки и следствия своего становления, развития и функционирования.

Но в современный период такой подход не может считаться достаточным. Ключевые факторы, позволяющие воспроизводить этничность, оказываются все более размытыми, не актуальными: происходит смешение антропологических типов; отмечается уменьшение значимости многих этноформирующих символов, таких, например, как «родная земля» и «родной язык»; смысл при этом когда-то объединяющих этнофоров традиций, обычаев, ритуалов и других практик выхолащивается. Сказанное позволяет проводить различие между «старой» и «новой» этничностью [Анжиганова, Топоева, 2019]. По-видимому, современная ситуация актуализирует вопрос об институтах воспроизводства этничности в современном мире.

Пытаясь осмыслить содержание трансформаций, происходящих с этничностью, прежде всего, следует признать, что наряду с этничностью в качестве маркеров отличительности начинает выступать все больше и больше социальных категорий. Исследователи говорят о суперразнообразии идентичностей [Vertovec, 2007], которые формируются не только с опорой на этническую идентичность, как это было ранее, но с учетом таких категорий, как «иммиграционный статус, сопутствующая ему оплата труда, ограничения прав, различный опыт на рынке труда, гендерные и возрастные профили, паттерны пространственного распределения и смешанные локальные сети» [Куропятник, Куропятник, 2017, с. 153]. Это продуцирует ситуацию, когда этнические иерархии отчасти теряют свою значимость и прежние институты воспроизводства этничности перестают работать. Вместе с тем этническая идентичность как признак дифференциации («Я», в отличие от

«других») и солидаризации («Я» и общность «своих») продолжает свое существование в матрице идентичностей современного человека (подробнее см.: [Бронзино, Адама Абдул, 2015; Дробижева, 2010; Куропятник, 2020; Щеголькова, 2010; Солодова, Краснопольская, 2020]). Это актуализирует переосмысление этнической идентичности как социально-философского феномена с учетом трансформаций изменившейся и усложнившейся социальной среды.

А.В. Головнев фиксирует, что «человек тестирует свою культуру как инструмент мотива-действия и собирает эти тесты в персональный “этнический опыт”». Каждое мгновение этничность претерпевает подвижки – на уроке истории, в религиозной церемонии, в межнациональном браке, в выборе карьеры, в переписи населения, в восприятии телевизионных новостей. Поток событий обновляет этничность, которая не существует вне движения в его различных измерениях – череде поколений, отношениях полов, принятии решений, контактах и конфликтах. Ее проявления многообразны в меняющихся ситуациях и репертуарах разных людей» [2009, с. 53].

В этой цитате верно, на наш взгляд, зафиксировано несколько принципиально важных для современного рассмотрения феномена этнической идентичности положений, которые мы также разделяем. Во-первых, этничность следует рассматривать не как ставший, но как становящийся феномен, содержание которого дополняется и переопределяется на протяжении всей жизни человека. Во-вторых, изменяются основания, фундирующие содержание этнической идентичности: на нее влияют взаимодействия не только в близком социальном кругу, но и то, что происходит в мире, стране, регионе, локальном сообществе. В-третьих, зафиксируем, что принципиально важен взгляд на этничность через призму персонального опыта человека – в этом смысле «точка сборки» этничности смещается в субъективный ракурс. Поэтому этничность невозможно приписать извне, с объективной позиции, но следует выявлять ее в личностном содержании идентичности.

Это означает, что простой ответ на типичный вопрос анкеты «Кем Вы считаете себя с точки зрения этнической (национальной) принадлежности?» редуцирует содержание этничности. Для понимания смысла этнической идентичности необходимо, на наш взгляд, попытаться реконструировать этнический опыт через призму повседневности современного человека, сотканную сложным переплетением разнообразных факторов. В данной статье мы сосредоточимся на тех из них, которые, по нашему мнению, имеют значительное влияние на содержание коллективного и индивидуального этнического опыта, и проиллюстрируем содержание этого опыта на примере городского сообщества Новосибирска.

ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО ГОРОДА И ЭТНИЧНОСТЬ

Город в социально-философской рефлексии представляет собой сложносоставной объект, условные границы которого определяются географическим положением, а социокультурное содержание – взаимодействиями социальных агентов, наполняющих городское пространство. При этом и отдельные идентичности горожан, и идентичность города как социокультурного объекта являются сложносоставными и подвижными феноменами. Этническая идентичность во множестве ее измерений и состояний также входит в идентичность горожан в качестве ее составной части. В сумме мы имеем сложный и подвижный этнический портрет города [Персидская, Фомкин, 2021]. Этот портрет будет, на наш взгляд, неполным без рассмотрения истории формирования города как полиэтнического сообщества.

Новосибирск является одним из крупнейших городов России. Численность его населения оценивается более чем в 1 млн 600 тыс. чел. Город уже на первых этапах своего бурного роста формировался как населенный пункт с разнотническим составом населения при преобладании тех, кто идентифицировал себя русскими. В тот период существенное воздействие на формирование этнического портрета Новосибирска оказывали коллективизация, индустриализация и процессы, связанные с депортацией населения. Уже в 1930-е гг., когда разраставшиеся границы города в ходе промышленного освоения поглощали переселенческие и старожильческие села с их неоднородным этническим составом и богатой локальной этнокультурной историей, в нем начали складываться места компактного этнического расселения немцев, мордвы и чувашей [Антропов, 2008, с. 84]. Тогда же начался прирост населения из Средней Азии.

В период Великой Отечественной войны в Новосибирске существенно выросла численность высланных немцев, латышей и эстонцев [Люткин, 1996, с. 44–45]. Обширные послевоенные миграционные потоки середины XX в. в значительной степени способствовали обновлению этнического портрета города: границы между этническими группами постепенно размывались, компактно проживавшие этнические группы растворялись [Антропов, 2013, с. 17]. Перестроечные процессы сделали Новосибирск точкой притяжения для вынужденно переселяющегося населения из Прибалтики, Таджикистана и Приднестровья, испытывающего тяготы конфликтов в этих регионах¹.

В последние десятилетия основным фактором, воздействующим на этнические пропорции населения города, являются миграционные процессы. Отмечается снижение численности наиболее многочисленных (помимо русских) традиционных для Новосибирска этнических групп – украинцев, татар, чувашей, немцев, белорусов – при увеличении численности представителей народов Средней Азии и Кавказа [Социокультурный мониторинг..., 2018].

Значимость миграционных процессов как фактора трансформации социокультурного пространства города и одновременно детерминанты этнического опыта горожан сложно переоценить. По оценкам исследователей, «этническая гетерогенность современного города проявляет себя не только в росте числа и разнообразия прибывающих в город этнических мигрантов, но и в неустойчивом балансе, достигаемом в противостоянии процессов ассимиляции и капсулирования индивидов и групп, объединенных по этническому, отчасти профессиональному, региональному, родовому, общинному, религиозному признакам. В свою очередь, самоидентификация человека как представителя этнической группы в условиях города может органично дополняться, но может и замещаться другими его идентификациями как горожанина и гражданина» [Там же, с. 92]. Это означает, что миграция вызывает не только количественные, но и качественные трансформации городского пространства как на уровне структурно-функциональной организации, так и социально-антропологических характеристик.

В ракурсе рассмотрения города как полиэтнического пространства принципиальное значение для нас имеют оценка состояния межэтнических отношений и учет тех проблемных точек в этом поле, которые можно рассматривать как триггеры межэтнической напряженности. Оценки состояния межэтнических отношений в Новосибирске в большинстве своем положительные. По данным последних социологических опросов конца 2022 г., результаты которых представлены на сайте Министерства региональной политики Новосибирской области², оценка межэтнических отношений (в инструментарии исследования – межнациональных; мы считаем, что в данном случае то и другое обозначения синонимичны) у подавляющего числа опрошенных показывает позитивную динамику: в 2018 г. эти отношения 84 %

¹ Краткая справка по истории Новосибирской области (с древнейших времен до нашего времени) // Официальный сайт правительства Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/page_2276/history2016.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

² Состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в Новосибирской области. Отчет по результатам социологического исследования / Министерство региональной политики Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: https://minregion.nso.ru/sites/minregionnew.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/04/soc_issledovaniya_2022.pdf?ysclid=lnq9ofk4w632960688 (дата обращения: 25.02.2023).

опрошенных считали нормальными и доброжелательными, а в 2022 г. – уже 91 %.

Однако остаются и проблемные моменты. Основным триггером межэтнических отношений предсказуемо являются мигранты. Детальный анализ причин, вызывающих негативные чувства по отношению к ним, указывает на то, что мигранты, по мнению ряда опрошенных, увеличивают нагрузку на инфраструктурные объекты города (детские сады, школы, медицинские учреждения) (59 %); не платят налоги и вывозят деньги из региона (41 %); увеличивают уровень преступности и наркомании (29 %). Вместе с тем нельзя не отметить, что противовесом этих оценок является убежденность ряда опрошенных в том, что мигранты улучшают ситуацию на рынке труда (52 %) и обогащают местную культуру (36 %).

На морфологию города и ее восприятие горожанами существенное влияние оказывают также анклавоподобные поселения, сформированные по этническому признаку, и так называемые «этнические рынки». Е.С. Дерига отмечает, что «часто в случае этнической миграции географическая периферия (места расселения – преимущественно окраины городов) совпадает с периферией символической (попытки местного сообщества оградиться от “гостей”))» [2012, с. 135]. И.А. Скалабан заостряет внимание на обострении междиаспоральной и внутридиаспоральной конкуренции, которая возникает в таких местах [Персидская, Попков, Скалабан, 2016]. В своем исследовании этнических рынков Е.А. Ерохина говорит о кластеризации пространства, частичной архаизации прилегающего к торговым рядам микрорайона, изменении видимых характеристик населения, наблюдаемом иноязычии и специфическом внешнем виде жителей. Подводя итог, она подчеркивает, что «в результате микрорайон, где расположен этнический рынок, становится не только пространственной, но и символической периферией, сегментом города, который в восприятии его жителей приобретает сниженный статус» [Ерохина, 2017, с. 178].

Эти данные согласуются с выводами исследований, проведенных в разные годы социологами Института философии и права СО РАН. В ходе одного из последних исследований, выполненного в 2021 г. [Персидская, 2021], опрошенные новосибирцы указали на существование ряда проблем, связанных с межэтническими отношениями: ксенофобию и расизм местных жителей, а также наплыв мигрантов из регионов Кавказа и стран Центральной Азии. При этом проблемы констатировались ими с позиции сторонних наблюдателей, т.е. непосредственно не затрагивали их личное благополучие и безопасность, но вызвали некоторое фоновое беспокойство. Здесь важно подчеркнуть, что в восприятии полиэтнического пространства города опрошенными респондентами пре-

обладает схематическое деление групп по принципу мигранты/местные, а не по принципу различающихся этнических принадлежностей.

ЭТНИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В условиях, когда потенциал семьи и близкого социального окружения в процессе воспроизводства этничности снижается, отчасти эту миссию берет на себя государство: «На современном этапе приобщение к этнической культуре осуществляется через деятельность специализированных общественных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления» [Кшнякин, 2016, с. 422].

Регулированием межэтнических отношений занимаются органы федеральной и муниципальной власти, рассматривающие эту деятельность как область национальной политики. Основы этой политики закреплены в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.³ (принята в 2012 г., редактировалась в 2018 г.). Стратегия постулирует, с одной стороны, необходимость поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, а с другой – подчеркивает, что Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ.

К основным современным документам, регулирующим область национальной политики в Новосибирске, можно отнести Концепцию устойчивого этносоциального развития многонационального общества г. Новосибирска на период до 2025 г.⁴, утвержденную в 2020 г. На основе Концепции разработан и утвержден Комплексный план мероприятий по ее реализации⁵.

Анализ содержания указанных документов позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, муниципальная Концепция в целом наследует цели и приоритеты федеральной Стратегии, хотя и расширяет ее содержание за счет локальных этнокультурных особенностей. Во-вторых, обращает на себя внима-

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949&ysclid=13o3sct2gl> (дата обращения: 15.02.2023).

⁴ Концепция реализации национальной политики в городе Новосибирске // Управление общественных связей мэрии Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/370/Proektkonceptcii.pdf?ysclid=13ty5pwa85> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵ Комплексный план мероприятий по реализации Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального общества города Новосибирска на период до 2025 года // Информационно-правовой портал Гарант.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/400769351/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?> (дата обращения: 01.06.2022).

ние постулирование жителей Новосибирска как сложившегося «многонационального сообщества», сформированного «на основе духовной общности народов Российской Федерации «при доминирующей и скрепляющей роли русской культуры и русского языка». Важно заострить внимание на двойственности целеполагания, характерной для документов и федерального, и муниципального уровней. Речь идет о противопоставлении представлений о России как о классическом национальном государстве, основанном на русской культуре, и о России как многонациональном государстве, где этнические культуры политически равнозначны. Согласимся с Г.Н. Юсуповой и К.А. Озеровой в том, что эта двойственность отражает дихотомичность абстрактных представлений о том, как именно в Российской Федерации должна формироваться национальная (общероссийская) и этническая идентичности [Юсупова, Озерова, 2021]. Это позволяет зафиксировать наличие политического по своей сути противоречия, которое не может не влиять на механизмы управляющего воздействия на область этнической жизни горожан. Так как практики реализации положений Концепции, описанные в Комплексном плане, сфокусированы на удовлетворении именно культурных, а не политических или каких-либо иных потребностей горожан, можно сделать вывод, что в Новосибирске решение этого противоречия нашлось в уходе от политики в плоскость культуры.

СУБЪЕКТИВНЫЙ РАКУРС ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Содержание и структура этнической идентичности у представителей полиэтнического сообщества Новосибирска рассматриваются в ряде исследовательских проектов последних лет (см., напр., [Попков, 2019; Ушаков, 2013; Социокультурный мониторинг..., 2018]). Выводы многих из них можно свести к тому, что этническая идентичность имеет высокую значимость для опрошенных.

Ю.В. Попков, обращаясь к данным социологических исследований 2014 и 2017 гг., делает вывод о высокой значимости для новосибирцев этнической идентичности, но в то же время отмечает, что она несколько снизилась для представителей всех выделенных групп (отдельно просчитаны данные по совокупностям русских респондентов, представителям народов Кавказа и Средней Азии) в 2017 г. по сравнению с 2014 г. Она связывает такое снижение с тем, что «предпринимаемая в последнее время настойчивая пропаганда гражданской (общенациональной) идентичности, которая, по сути, презентуется как альтернатива этнической идентичности, не всегда является эффективной» [Попков, 2019, с. 175], что в целом согласуется с нашим выводом об ограниченной дей-

ственности культурно-ориентированного тренда и неоднозначной полезности мер реализации национальной политики, фундированных двойственным целеполаганием.

Как отмечает Е.В. Антропов, «глубина семейной памяти респондентов, в том числе и об этнической идентификации, не позволяет говорить о строгой поколенной преемственности этнического самоопределения городской молодежи» [2007, с. 418]. Это заключение подтверждает гипотезу о девальвации роли семьи и близкого окружения в воспроизводстве этничности в современных социально-культурных условиях.

Выводы нашего исследования 2021 г., проведенного в Новосибирске в форме неформализованного, направленного, глубокого интервью с новосибирцами в возрасте от 14 до 19 лет, позволяют четче зафиксировать некоторые трансформации, связанные с этничностью, с позиции субъектов – носителей этой идентичности (подробнее о методике и результатах исследования см.: [Персидская, 2021]). Было выявлено, что этническая принадлежность горожан, с которыми опрошенные нами респонденты встречаются и взаимодействуют в повседневной жизни (т.е. сталкиваются на улицах, в магазинах, в учебных заведениях), крайне редко имеет для них значение. Точно так же и этническая идентичность респондентов, с их точки зрения, не является предметом рефлексии для окружающих: «Это не нужно в принципе. Какая разница»; «Вообще не знаю – есть ли разница между людьми разных этносов?»; «Это (разговор об этнической идентичности в семье. – О.П.) всегда было на третьем фоне». Результаты исследования позволяют предположить, что далеко не каждый человек приходит к полному осознанию и принятию собственной этнической идентичности. Для кого-то из респондентов она является номинальной категорией, практически не наполненной личностными смыслами или собственной рефлексией, а кто-то вовсе настроен уходить от этнической категоризации, противопоставляя ее общечеловеческим ценностям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полиэтническое сообщество Новосибирска имеет долгую историю своего формирования, и одним из позитивных результатов продолжительного периода сосуществования разных этнических групп в пространстве города можно считать распространенное у новосибирцев восприятие межэтнических отношений как достаточно спокойных, бесконфликтных. Вместе с тем, на карте города есть зоны, привлекающие внимание горожан как из-за субъективно воспринимаемой «инаковости», так и в силу ряда объективных факторов, вызывающие фоновое беспокой-

ство. Отмечается демаркация между «своими» и «чужими», разделяющая общество на условные группы «местного сообщества» и «мигрантов». Все это формирует контекст, в котором осуществляется рефлексия жителей города о вопросах, связанных с этничностью, в том числе с собственной этнической идентичностью. Мы считаем, что отмеченное выше разделение на «своих» и «чужих» является редуцированным и этнически обезличенным. Оно заостряет прежде всего социально-экономические факторы неравенства и является фактором фонового социального напряжения, но не адресует горожан к рефлексии ни об этничности групп, существующих в пространстве города, ни о собственной этнической идентичности.

Культурно-ориентированный тренд в государственном управлении процессами, связанными с этничностью, вкупе с отмеченной выше некоторой девальвацией влияния семьи и близкого окружения на ее воспроизводство может способствовать, на наш взгляд, возникновению поверхностного представления о своей и других этнических культурах, когда «иной», с точки зрения этнической принадлежности, субъект превращается в экзотическое зрелище, привлекательное по форме, но лишенное внутреннего содержания. Это является частью масштабного процесса, который называют фестивализацией культуры [Беломоева, Кондратенко, 2020] или эрзатизацией этнической традиции [Мадюкова, Персидская, 2018]. Данный процесс характеризуется тем, что от всего сложного комплекса этнокультуры остается только его красивая оболочка, которую актуализируют искусственно для фестивальных и праздничных мероприятий, что приводит к обеднению рефлексии горожан об этнических процессах, и соответственно к редукации содержания субъективной и коллективной этнической идентичности.

Таким образом, этничность, рассматриваемая через призму субъективного жизненного опыта в широкой перспективе факторов, влияющих на ее содержание, предстает подвижной категорией индивидуального и коллективного сознания. Результаты последних исследований показывают, что этничность горожан, по-видимому, становится несколько менее значимой категорией индивидуации. Дополнительно отметим, что содержание этнической идентичности на субъективном уровне часто обедняется, редуцируясь к констатации факта этнической принадлежности. При этом она теряет наполнение, связанное с жизненным опытом переживания ситуаций, связанных с этническими феноменами, и рефлексией о них. В этой связи реализация положений Стратегии государственной национальной политики в плане поддержки этнокультурного разнообразия и сохранения самобытности народов страны представляется актуальной, но крайне сложной задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анжиганова Л.В., Топоева М.В. «Новая этничность»: теоретические аспекты исследования // Тезаурусы и проблемы культуры: докл. и материалы Общерос. (национальной) науч. конф. (с междунар. участием). М.: Моск. гуманит. ун-т, 2019. С. 281–292.
- Антропов Е.В. Устойчивость этнического самосознания современной городской молодежи (по данным анкетирования в Новосибирске) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. 13. С. 414–418.
- Антропов Е.В. Национальный состав Сибирского федерального округа: динамика этнодемографических процессов // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч. конф., Барнаул, 27–30 нояб. 2008 г. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2008. Вып. 7. С. 84–88.
- Антропов Е.В. Новосибирск: этнические аспекты возникновения и развития города (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук Томск, 2013. 27 с.
- Беломоева О.Г., Кондратенко Ю.А. Этнокультурная традиция в современном мире: функциональный аспект // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 447–456.
- Бронзино Л.Ю., Адама Абдул Этническая идентичность в глобализирующемся мире (на примере Республики Чад) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2015. Т. 15, № 3. С. 63–69.
- Головнев А.В. Дрейф этничности // Урал. ист. вестн. 2009. № 4 (25). С. 45–55.
- Дерига Е.С. Культурная гетерогенность или конфликт культур? К вопросу об интеграции учащейся молодежи из ближнего зарубежья в местное сообщество // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1. С. 128–136.
- Дробизжева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестн. Ин-та социологии. 2010. № 1. С. 429–442.
- Ерохина Е.А. Этнические рынки и их роль в трансформации городского пространства (на примере Новосибирска) // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 4. С. 173–182.
- Куропятник М.С. Суперразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 461–470.
- Куропятник А.И., Куропятник М.С. Постмультикультурализм: некоторые подходы к изучению современных социальных и культурных процессов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2017. Т. 17, № 2. С. 145–156.
- Кинякин Е.В. Трансляция этнической культуры мордвы в современных условиях // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 7 (7). С. 421–424.
- Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. 254 с.
- Мадюкова С.А., Персидская О.А. Традиционная культура и этноэкономика в системе детерминант трансформации регионального сообщества // Изв. высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 2. С. 61–68.
- Персидская О.А. Формы этнической идентичности и стратегии межэтнической интеграции юношества в городском сообществе. Анализ результатов исследования // Respublica Literaria. 2021. Т. 2, № 3. С. 85–103.
- Персидская О.А., Попков Ю.В., Скалабан И.А. Мигранты в межэтническом сообществе Новосибирска: специфика взаимной адаптации // Вестн. НГУЭУ. 2016. № 3. С. 229–239.
- Персидская О.А., Фомкин Ф.С. Современные подходы к исследованию этнической идентичности // Сиб. филос. журн. 2021. Т. 19, № 3. С. 68–86.
- Попков Ю.В. Социальное самочувствие межэтнического сообщества Новосибирска: опыт диагностики и его роль в муниципальном управлении // Сиб. филос. журн. 2019. Т. 17. № 3. С. 165–180.

Солодова Г.С., Краснополяская И.И. Механизм производства этнических границ // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 189–197.

Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т. 2018. 347 с.

Ушаков Д.В. Новосибирск многонациональный: межэтнические отношения и воспроизводство этничности. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 200 с.

Щеголькова Е.Ю. Политическая нация и этничность в неспокойном современном обществе // Вестн. Ин-та социологии. 2010. № 1. С. 420–428.

Юсупова Г.Н., Озерова К.А. Культурные этнические инициативы и (де)политизация этничности в России // Социология власти. 2021. № 33 (2). С. 147–167.

Vertovec S. Super-diversity and its Implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30, № 6. P. 1024–1054.

REFERENCES

Antropov E.V. (2007). Stability of ethnic self-consciousness of modern urban youth (according to the survey in Novosibirsk). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Vol. 13, pp. 414–418. (In Russ.)

Antropov E.V. (2008). National composition of the Siberian Federal District: dynamics of ethnodemographic processes. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Barnaul, 27–30 noyab. 2008 g.* Barnaul, vol. 7, pp. 84–88. (In Russ.)

Antropov E.V. (2013). Novosibirsk: ethnic aspects of the emergence and development of the city (late XIX – early XXI century): cand. hist. sci. diss. abstr. Tomsk, 27 p. (In Russ.)

Anzhiganova L.V., Topoeva M.V. (2019). «New ethnicity»: theoretical aspects of the study. *Tezaurusy i problemy kul'tury: doklady i materialy Obshcheros. (nats.) nauch. konf. (s mezhdunar. uchastiem)*. Moscow, pp. 281–292. (In Russ.)

Belomoeva O.G., Kondratenko Yu.A. (2020). Ethnocultural tradition in the modern world: a functional aspect. *Finno-ugorskiy mir*. Vol. 12, no. 4, pp. 447–456. (In Russ.)

Bronzino L.Yu., Adama Abdul. (2015). Ethnic identity in a globalizing world (by the example of the Republic of Chad). *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya. Sotsiologiya*. Vol. 15, no. 3, pp. 63–69. (In Russ.)

Deriga E.S. (2012). Cultural heterogeneity or conflict of cultures? On the issue of integration of students from neighboring countries into the local community. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Politologiya. Religiovedenie*. No. 1, pp. 128–136. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2010). Ethnicity in modern society: new approaches, old myths, social practices. *Vestnik Instituta sotsiologii*. No. 1, pp. 429–442. (In Russ.)

Erokhina E.A. (2017). Ethnic markets and their role in the transformation of urban space (by the example of Novosibirsk). *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. Vol. 15, No. 4, pp. 173–182. (In Russ.)

Golovnev A.V. (2009). Ethnicity drift. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 4, pp. 45–55. (In Russ.)

Kshnyakin E.V. (2016). Translation of the ethnic culture of the Mordvins in modern conditions. *Sovremennye nauchnye issledovaniya*. No. 7, pp. 421–424. (In Russ.)

Kuropyatnik A.I., Kuropyatnik M.S. (2017). Post-multiculturalism: some approaches to the study of modern social and cultural processes. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya. Sotsiologiya*. Vol. 17, no. 2, pp. 145–156. (In Russ.)

Kuropyatnik M.S. (2020). Super diversity: reconfiguration of the cultural complexity of modern contexts. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya. Sotsiologiya*. Vol. 20, no. 3, pp. 461–470. (In Russ.)

Lotkin I.V. (1996). Modern ethnic processes among Latvians and Estonians of Western Siberia. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 254 p. (In Russ.)

Madyukova S.A., Persidskaya O.A. (2018). Traditional culture and ethnoeconomics in the system of determinants of transformation of the regional community. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*. No. 2, pp. 61–68. (In Russ.)

Persidskaya O.A. (2021). Forms of ethnic identity and strategies of interethnic integration of youth in the urban community. Analysis of the research results. *Respublica Literaria*. Vol. 2, no. 3, pp. 85–103. (In Russ.)

Persidskaya O.A., Fomkin F.S. (2021). Modern approaches to the study of ethnic identity. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. Vol. 19, no. 3, pp. 68–86. (In Russ.)

Persidskaya O.A., Popkov Yu.V., Skalaban I.A. (2016). Migrants in the interethnic community of Novosibirsk: the specifics of mutual adaptation. *Vestnik NGUEU*. No. 3, pp. 229–239. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2019). Social well-being of the interethnic community of Novosibirsk: diagnostic experience and its role in municipal management. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. Vol. 17, no. 3, pp. 165–180. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (ed.) (2018). Socio-cultural monitoring of the urban interethnic community: methodology, technique, practice. Novosibirsk, Novosib. gos. tekhn. un-t, 347 p. (In Russ.)

Shegolkova E.Y. (2010). Political nation and ethnicity in a troubled modern society. *Vestnik Instituta sotsiologii*. No. 1, pp. 420–428. (In Russ.)

Solodova G.S., Krasnopolskaya I.I. (2020). The mechanism for production of ethnic borders. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. No. 58, pp. 189–197. (In Russ.)

Ushakov D.V. (2013). Novosibirsk multinational: interethnic relations and reproduction of ethnicity. Novosibirsk, Manuscript, 200 p. (In Russ.)

Vertovec S. (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30, no. 6, pp. 1024–1054.

Yusupova G.N., Ozerova K.A. (2021). Cultural ethnic initiatives and (de)politicization of ethnicity in Russia. *Sotsiologiya vlasti*. Vol. 33, no. 2, pp. 147–167. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.03.2023

Дата рецензирования 23.03.2023

Статья принята к публикации 10.04.2023

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20230211

УДК 94:355.11(571)"1904/1905"

Ю.О. МАМОНОВА

ВЗГЛЯД ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ НА МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В МАНЬЧЖУРИИ В 1904–1905 гг.

В статье представлены характеристики морально-психологического состояния личного состава русской армии в Маньчжурии в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., данные аккредитованными при ней военными корреспондентами из Великобритании, Германии, Австро-Венгрии, Франции. Анализируются их представления о социально-психологических и боевых факторах, оказавших влияние на поведенческие акты и эмоциональное состояние русских солдат и офицеров. Делается вывод о значительной степени солидарности воен-кор в системе их оценочных суждений. Журналисты единогласно фиксируют мотивационную недостаточность и видят главенствующую в этом роль характера боевых действий, а также другие причины: «размытость» представлений о враге, разобщенность офицерского корпуса, отношение российской общественности к армии и русско-японскому конфликту и др. Вместе с тем они отмечают отсутствие деморализации в войсках в силу особенностей русской дисциплины, психологических характеристик и веры в своего командира.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905 гг.; военные корреспонденты; русская армия; образ врага; морально-психологическое состояние; боевой дух.

Для цитирования: Мамонова Ю.О. Взгляд иностранных военных корреспондентов на морально-психологическое состояние русской армии в Маньчжурии в 1904–1905 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 88–94. DOI: 10.15372/HSS20230211.

Yu.O. MAMONOVA

FOREIGN WAR CORRESPONDENTS' VIEWS ON THE MORAL AND PSYCHOLOGICAL STATE OF THE RUSSIAN ARMY IN MANCHURIA IN 1904–1905

The article is devoted to the ideas of foreign war correspondents about the moral and psychological state of the Russian army personnel in Manchuria during the Russo-Japanese War of 1904–1905. The research is based on the materials from representatives of the British, German, Austro-Hungarian, and French press, accredited by the Russian authorities and accompanying the Russian army in Manchuria. Much attention is given to the foreign correspondents' assessments of some socio-psychological and combat factors that had a significant impact on the behavioral acts and emotional states of Russian soldiers and officers during the war: failures and successes in the theater of operations, the attitude of the Russian society to the Russo-Japanese conflict, features of interaction between representatives of various army structures and groups, the image of the enemy, the attitude of the civilian population to military service. The article reviews the correspondents' assessments taking into consideration the personal professional experience and citizenship of foreign observers, the characteristics of the circle of interviewed persons, as well as the chronology of events on the battlefield.

The author comes to the conclusion that the war correspondents demonstrated a significant degree of solidarity in their value judgments. They unanimously noted insufficient motivation of combatants and considered the defensive nature of military operations and frequent retreats as the main reason for this. The foreign war correspondents also identified some socio-psychological factors that had a negative impact on the morale of the Russian army in the Russo-Japanese War of 1904–1905: lack of knowledge about the enemy and insufficient hostility towards him, problems with the Russian society's attitude to military service and the Russo-Japanese conflict, and contradictions between various army structures. However, the war correspondents did not record demoralization among Russian soldiers and officers due to the features of discipline in the troops and faith in their commander.

Key words: Russo-Japanese War of 1904–1905; foreign correspondents; Russian army; image of the enemy; moral and psychological state; military morale.

Юлия Олеговна Мамонова – независимый исследователь, г. Новосибирск, e-mail: iulia.mamonova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1283-5729>.

Yulia O. Mamonova – independent researcher, Novosibirsk (Russia).

ВВЕДЕНИЕ

Морально-психологическое состояние военнослужащих является одним из ключевых факторов, определяющих выполнение боевых задач в ходе любого вооруженного противостояния. Несмотря на то, что «человеческий фактор» попадал в поле зрения исследователей, к началу XX в. науки о душевном состоянии воина на театре военных действий, по мнению стоявшего у истоков отечественной военной психологии Г.Е. Шумкова, все еще не существовало [Шумков, 1905, с. 2].

Военно-историческая наука нуждалась во всестороннем изучении приобретенного в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. опыта, однако лишь ворвавшаяся в военную историю на рубеже XX–XXI вв. антропологизация направила первоочередное внимание на «человека воюющего» и окружающую его действительность: военный быт, межличностное взаимодействие в рядах вооруженных сил [Гущин, 2011, 2014], проблемы восприятия образа «другого» [Сенявская, 2006; Жукова, 2004, 2006], психологию комбатанта [Сенявская, 1995, 1997, 1999] и т. д. Соответственно было очерчено новое проблемное поле – военно-антропологическое. Получаемые в ходе исследований результаты органично дополняют имеющиеся о русской армии сведения, представленные в посвященных ей трудах [Керсновский, 1994; Бескровный, 1986; Зайончковский, 1973; Menning, 2000; The Military History..., 2002], и обогащают представления о ее боеспособности в период военных событий 1904–1905 гг.

Особое место среди исторических источников в рамках изучения социально-психологических явлений на войне занимают записки ее участников и очевидцев. Тем не менее свидетельства военных корреспондентов зачастую оставались в стороне, эпизодически снабжая исследования крупными запечатленными военными событиями. Между тем численность журналистского корпуса в Маньчжурии была впечатляющей, и все его представители беспрестанно фиксировали поведенческие акты и эмоциональные состояния солдат и офицеров, а также искали их причины. Присутствовали среди них и сторонние наблюдатели – иностранные журналисты, оставившие богатое творческое наследие в виде опубликованной позднее корреспонденции. В настоящей статье рассматриваются отраженные на страницах сочинений взгляды иностранных корреспондентов на морально-психологическое состояние русской армии в войне, а также анализируются некоторые повлиявшие на него внешние факторы – как боевого, так и социально-психологического характера.

ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ

В условиях боевых действий особое значение имеют мотивационные установки воинов. Традици-

онно в контексте русско-японского конфликта 1904–1905 гг. на первый план выходят отношение к нему населения и ясность для военнослужащих целей войны. Иностранные военные корреспонденты не упускали возможности не единожды подчеркнуть непопулярность войны в народе и заинтересованность в ней исключительно узких кругов общества. Отставной венгерский ротмистр А. Спаич, журналист венгерской немецкоязычной газеты «Pester Lloyd», уже на первых страницах своего повествования подчеркивает непопулярность войны в народе. На основе сведений, почерпнутых из бесед с попутчиками в поезде еще в начале своего пути, репортер заключил, что корыстолюбие и тяга к грабежу «больших господ» виделись обществом настоящими причинами вовлечения в войну [Spaits, 1906, S. 28]. Как правило, во многих случаях с такими умозаключениями иностранцев соседствовали описания «простого русского мужика» (нем. «Muschik»), чьи интересы война, ведущаяся ради сомнительных целей вдали от русской земли, совсем не затронула, ведь «он не жаждал в своей жизни ни Маньчжурии, ни суверенных прав для Кореи». Соответственно, требовать от него воодушевления было бы невозможно [Ibid, S. 250]. Впрочем, увиденное вряд ли могло оказаться неожиданностью для автора этих строк, прибывшего в Россию позже остальных, уже после череды громких военных поражений русской армии.

Среди военков, упоминавших о непопулярности войны, оказались и англичане: прибывший в Маньчжурию по заданию «Reuters Telegram Co.» лейтенант в отставке лорд Брук [Brooke, 1906, p. 309], а также оставивший в недавнем прошлом дипломатическую службу М. Бэринг из «Morning Post» [Baring, 1905, p. 198]. Однако их мнение не было подкреплено конкретными примерами, в отличие от корреспондента германской газеты «Berliner Lokal-Anzeiger» О. фон Шварца – лейтенанта в отставке, охотно рассуждавшего обо всех увиденных на русских позициях недостатках. В частности, он цитировал повстречавшегося железнодорожного служащего: «вы покидаете войну, которую наша бюрократия ведет против японцев» [Schwartz, 1906, S. 318]. Следует также подчеркнуть, что автором приведенного критического комментария являлось гражданское лицо, как и в большинстве других аналогичных случаев. В целом в критичности высказывания проявляется связь интервьюируемого с близостью к театру военных действий и «военному ремеслу», что было довольно характерно для изученных нами работ десяти иностранных корреспондентов. Это не опровергает наличие подобных настроений в войсках, но позволяет говорить о некоторых различиях в степени неприятия целей войны в гражданской и военной среде, ведь авторы пытались «насытить» текст наиболее эмоционально

окрашенными цитатами из состоявшихся диалогов. Кроме того, это может свидетельствовать о большей открытости в беседе с журналистами лиц, не состоящих на военной службе.

Немаловажную роль в сложившихся у авторов впечатлениях сыграла и увиденная ими обстановка в Петербурге перед отправкой воинов на фронт, где ничего, по их свидетельствам, не демонстрировало единения народа в борьбе с врагом и не напоминало о войне [Schwartz, 1906, S. 26]. По словам О. фон Шварца, безразличие проявляли все опрошенные им люди, а заведения каждый вечер наводнялись офицерами – от генерала до прапорщика, а также чиновниками всех рангов [Ibid, 1906, S. 318]. Чуждость интересов узких кругов и истинных потребностей русского человека акцентирована многими корреспондентами, в чем видится проявление в немалой степени и их собственной авторской позиции, так как война большинству репортеров не казалась целесообразной. К примеру, полковник германского генерального штаба в отставке, военный писатель и военкор «Berliner Tageblatt» Р. Гедке считал происходящее следствием «безмерной земельной жадности» [Gädke, 1905, S. 333].

АРМИЯ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Вопрос отношения российского общества к армии не привлекал пристального внимания журналистского корпуса в Маньчжурии, но отчасти все же был им затронут. Необходимо признать, что влияние данного фактора, по-видимому, также не могло быть благоприятным: народу в исследуемый период армия представлялась скорее местом отбывания наказания за какие-либо проступки; культурному человеку, согласно господствующим в интеллигентской среде представлениям, не следовало связывать свою жизнь «с дикой военщиной» [Керсновский, 1994, с. 150], к военной службе часто испытывали презрение как к глупому и вредному занятию [Мартынов, 1906, с. 8]. В связи с этим особый интерес вызывает высказывание одного русского офицера, приведенное военным корреспондентом Р. Гедке по оставлению журналистом театра военных действий: «у вас офицер уважаем, у нас – нет» [Gädke, 1905, S. 346], что демонстрирует осознание указанной проблемы в офицерской среде. Согласно мнению автора, истоки негативного отношения общественности следовало бы искать в дискредитирующем поведении некоторых офицеров – едва ли можно было найти у них чувство коллективной чести и ответственности друг за друга [Ibid, 1905, S. 346]. В качестве примера Р. Гедке приводит увиденную им ситуацию в общественном заведении Харбина: им был замечен лейтенант, степень трезвости которого была настолько мала, что «он словно морское судно в шторм раскачивался

между столами», но другие офицеры смеялись вместо того, чтобы как-нибудь вмешаться [Ibid, S. 346]. Это удивило автора и натолкнуло на мысль о воздействии обилия подобных эпизодов на общественное мнение.

О СПЛОЧЕННОСТИ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ

Разобщенность офицерского корпуса не раз отмечалась корреспондентами и связывалась ими с пестротой его состава в различных отношениях. Необходимо вспомнить в связи с этим, что в число важнейших детерминирующих боевое поведение факторов социального характера входит и уровень сплоченности. Следует отметить, что обстоятельств, ей препятствующих, в офицерской среде было немало. Например, существовало некоторое противостояние сибирских полков и прибывших из Центральной России офицеров, случались конфликты между представителями разных родов войск, приверженцами различных тактических установок и т. д. [Гущин, 2011; 2014]. В частности, корреспондент О. фон Шварц в пути на театр военных действий отмечал полную изоляцию гвардейских офицеров, с которыми в течение его длинной поездки никто не обменялся и словом. В связи с этим он делает вывод о недостаточной гомогенности и отсутствии «товарищеского образа мыслей» в офицерском корпусе [Schwartz, 1906, S. 37], вслед за другими репортерами. Англичанин Д. Стори, опытный шотландский журналист от «Daily Express», опровергая распространенные представления международной общественности о пристрастии русских офицеров к спиртным напиткам, также делал небольшую оговорку о том, что необходимо различать сухопутных и моряков, как и «сами русские в заурядной беседе» [Story, 1904, S. 150], а в «письмах» корреспондента французской «Le Journal» Л. Нодо встречалось упоминание о презрении артиллериста к пехотинцам [Нодо, 1906, с. 305].

Иной характер носило взаимодействие между лицами, имевшими разные чины. Как отмечал военкор французской газеты «Le Temps» Р. Рэкули, отношения офицеров между собой сильно контрастировали с представлениями об этом иностранцев, у которых каждая звездочка непременно являлась заметной преградой в личном общении. Здесь же различие чинов вне службы, по его мнению, не имело какого-либо значения, и армия казалась скорее большой семьей: «Полковник сидит за столом с поручиком, пьет, чокается, смеется, совсем по-товарищески. Генерал гуляет, обнявшись с капитаном» [Рэкули, 1908, с. 86]. Д. Стори не раз отмечал, что в русской армии «каждый полк являлся кланом, а каждый командир – отцом рядового». «Иван Иванович может не знать, что борется с японцами. Он может быть не осведомлен о политике и совсем безразличен к делам на

Дальнем Востоке, но он знает и обожает своего командира роты, уважает своего командира полка и почитает Главнокомандующего» [Story, 1904, p. 76–77].

Р. Рэкули не берется судить, является ли своеобразие русской воинской дисциплины силой или слабостью, а лишь констатирует, что ни в Австрии, ни во Франции и уже тем более в Германии невозможно было увидеть солдат, расспрашивающих офицера не по служебным делам, свободно и без страха с ним беседующих, смеющихся, порой даже кричащих: «Отношение офицера к своим солдатам проникнуто простотой, отчасти вроде отношения деревенского помещика к своим крестьянам» [Рэкули, 1908, с. 86–87]. Такого рода дисциплина, по его мнению, в меньшей степени преобразует человека в «автомата», предоставляя ему больше естественности и свободы. Венгр А. Спаич рассуждал о послушности русского солдата в контексте высокой степени религиозности русских солдат. Он считал, что сохраненная до последнего дисциплина отнюдь не являлась результатом военного воспитания русского солдата. А. Спаич уточнял, что русскому солдату было свойственно скорее чувство преданности религиозного характера [Spaits, 1906, S. 367].

Англичанин М. Бэринг, наоборот, полагал, что простота взаимоотношений между русским солдатом и офицером сказывалась на дисциплине негативно, ведь офицеры вовсе не проявляли заботы о том, каким образом выполнялись их приказы, а позволяли пускать все на самотек и откладывать дела на следующий день [Baring, 1905, p. 188]. Следует помнить, что автор в своих выводах нередко полагался на авторитетное мнение германского корреспондента Р. Гедке. Действительно, отставной полковник находил всех командиров в русской армии слишком мягкими и стремящимися беречь своих солдат, что иногда, по его мнению, находилось «в самой острой антагонистичности с военными целями» [Gädke, 1905, S. 341]. Он отмечал, что для русского солдата, привыкшего к похвале, ее отсутствие представляется уже порицанием. Все эти особенности дисциплины в русских войсках автор находил чрезвычайно отличающимися от свойственной германской армии понятий [Gädke, 1905, S. 338] и оценивал негативно, попутно добавив, что случаи грубой непокорности все же вряд ли встречались в русской армии чаще. Другой немец – Р. Ульрих назвал увиденное им «пассивным послушанием», которое не могло привести к победе [Ullrich, 1910, S. 359].

Сопровождавший казаков ирландец Ф. Маккалаг, собирая материал на театре военных действий для «New York Herald», также не мог обойти стороной данную тему. Он отмечал, что офицеры действительно относятся с большой долей мягкосердечности к солдатам в целом и казакам в частности: «когда я

был в Японии, среди солдат регулярно возникали эпидемии самоубийств, результат жестокости со стороны офицеров <...> в течение моего пребывания с русскими я никогда не видел, что кто-либо обращался с ними плохо кроме двух случаев...» [Macculagh, 1905, p. 119]. Не раз эта снисходительность была замечена автором на поле боя. Например, по отношению к солдатам, сопровождавшим хромавшего и раненного в руку рядового: кто-то «почтительно несет пальто, принадлежащее раненому человеку», другие – его винтовку и патроны. «Полковник снисходительно относится к ним. Он не проклинает их и не посылает нестись назад к фронту, как сделал бы английский или американский офицер. Он говорит с ними приветливо в течение нескольких минут и затем позволяет им продолжать» [Ibid, p. 233].

ОБРАЗ ВРАГА

Отношение к противнику является еще одной важнейшей стороной сообщения народных настроений воюющим. Военные корреспонденты были солидарны друг с другом в том, что сформировавшееся в рядах русских воинов представление о враге не достигло необходимой для активных боевых действий степени озлобленности. Согласно их свидетельствам, сплошь о японцах отзывались уважительно и без должной ненависти, что представлялось им непростительным в условиях вооруженного конфликта. В частности, на это указывают следующие строки Шварца: «Если говорили о японской армии, то происходило это в большинстве случаев любезно, с одобрительными словами. Это все же лучше, чем презрение врага – но к ведению войны также относится ожесточенная ярость, лютая ненависть к противнику, как на японской стороне она охватила вспышкой весь народ в начале войны» [Schwartz, 1906, S. 37]. Англичанин М. Бэринг в продолжение рассуждений о частом применении в русской армии слова «молодцы» по отношению к японцам, приводит пример удивительного отношения русских к своим противникам: однажды найденный на поле боя раненый русский солдат оказался привязанным к японцу и отказался отправиться к медикам без него. В результате при получении медицинской помощи он категорически отказывался его оставлять и все свое время посвятил заботе «о его японце» [Baring, 1905, p. 177].

Как известно, отношение к врагу в период Русско-японской войны претерпело значительные изменения: беспечные и шапкозакидательские настроения, связанные с недооценкой противника, по мере непосредственного с ним сближения на полях сражений сменялись более трезвым восприятием [Сенявская, 1999, с. 112]. Примечательно, что на страницах исследуемых источников можно найти лишь единич-

ные об этом свидетельства, представленные, как правило, словами генералитета. Например, А. Спаич, характеризуя Н.П. Линевича «хорошим, храбрым господином», пользовавшимся доверием у солдат, попутно вспоминал произнесенные им слова о том, что «японцы – дикие азиаты, нужно не упустить возможности показать им культуру» [Spaits, 1906, S. 194]. Это произошло в конце февраля 1905 г., когда русская армия уже пережила ряд поражений и имела множество поводов убедиться в несоответствии образа слабого врага реалиям.

Вместе с тем выводы об уважительном отношении к японцам в офицерской среде нередко относились, напротив, к первым месяцам войны. Например, Р. Гедке, оказавшийся в России в числе первых корреспондентов, после бесед с русскими офицерами фиксировал: «пожалуй, никто не сомневается в конечной победе русского оружия, но все без исключения признают замечательные качества японской армии, особенно хорошее образование и смелость ее пехоты» [Gädke, 1905, S. 38]. Журналист считал такую скромность хорошим знаком. Датировка соседствующих с данным текстом писем позволяет предположить, что этот эпизод был описан в марте 1904 г. С начала войны минуло совсем немного времени, и вряд ли его было достаточно для эволюции стереотипов восприятия.

Следует отметить, что среди разделявших эту точку зрения на разных этапах войны корреспондентам часто встречались солдаты и офицеры, только что направленные на фронт. Следовательно, бытующий миф о слабости «япошек» не мог развенчаться ими ни при опоре на собственный опыт, ни по причине накопления известий о положении дел на театре войны. Вероятно, определенную роль могли сыграть первые морские столкновения и впечатляющие успехи Японии, имевшие, по мнению Р. Гедке, большое значение для боевого духа японцев [Ibid, 1905, S. 6]. Однако следует иметь в виду и возможную заинтересованность зарубежных военкоров в подчеркивании дистанции между настроением политической элиты и всего российского общества, включая военнотружущих без генеральских чинов. По крайней мере, размышления о непреодолимости этого расстояния нередко фигурируют на страницах книг военкоров различного подданства. Действительно, некоторые участники событий отмечали изменения исключительно в тоне официальных сведений из штаба армии, которые становились по отношению к японской стороне все почтительнее [Мартинов, 1906, с. 148].

ВЛИЯНИЕ БОЕВЫХ ФАКТОРОВ

Конечно, при изучении морально-психологического состояния воинов необходимо учитывать не

только социально-психологические факторы. Первостепенное значение для морального духа имеют боевые факторы, что неоднократно подчеркивалось всеми корреспондентами. Они отмечали влияние на настрой воюющих сторон прежде всего характера боевых действий. Как известно, русской армией в Русско-японской войне 1904–1905 гг. осуществлялся ряд попыток перейти в наступление, но, как отмечает Р. Гедке, генерал А.Н. Куропаткин «никогда не решался на это своевременно и всегда скрепя сердце» [Gädke, 1905, S. 26]. Боевые действия для русской стороны носили преимущественно оборонительный характер, что активно критиковалось военными корреспондентами. О. фон Шварц именовал предпринятые действия пассивной обороной [Schwartz, 1906, S. 282], что в целом соответствовало общепринятым оценкам в военной среде.

Наблюдаемое военными репортерами состояние в войсках коррелировалось с характером боевых действий и ярким образом иллюстрировало то, что наступление являлось для комбатанта более предпочтительным, нежели оборона. Наступательные действия ассоциировались с преимуществом над врагом, а на фоне прошедших безуспешных боев они способны были оказать мобилизующее действие, вселить веру в возможность овладеть инициативой и коренным образом изменить ход войны [Караяни, Сыромятников, 2006, с. 197–198]. В этом убедился и корреспондент О. фон Шварц – свидетель Ляоянского и Шахэйского сражений. Несмотря на немалое количество санитарных и безвозвратных потерь русской армии в сражении на р. Шахэ, облик вернувшихся русских солдат и офицеров, по его словам, не демонстрировал «существенно измененную картину» в сравнении с состоянием перед наступлением. Воины были относительно спокойны: «неудачная оборона легко ведет к моральному уничтожению, а у неуспешного нападения, как правило, нет таких последствий. Поэтому в 10 раз предпочтительнее решаться на нападение, даже если оно имеет мало шансов на успех, чем ограничиваться пассивной обороной» [Schwartz, 1906, S. 281–282].

Военный врач Г.Е. Шумков, обладавший знаниями в области психиатрии, психологии, физиологии и наблюдавший за состоянием военнотружущих, приводит следующие слова одного из участников наступления: «на лицах окружающих видна решимость и какое-то чувство удовольствия. Здесь не видно было тех бледно-лимонных лиц, которые всюду при отступлении...» [Шумков, 1905, с. 59]. Собеседник автора назвал это «тревожным вдохновением».

Все репортеры фиксировали изменения в морально-психологическом состоянии в русской армии на протяжении войны. Вывод о том, что эти перемены не были «однонаправленными», представляет

ся возможным сделать благодаря приведенным наблюдениям. По свидетельствам репортеров, порой воодушевление наблюдалось не только перед переходом в наступление, но и перед каким-либо сражением – русским солдатам и офицерам была радостна встреча с врагом, которой они долго ждали, надеясь приблизить завершение войны. Военные журналисты становились свидетелями быстротечных эмоциональных подъемов, проявленных в разговорах с журналистами и между собой в исполнении национальных танцев, песен и т.п.

Впрочем, достаточно быстро «русская меланхолия» брала верх, и воодушевление могло уступить место «глухому и боязливому ожиданию» предстоящего сражения [Schwartz, 1906, S. 183]. Переменчивость настроения в войсках, согласно наблюдениям корреспондентов, в целом была свойственна русским воинам. Корреспонденты отмечали, что место для душевного подъема оставалось и после многочисленных неудач. Увиденное побуждало иностранных военных корреспондентов констатировать удивительную «эластичность настроения» всех представителей русской армии – как рядового, так и командного состава, порой «оживленного радостным оптимизмом» [Нодо, 1906, с. 67]. Лорд Брук связывал это с природной «восстанавливающей силой» русских крестьян, особенно сибирских [Brooke, 1906, p. 159], и в дальнейшем отмечал искреннее восхищение иностранцев и военкоров этой способностью [Brooke, 1906, p. 172]. Он, в отличие от Шварца, заметил некоторые изменения настроений в войсках после Шахэйского сражения, однако, согласно его свидетельствам, армия восстановилась в течение одной-двух недель, хотя уверенность в исходе войны была уже не столь велика [Ibid, p. 225–226]. Истинно поворотным в морально-психологическом отношении некоторыми военкорами признавалось сражение при Сандепу.

Анализ привлеченных материалов позволяет сделать вывод о том, что ничто так не ранило военнослужащих, как горечь сожаления о напрасно пролитой крови и потерях сил, приложенных ради приближения к победе. Некоторое распространение упаднических настроений наблюдалось именно в период отступлений и являлось следствием, в первую очередь, непонимания причин оставления позиций. Л. Нодо, затрагивая исход боя под Хайченом, утверждал: «они, эти простаки, совершенно не понимают бесконечных отступлений. Их отрывают от обеда, не дают спать, заставляют с утра занимать глубокие траншеи, которые вечером они должны будут, без единого выстрела очистить» [Нодо, 1906, с. 209–210]. Недоумевающие лица личного состава, горечь за напрасные усилия, распространение всевозможных слухов о вынудивших к отступлению обстоятельствах – все это фиксировалось корреспондентами

различных взглядов и подданства, которые, впрочем, находясь непосредственно на полях сражений, тоже не понимали, чем было вызвано очередное отступление. «Хороший был бы урок для Куропаткина, если бы он убедился лично, насколько войска, и даже терпеливый русский солдат, страдали от непрерывных отступлений», – отмечает О. фон Шварц [Schwartz, 1906, S. 94].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать высокую степень солидарности иностранных военных корреспондентов по ряду вопросов, касавшихся факторов, детерминирующих эмоциональное состояние русских солдат и офицеров. Сравнительный анализ свидетельств военкоров продемонстрировал множество фрагментов, описывающих одни и те же явления. Несмотря на разнообразие профессионального и личного опыта журналистов, различия в подданстве и взглядах, все они отмечали низкую мотивацию у военнослужащих. Это было сопряжено с отношением российской общественности к войне и военной службе, «размытостью» образа врага или излишне почтительным к нему отношением. Впрочем, последнее оценивалось авторами по-разному: кто-то считал эту скромность хорошим знаком, а кто-то – остро критиковал. Все иностранцы признавали негативное влияние на воинственный оборонительного характера боевых действий и череды военных неудач, однако деморализации в рядах вооруженных сил ими не было замечено. Причинами тому, по их свидетельствам, могли быть своеобразие дисциплины, основанной на вере в своих командиров, и общепризнанная в среде военкоров «эластичность настроения» русских солдат и офицеров. На страницах отдельных книг виден отпечаток личных убеждений авторов, имеются и некоторые заимствования, однако перекрестное сопоставление данных источников способно несколько нивелировать данную уязвимость текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. 242 с.
- Гуцин А.В. Оборона Порт-Артура: «Сухопутные не признают моряков, моряки сухопутных, да еще и между собою вражда...». СПб.: Реноме, 2011. 160 с.
- Гуцин А.В. Русская армия в войне 1904–1905 гг.: Историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб.: Реноме, 2014. 256 с.
- Жукова Л.В. Формирование образа врага в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник: 2003/2004. С. 259–274.
- Жукова Л.В. Путь на войну (проблема трансформации сознательного восприятия времени и пространства участника ми Русско-японской войны 1904–1905 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник: 2005/2006. С. 162–170.

Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903 гг. М., 1973. 355 с.

Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. СПб.: Питер, 2006. 480 с.

Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 3: 1881–1915 гг. 352 с.

Мартынов Е.И. Из печального опыта Русско-японской войны. СПб.: Военная типография, 1906. 176 с.

Нодо Л. Они не знали...: письма военного корреспондента газеты «Le journal» о русской армии в кампанию 1904 г. М., 1905. 30 с.

Нодо Л. Письма о войне с Японией / пер. с фр. [и предисл.] Н.М. Лагова. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1906. 328 с.

Рэжули Р. Десять месяцев на Японско-Русской войне: Беспристрастные очерки и впечатления французского военного корреспондента. СПб: Тип. СПб. т-ва «Труд», 1908. 340 с.

Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. 232 с.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М, 2006. 287 с.

Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7–15.

Шумков Г.Е. Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-японской войны: (военно-психологические этюды). Киев, 1905. 60 с.

Baring M. With the Russians in Manchuria. London, 1905. 205 p. Brooke L.G.F.M.G. Earl. An Eye-witness in Manchuria. London, 1905. 312 p.

Gädke R. Japan's Krieg und Sieg. Berlin, 1907. 347 S.

Gädke R. Kriegsbrieft aus der Mandschurei. Berlin; Leipzig, 1905. 359 p.

McCullagh F. With the Cossacks. Being the Story of an Irishman who rode with the Cossacks throughout the Russo-Japanese war. London: Eveleigh Nash, 1905. 392 p.

Menning B. Bayonets before bullets: the Imperial Russian army, 1861–1914 / Bruce W. Menning. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 2000. 334 p.

Spaits A. Mit Kosaken durch die Mandschurei: Erlebnisse im russisch-japanischen Kriege. Vienna, 1906. 384 S.

Story D. The Campaign with Kuropatkin. London, 1904. 301 p.

The Military history of tsarist Russia / ed. by F.W. Kagan, R. Higham. New York; Basingstoke: Palgrave, 2002. 266 p.

Ullrich R. Die Feuerprobe der Russischen Armee. Tagebuchblätter aus dem Hauptquartiere des 17. Armeekorps niedergeschrieben im Kriege 1904/1905. Berlin, 1910. 252 S.

Von Schwartz O. Zehn Monate Kriegskorrespondent beim Heere Kuropatkins. Persönliche Erlebnisse und kritische Betrachtungen aus dem russisch-japanischen Kriege. Berlin: Richard Schröder, 1906. 352 S.

REFERENCES

Baring M. (1905). With the Russians in Manchuria. London, 205 p.

Beskovnnyy L.G. (1986). The Russian Army and Navy at the beginning of the 20th century: essays on the military and economic potential. Moscow, 242 p. (In Russ.).

Brooke L. G. F. M. G. (1905). An eye-witness in Manchuria. London, 312 p.

Gädke R. (1905). Kriegsbrieft aus der Mandschurei. Berlin, Leipzig, 359 S.

Gädke R. (1907). Japan's Krieg und Sieg. Berlin, 347 S.

Gushchin A.V. (2011). Defense of Port Arthur: “The infantry does not recognize the sailors, the sailors do not recognize the infantry, and

even enmity among themselves...”. Saint Petersburg, Renome, 160 p. (In Russ.)

Gushchin A.V. (2014). The Russian army in the war of 1904–1905: a historical and anthropological study of the influence of military personnel relationships on the course of hostilities. Saint Petersburg, Renome, 256 p. (In Russ.)

Karayani A.G., Syromyatnikov I.V. (2006). Applied military psychology. Saint Petersburg, Piter, 480 p. (In Russ.)

Kersnovskiy A.A. (1994). History of the Russian army. Vol. 3. 1881–1915. Moscow, 352 p. (In Russ.)

Martynov E.I. (1906). From the sad experience of the Russo-Japanese War. Saint Petersburg, 176 p. (in Russ.)

McCullagh F. (1905). With the Cossacks. Being the story of an Irishman who rode with the Cossacks throughout the Russo-Japanese War. London, Eveleigh Nash, 392 p.

Menning B. (2000). Bayonets before bullets: the Imperial Russian army, 1861–1914. Bloomington, Indiana Univ. Press, 334 p.

Naudeau L. (1905). They didn't know... The letters of the war correspondent of the newspaper “Le journal” about the Russian army in the campaign of 1904. Moscow, 30 p. (In Russ.)

Naudeau L. (1906). The letters about the war with Japan: transl. from French. Saint Petersburg, Tip. I. Gol'dberga, 328 p. (In Russ.)

Recouly R. (1908). Ten months in the Japanese-Russian war: unbiased essays and impressions of a French war correspondent. Saint Petersburg, 340 p. (In Russ.)

Senyavskaya E.S. (1995). A man at war: the experience of the historical and psychological characteristics of a Russian combatant. Otechestvennaya istoriya, no. 3, pp. 7–16. (In Russ.)

Senyavskaya E.S. (1997). A man at war. Historical and psychological essays. Moscow, In-t rossiyskoy istorii RAN, 232 p. (In Russ.)

Senyavskaya E.S. (1999). The psychology of war in the XX century. The historical experience of Russia. Moscow, ROSSPEN, 383 p. (In Russ.)

Senyavskaya E.S. (2006). Russia's enemies in the wars of the 20th century: the evolution of the “enemy image” in the minds of the army and society. Moscow, 287 p. (In Russ.)

Shumkov G.E. (1905). Stories and observations from the current Russo-Japanese War: (military psychological essays). Kyiv, 60 p. (In Russ.)

Spaits A. (1906). Mit Kosaken durch die Mandschurei: Erlebnisse im russisch-japanischen Kriege. Vienna, 384 S.

Story D. (1904). The campaign with Kuropatkin. London, 301 p.

Kagan F.W., Higham R. (eds.) (2002). The military history of tsarist Russia. New York, Palgrave, 266 p.

Ullrich R. (1910). Die Feuerprobe der russischen Armee. Tagebuchblätter aus dem Hauptquartiere des 17. Armee korpsnieder geschrieben im Kriege 1904/1905. Berlin, 252 S.

Von Schwartz O. (1906). Zehn Monate Kriegs korrespondent beim Heere Kuropatkins. Persönliche Erlebnisse und kritische Betrachtungen aus dem russisch-japanischen Kriege. Berlin, Richard Schröder, 352 S.

Zaionchkovskiy P.A. (1973). The autocracy and the Russian army at the turn of the XIX–XX centuries: 1881–1903. Moscow, Mysl', 355 p. (In Russ.)

Zhukova L.V. (2005). Formation of the enemy image in the Russo-Japanese War of 1904–1905. Voennno-istoricheskaya antropologiya: ezhegodnik. Moscow, vol. 2003/2004: Novye nauchnye napravleniya, pp. 259–274. (In Russ.)

Zhukova L.V. (2007). The Way to war (the problem of transformation of conscious perception of the time and space by participants of the Russo-Japanese War of 1904–1905). Voennno-istoricheskaya antropologiya: ezhegodnik. Moscow, vol. 2005/2006: Aktual'nye problemy izucheniya, pp. 162–170. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.03.2023

Дата рецензирования 03.04.2023

Статья принята к публикации 10.04.2023

DOI: 10.15372/HSS20230212
УДК 94:001.32(571)"1930/1935"

М.И. СВЕРЖЕВСКАЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОПС АН СССР ПО ИЗУЧЕНИЮ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
РФ, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

Совет по изучению производительных сил (СОПС) был создан Академией наук СССР в 1930 г. с целью комплексного изучения природных ресурсов страны. В статье рассмотрены основные мероприятия СОПС по развертыванию научно-исследовательских работ в Бурят-Монгольской АССР в первой половине 1930-х гг. При его участии на территории республики проводились полевые изыскания гуманитарной направленности – экспедиция по изучению дацанов под руководством А.И. Вострикова, лингвистическая экспедиция под началом Н.Н. Поппе и антропологическая экспедиция Г.И. Петрова, а также была организована первая конференция по изучению производительных сил данной территории. Исследование базируется на опубликованной делопроизводственной документации СОПС и на материалах, представленных в научной периодике. Автором применен социальный подход к истории науки.

Ключевые слова: Совет по изучению производительных сил, Академия наук, Бурят-Монголия, научные экспедиции, гуманитарные исследования, история науки.

Для цитирования: Сverzhevskaya M.I. Деятельность СОПС АН СССР по изучению Бурят-Монгольской АССР в первой половине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 95–101. DOI: 10.15372/HSS20230212.

M.I. SVERZHEVSKAYA

SCIENTIFIC ACTIVITIES OF THE COUNCIL FOR THE STUDY OF PRODUCTIVE FORCES OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR FOR THE STUDY OF BURYAT-MONGOLIA IN THE FIRST HALF OF THE 1930s

Novosibirsk State University of Economics and Management,
56, Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

The Academy of Sciences of the USSR established the Council for the Study of Productive Forces for the purpose of comprehensive study of the country's natural resources. It arose in 1930 during the reorganization of the Academy of Sciences on the basis of the pre-existing Commission for the Study of Natural Productive Forces which had similar goals. The Council was part of the structure of the Academy of Sciences for the next three decades, until its transfer to the department of the USSR State Planning Committee in the early 1960s. During this long period, the Council provided overall guidance, organization and conduct of scientific expeditions in various regions of the USSR. The responsibilities of the Council also included the organization, management and planning of work on the study of the productive forces in the laboratories and institutes of the Academy of Sciences. In the 1930s, the Council became the main instrument for adapting the Academy of Sciences to the demands of the government. With the help of the Council, the Academy of Sciences got involved in the development of major national economic programs that allowed it to maintain the status of the main scientific organization of the country (the most important projects of the 1930s in which the Council was involved were the Ural-Kuznetsk industrial complex and the Baikal-Amur Mainline). In the early 1930s, due to the needs of economic development of the country, the Council concentrated main research in the eastern regions. The article is devoted to the activities of the Council for the Study of Productive Forces on the territory of Buryat-Mongolia. It covers the period from 1931, when the Council conducted its first scientific expeditions in the territory of the republic, until 1934, when the Council organized a special conference on the study of productive forces of Buryat-Mongolia, which was the last scientific event related to the republic in the pre-war period.

Key words: Council for the Study of Productive Forces, Academy of Sciences, Buryat-Mongolia, scientific expeditions, humanities studies, history of science.

Мария Ильинична Сverzhevskaya – старший преподаватель, Новосибирский государственный университет экономики и управления, mariasver@ngs.ru.

Maria I. Sverzhevskaya – Senior Lecturer, Novosibirsk State University of Economics and Management.

ВВЕДЕНИЕ

Совет по изучению производительных сил (СОПС) был создан в 1930 г. на базе существовавшей ранее Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) в ходе масштабной внутренней реорганизации Академии наук. С помощью СОПС Академия наук стремилась включиться в научное сопровождение ключевых народнохозяйственных проектов. С момента образования и вплоть до передачи в 1960 г. в ведение Госэкономсовета при Совете министров СССР (затем – в Госплан СССР) СОПС занимался организацией и проведением научных экспедиций, а также координировал работу по изучению производительных сил, проводившуюся в лабораториях и институтах Академии наук. Целью настоящего исследования является анализ основных направлений деятельности СОПС по изучению Бурят-Монгольской АССР (далее – БМАССР) в 1930-е гг.

Источниковой базой статьи стала делопроизводственная документация СОПС 1930-х гг., которая была частично опубликована в сборнике «Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР. Деятельность в восточных регионах» (2013). Обширную информацию о работе СОПС по изучению республики содержат издававшиеся в 1930-е гг. труды соответствующих экспедиций и конференций. Некоторые сведения по избранной теме представлены также в «Вестнике АН СССР».

В последние годы опубликован ряд работ, посвященных экспедиционной деятельности различных учреждений, в том числе академических, на территории БМАССР [Аюшеева и др., 2017; Базарова, 2020; Номогоева, 2009]. Касаясь 1920–1930-х гг., исследователи в основном уделяют внимание изысканиям лингвистического, этнографического, религиоведческого, антропологического и медицинского профиля, которые в то время проводились особенно широко [Плеханова и др., 2021; Плеханова, 2022; Башкуев, 2014; 2015; 2016].

В качестве методологической основы автором избран социальный подход к истории науки, трактующий науку как социальный институт и выдвигающий на первый план, среди прочих, проблему взаимоотношений науки и государственной власти. Такой подход позволяет расширить круг изучаемых вопросов и рассмотреть содержание и значение экспедиционных изысканий на данной территории в новом ракурсе.

ЭКСПЕДИЦИИ СОПС ПО ИЗУЧЕНИЮ БМАССР

Приоритетным направлением деятельности СОПС в первые годы его существования стало изуче-

ние восточных территорий. Заказчиком и основным источником финансирования изысканий в данном регионе стал Наркомат тяжелой промышленности (до 1932 г. – ВСНХ СССР). Хотя заинтересованное ведомство ориентировалось в первую очередь на поиск и изучение полезных ископаемых, руководство Академии наук пыталось максимально расширить тематический спектр работ Совета. Постановлением Президиума АН от 29 ноября 1930 г. в экспедиционный план СОПС были включены антропологические и этнографические исследования [Совет по изучению..., с. 19]. В апреле 1931 г. председатель СОПС акад. И.М. Губкин, выступая на первой Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы, подчеркивал, что «в отличие от КЕПС, не уделявшей внимания одной из наиболее могущественных производительных сил – самому человеку, совет включил в сферу своей работы изучение человека, как производительной силы, изучение естественных и общественных условий, под влиянием которых эффективность этой производительной силы возрастает» [Всесоюзная конференция..., 1931, с. 233]. Такой подход позволял посредством СОПС привлекать дополнительное финансирование для экспедиций, напрямую не связанных с изучением природных ресурсов. В итоге в полевом сезоне 1931 г. Совету удалось организовать на востоке страны сразу несколько полевых исследований гуманитарного профиля, сконцентрированных в основном на территории БМАССР.

В 1920-е гг. правительственные органы уделяли особое внимание изучению тибетского буддизма и, в частности, дацанов, что было продиктовано в первую очередь задачей более эффективного вовлечения местного населения в советскую идеологическую систему. Представители правительства БМАССР отмечали: «Изучение буддийских монастырей... имеет огромное значение не только с точки зрения науки востоковедения, но и с точки зрения правильного политического подхода к мировоззрениям многомиллионных народов Востока, так как буддийские дацаны являются единственным во всем Союзе ССР очагом, дающим ключ к пониманию того своеобразного мира индо-буддийской культуры, который охватывает добрую половину Востока» [Башкуев, 2014, с. 277–278].

На рубеже 1920–1930-х гг. ситуация изменилась. Антирелигиозная кампания, развернувшаяся тогда в БМАССР, была частью начального этапа насильственной коллективизации [Доржиев, 2017, с. 81]. Дацаны теперь рассматривались властями как «фактор, тормозящий ход социалистического строительства в БМАССР». Нарастало репрессивное давление на буддийское духовенство, в том числе на лам-ме-

дигов, началась активная борьба с тибетской медициной [Синицын, 2012, с. 96–100]. В этот идеологический контекст оказались вписаны работы экспедиции выдающегося тибетолога Андрея Ивановича Вострикова, являвшегося на тот момент ученым – хранителем Института востоковедения АН СССР.

В строго научном отношении экспедиция была нацелена на изучение истории и разнообразных аспектов деятельности крупнейшего в БМАССР Агинского дацана, расположенного на территории Агинского аймака. Однако для большей связи с практическими запросами местного руководства в экспедиционный план было включено и «общее изучение колхозного строительства БМАССР в связи с обоседлением населения и проведением земельной реформы». Перед учеными ставилась задача «изучения деятельности ламства среди населения и влияния его на население». В связи с этим экспедиция провела работу «по учету ламства в Агинском дацане, как со стороны количества его, так и со стороны возрастного деления, квалификаций, стажа, территориального и, частично – социального происхождения лам, в интересах определения относительной зараженности ламством отдельных аймаков Агинского района», а также по изучению «культовой и медицинской деятельности лам среди местного населения» [Совет по изучению..., 2013, с. 50].

Изыскания 1931 г. стали продолжением многолетней работы А.И. Вострикова, который, начиная с 1928 г., регулярно приезжал в Агинский дацан для изучения тибетских лечебных практик и религиозно-го образования. Его исследования находились в русле характерного для 1920-х гг. интереса советской науки к лечебным возможностям традиционной медицины [Островская, 2010, с. 237–238]. Экспедиция собрала материалы по истории и структуре Агинского дацана (тибетские хроники, уставы и др.), а также по истории хоринских и агинских бурят, обследовала Кузнецовский и Буковский дацаны в Агинском аймаке, которые являлись филиалами Агинского дацана, пунктами его миссионерской деятельности среди местного населения. Кроме того, был совершен выезд в знаменитый своей медицинской школой Ацагатский дацан. Отдельное внимание уделялось системе преподавания в буддийских школах (собраны программы занятий, уставы, учебная литература), было обследовано тибетско-монгольское издательство и библиотеки дацанов. Экспедиция также систематизировала и описала коллекции тибетских и монгольских ксилографов и предметов культа, переданных в дар Академии наук местными советскими организациями [Совет по изучению..., 2013, с. 50].

Необходимость ликвидации неграмотности местного населения и встраивания его в советское культурное пространство придавала особую актуальность лингвистическим изысканиям, развернувшимся на территории БМАССР во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. [Плеханова, 2021, с. 457]. В частности, в 1928–1929 гг. под руководством монголоведа Николая Николаевича Поппе проводилась организованная совместно Академией наук и Бурят-Монгольским ученым комитетом экспедиция по изучению говоров и диалектов бурятского языка. С практической точки зрения исследование многочисленных локальных наречий должно было способствовать реализации общей языковой политики в БМАССР, включавшей такие компоненты, как реформирование бурят-монгольского литературного языка и латинизация бурят-монгольской письменности [Аюшеева и др., 2017, с. 138–143]. Одним из идейных вдохновителей латинизации стал первый председатель Бурчкома, востоковед Базар Барадиевич Барадин. Он предлагал положить в основу нового литературного языка халха-монгольское наречие, в чем заключалось его ключевое разногласие с Н.Н. Поппе, который являлся сторонником использования в качестве базового селенгинского наречия [Поппе, 1932, с. 27].

В 1931 г. Н.Н. Поппе продолжил изыскания в рамках Бурят-монгольской лингвистической экспедиции, ставившей своей задачей изучение языка бурят Селенгинского аймака. Территориально работы экспедиции сконцентрировались в районе Тамчи – аймачного центра на южном берегу Гусиного озера, около Гусиноозерского дацана – в коммунах «Красная звезда» и «Искра» на правом берегу р. Селенги на границах Мухур-Шибирского аймака в Нойхонской степи [Поппе, 1934, с. 4]. Интересовались исключительно языком колхозников и коммунаров. Ученые занимались собиранием отдельных слов и выражений, материалов по грамматике и особенно новой революционной и колхозной терминологии. Экспедицией было собрано свыше 200 песен, около 150 загадок и пословиц, 3 произведения эпоса, около 20 сказок и столько же рассказов из истории организации колхозов, а также записывались автобиографии колхозников. Итоги полевых работ обсуждались на специальном заседании в Бурят-Монгольском государственном институте культуры, в ходе которого развернулась научная полемика между сторонниками идей Н.Н. Поппе и Б.Б. Барадина [Совет по изучению..., 2013, с. 54].

В кратком отчете о работах экспедиции, опубликованном в «Вестнике АН СССР», утверждалось, что «буряты Селенгинского аймака обладают богатым за-

пасом новых революционных терминов и совершенно не знают терминов искусственных и придуманных рядом деятелей латинизации», а в колхозах и коммунах, стягивающих к себе все окрестное население, происходит процесс скрещения разных наречий, носители которых входят в колхозы и коммуны, и этот смешанный язык может являться зачатком обще-бурятского языка» [Лингвистическая экспедиция..., 1932, с. 34]. Этот общий разговорный язык «трудящейся массы рабочих и колхозников» Поппе впоследствии называл необходимой основой нового литературного языка [Поппе, 1932, с. 27]. В 1934 г. вышло отдельное издание материалов, собранных экспедицией [Поппе, 1934].

В условиях коллективизации и индустриализации правительственные органы БМАССР проявляли значительное внимание к исследованиям антропологического профиля. Они интересовали республиканское руководство с позиции решения двух основных проблем – оседлости кочевого населения в результате коллективизации и включения бурят в фабрично-заводскую деятельность.

В соответствие с этими задачами выстраивала свою работу Бурят-Монгольская антропологическая экспедиция под руководством сотрудника Музея антропологии и этнографии (МАЭ) Григория Ивановича Петрова. Изначально экспедиция была нацелена на изучение наследственной передачи признаков среди метисов (между бурятами и русскими), а также на опровержение псевдонаучных теорий о неполноценности метисов. Однако по прибытии в Верхнеудинск план работ подвергся некоторой корректировке – к нему было добавлено обследование рабочих Чикойского кожевенного завода – одного из крупнейших на тот момент производств Бурятии. В Бурят-Монгольском государственном институте культуры в связи с предстоящей экспедицией прошло специальное заседание, в котором участвовали представители Госплана, Института здравоохранения, Наркомздрава и других учреждений. По рекомендации Госплана обследование было решено провести в д. Палканово Кударинского сельсовета Троицкосавского аймака – это было одно из наиболее крупных поселений метисов в данной местности [Хартанович, 2011, с. 87].

Антропологические наблюдения проводились с июля по август 1931 г. Экспедиции удалось практически полностью обследовать жителей д. Палканово и рабочих Чикойского завода, а также провести исследования в Цонгольском дацане. По возвращении в Верхнеудинск участники экспедиции занялись изучением местных архивов – поиском информации об экономическом и демографическом состоянии изученной группы метисов в дореволюционный период. Хотя поиски эти не увенчались успехом, удалось вы-

яснить, что в местном архивном управлении находятся в неразобранном виде некоторые исторические материалы о так называемых оседлых инородцах, или «ясачных», т.е. о той группе населения, куда, как правило, причислялись и метисы [Материалы..., 1933, с. 8–11].

Об итогах работы были уведомлены обком ВКП(б), Президиум ЦИК БМАССР, Госплан, Наркомздрав, Институт здравоохранения, Институт культуры, Краевой музей и Краеведческое общество. В наибольшей степени заинтересованные в дальнейшем изучении рабочих местные ведомства (Наркомздрав с привлечением Госплана, Наркомтруда и других учреждений) организовали специальное совещание для обсуждения появившихся в ходе экспедиции вопросов. По итогам доклада Г.И. Петрова совещание выдвинуло ряд практических предложений о необходимости продолжения антропологических изысканий на территории БМАССР, в том числе республиканскими организациями. Специальное заседание в Наркомздраве признало своевременность начатых экспедицией работ и предложило Институту здравоохранения продолжить их. Экспедиция сразу же передала некоторые собранные данные Краевому музею для создания специального информационного стенда, призванного привлечь внимание местных краеведов к проблеме изучения человека как производительной силы [Материалы..., 1933, с. 10].

В 1932 г. СОПС пришлось полностью отказаться от проведения экспедиций гуманитарной направленности, поскольку его главный заказчик – Наркомат тяжелой промышленности – не был заинтересован в исследованиях такого рода. В начале 1930-х гг. наркомат финансировал изыскания, связанные с реализацией таких крупных народнохозяйственных проектов (например, Урало-Кузнецкий комбинат), которые не подразумевали широкого вовлечения ресурсов БМАССР. Поэтому БМАССР временно оказалась вне поля деятельности СОПС.

К середине 1930-х гг. приток ведомственных средств значительно сократился. Это было отчасти связано с тем, что СОПС предоставил наркомату необходимые для решения его практических задач результаты, и наркомат больше не нуждался в проведении столь интенсивных экспедиционных изысканий. Отчасти СОПС не смог эффективно конкурировать с отраслевыми научными учреждениями, которые были в большей степени нацелены на проведение прикладных исследований. В этих условиях СОПС значительно активизировал взаимодействие с региональными властями, которые могли стать новым источником финансовых ресурсов. Заинтересованность властей, в свою очередь, объяснялась тем, что академические исследования подготавливали научное обо-

снование для промышленного освоения их территорий. Для активизации работы в этом направлении СОПС организовывал многочисленные конференции и совещания по изучению производительных сил отдельных республик и областей.

Одним из наиболее крупных мероприятий подобного рода стала первая конференция по изучению производительных сил БМАССР. Она проводилась 1–10 апреля 1934 г. в Ленинграде. В состав ее президиума вошли президент Академии наук А.П. Карпинский, непререкаемый секретарь Академии наук В.П. Волгин, председатель СОПС И.М. Губкин, академики В.Л. Комаров, В.М. Алексеев, А.А. Борисак, Н.С. Державин, Г.М. Кржижановский, Н.Я. Марр, В.А. Обручев, А.С. Орлов, А.Н. Самойлович, С.И. Солнцев, а также председатель ЦИК и СНК БМАССР Д.Д. Доржиев, председатель Госплана БМАССР В.К. Ананьин, представители Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б), ЦИК БМАССР, наркоматов БМАССР и Госплана СССР. Всего в работе конференции приняли участия представители более 100 научных и хозяйственных учреждений [Резолюции..., 1934, с. 57–58].

В рамках четырех секций было заслушано 52 доклада, в которых подводились итоги научно-исследовательских работ, осуществленных на территории Бурят-Монголии в советский период [Отчет..., 1935, с. 474]. Наряду с проблемами, связанными с развитием промышленности, транспорта, сельского, лесного и водного хозяйства республики, на конференции широко обсуждались изыскания гуманитарной направленности. На секции национального культурного строительства и здравоохранения под председательством Н.Н. Поппе были, в частности, представлены доклады, посвященные различным аспектам востоковедения, археологии, музейного дела. Но центральное место при этом заняли вопросы, связанные с национальным языком, литературой и новой латинизированной письменностью. Во многом это объяснялось запросом руководства республики, заинтересованного в развитии народного образования, что подразумевало преподавание на едином национальном языке. Ц. Дондубон, представлявший Наркомпрос БМАССР, так обозначил данную задачу: «Принцип воспитания и обучения на родном языке [...] остается основным принципом национально-просветительской политики и на последующий период. Под родным языком, на котором строится воспитание, обучение и вся культурно-просветительская работа, следует понимать только живой, разговорный язык масс, язык ребенка, его семьи, быта, окружения, язык наиболее понятный и доступный ему. Понятие “родной язык” в условиях Бурят-Монгольской республики предполагает именно единый ново-литературный язык, создаваемый на основе живого разговорного

языка» [Проблемы Бурят-Монгольской..., 1936, с. 334].

Научное событие получило высокую оценку со стороны республиканского руководства. На расширенном заседании Президиума СОПС в сентябре 1934 г. представитель БМАССР отметил, что апрельская конференция изменила ситуацию, когда «изучению Бурято-Монголии со стороны Академии наук, хотя и уделялось значительное внимание, но это изучение проводилось по отдельным вопросам, не было связано единой идеей, единым комплексом этого вопроса» (цит. по: [Свержевская, 2013, с. 142]).

Однако даже несмотря на масштабы и научную значимость проведенной конференции, исследования СОПС на территории БМАССР во второй половине 1930-х гг. продолжены не были. Этот период характеризуется сокращением объемов экспедиционной работы СОПС на востоке страны, что было связано с общей переориентацией государственных органов на приоритетное развитие потенциала западных регионов. Вернуться к изучению БМАССР Совет смог только в 1950-е гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении 1930-х гг. СОПС являлся довольно эффективным инструментом, позволявшим АН СССР привлекать дополнительное финансирование со стороны ведомств и региональных бюджетов, заинтересованных в изучении природных ресурсов отдельных территорий. Для того чтобы применение вновь полученных средств не ограничивалось при этом узким кругом вопросов, в момент организационного оформления СОПС руководство Академии наук стремилось дать максимально широкую трактовку самому понятию «производительные силы», настаивая на включении в его содержание человека, а значит, открывая более широкие перспективы для тематического разнообразия проводившихся по линии Совета экспедиционных работ.

В условиях открывавшихся финансовых возможностей Академия наук была в первую очередь заинтересована в исследовании тех территорий, которые ранее были для нее малодоступны, в том числе Бурят-Монголии. Специфика республики в свою очередь формировала запрос на проведение экспедиций гуманитарного характера, в результате чего в первом для СОПС полевом сезоне 1931 г. в БМАССР были организованы изыскания антропологического, лингвистического и этнографического профиля. В ходе этих исследований СОПС отработывал механизмы взаимодействия с республиканскими властями и заинтересованными организациями, оперативно корректируя планы работ в соответствии с их практическими запросами.

Однако попытки Академии наук привлечь посредством СОПС дополнительное финансирование для тематических исследований, напрямую не связанных с практическими задачами заинтересованных ведомств, не увенчались успехом. Гуманитарные экспедиции были полностью вытеснены из экспедиционного плана СОПС и в дальнейшем находились в ведении профильных академических институтов. Изучение природных ресурсов БМАССР также оставалось для СОПС недоступным, поскольку в 1930-х гг. республика оказалась на периферии крупных народнохозяйственных проектов. Широкомасштабные комплексные изыскания на территории БМАССР стали возможны только в 1950-е гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аюшеева М.В., Ринчинова О.С., Цыпилова С.С. Экспедиционная деятельность Бурят-Монгольского ученого комитета (1922–1929) // *Культура Центральной Азии: письменные источники*. 2017. № 10. С. 135–154.
- Базарова Г.Д. Экспедиционная деятельность в академических учреждениях Бурятии в 20–50-е гг. XX в. и ее значение для развития науки в регионе // *Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН*. 2020. № 4. С. 50–56.
- Баикуев В.Ю. Буддизм и тибетская медицина в контексте научно-медицинского изучения монгольских народов (1920-е–1930-е гг.) // *Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН*. 2014. № 4. С. 276–281.
- Баикуев В.Ю. Советские медицинские и антропологические экспедиции в Бурят-Монгольскую АССР (1920-е – начало 1930-х гг.): евгенический подтекст проекта социалистического национал-строительства // *Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН*. 2015. № 2. С. 54–63.
- Баикуев В.Ю. Медицинские и антропологические экспедиции в Бурят-Монгольскую АССР в 1920 – начале 1930-х годов // *Иркутский историко-экономический ежегодник*: 2016. Иркутск, 2016. С. 219–227.
- Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы 5–11 апреля 1931 г.: стеногр. отчет. М.; Л., 1931. 431 с.
- Доржиев Д.Л. Преследования буддийского духовенства и верующих в Бурят-Монгольской АССР в ходе антирелигиозной кампании начального этапа коллективизации сельского хозяйства // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 8. С. 77–82.
- Материалы Бурят-Монгольской антропологической экспедиции 1931 года. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. Ч. 1. Обзор работ экспедиции / ред. Н.М. Маторин. 102 с.
- Номогоева В.В. Развитие науки в Бурятии в 20–30-е годы XX века // *Исследователь/Researcher*. 2009. № 3–4. С. 150–157.
- Островская Е.П. Ленинградская буддология в начале 1930-х годов // *Письменные памятники Востока*. 2010. № 2. С. 231–246.
- Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году. М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1935. 612 с.
- Плеханова А.М. Историческая наука в Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг.: особенности становления // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15, № 5. С. 993–1007.
- Плеханова А.М., Ванчикова Ц.П. Гуманитарные научные исследования в Бурятии в 1930–1940-е гг.: достижения и проблемы (на материалах Государственного института культуры / Государственного института языка, литературы и истории) // *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2021. Т. 13, № 3. С. 450–466.

Поппе Н.Н. Лингвистическая экспедиция в Бурят-Монгольской АССР // *Вестн. АН СССР*. 1932. №1. С. 34.

Поппе Н.Н. Пути повышения речевой культуры западных бурят // *Культура Бурятии*. 1932. №1. С. 24–32.

Поппе Н.Н. Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 132 с.

Проблемы Бурят-Монгольской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 2. 448 с.

Резолюции первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 68 с.

Свержевская М.И. Научные мероприятия Совета по изучению производительных сил АН СССР для исследования восточных территорий в 1931–1941 гг. // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология*. 2013. Т. 12, вып. 8. С. 139–145.

Синицын Ф.Л. Советская политика в отношении буддийской системы здравоохранения в 1920–1930-е гг.: реформы и репрессии // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России*. 2012. № 2. С. 91–104.

Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР. Деятельность в восточных регионах. Документы и хроника, 1930–1960 / Новосибирский гос. ун-т [и др.]. Новосибирск, 2013. 477 с.

Хартанович М.В. Бурят-Монгольская антропологическая экспедиция 1931 г. // *Наука из первых рук*. 2011. № 3. С. 84–91.

REFERENCES

- (1931). All-Union conference on planning research work, April 5–11, 1931: verbatim report. Moscow, Leningrad, 431 p. (In Russ.)
- Ayusheeva M.V., Rinchinova O.S., Tsybilova S.S. (2017). Field studies of the Buryat-Mongolian Scientific Committee (1922–1929). *Kul'tura Tsentral'noy Azii: pis'mennye istochniki*. No. 10, pp. 135–154. (In Russ.)
- Bashkuev V.Yu. (2014). Buddhism and Tibetan medicine in the context of scientific and medical study of the Mongolian peoples (1920s – 1930s). *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 4, pp. 276–281. (In Russ.)
- Bashkuev V.Yu. (2015). Soviet medical and anthropological expeditions to the Buryat-Mongolian ASSR (1920s – early 1930s): the eugenic implication of a socialist nation-building project. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 2, pp. 54–63. (In Russ.)
- Bashkuev V.Yu. (2016). Soviet medical and anthropological expeditions to the Buryat-Mongolian ASSR in 1920 – early 1930s. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik*: 2016. Irkutsk, pp. 219–227. (In Russ.)
- Bazarova G.D. (2020). Expedition activity in academic institutions of Buryatia in the 20–50s of the XX century and its significance for the development of science in the region. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 4, pp. 50–56. (In Russ.)
- Dorzhiev D.L. (2017). Persecutions of the Buddhist clergy and believers in the Buryat-Mongolian ASSR during anti-religious campaign of the initial period of agriculture collectivization. *Istoricheskoe, filosofskoe, politicheskoe i yuridicheskoe nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 8, pp. 77–82. (In Russ.)
- Khartanovich M.V. (2011). Buryat-Mongolian anthropological expedition of 1931. *Nauka iz pervykh ruk*. No. 3, pp. 84–91. (In Russ.)
- Poppe N.N. (1932) Linguistic expedition in the Buryat-Mongolian ASSR. (1932). *Vestnik Akademii nauk SSSR*. No. 1, pp. 34. (In Russ.)
- Matorin N.M. (ed.) (1933). Materials of the Buryat-Mongolian anthropological expedition of 1931. Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, pt. 1. Overview of the expedition's work, 102 p. (In Russ.)
- Nomogoeva V.V. (2009). Development of science in Buryatia in the 20–30s of the XX century. *Issledovatel'/Researcher*. No. 3–4, pp. 150–157. (In Russ.)

Ostrovskaya E.P. (2010). Leningrad Buddhist studies in the beginning of the 1930s. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. No. 2, pp. 231–246. (In Russ.)

Plekhanova A.M. (2022). Historical science in Buryat-Mongolia, 1920s–1930s: peculiarities of formation analyzed. *Oriental Studies*. Vol. 15, no 5, pp. 993–1007. (In Russ.)

Plekhanova A.M., Vanchikova Ts.P. (2021). Achievements and problems of humanities research in Buryatia, 1930s–1940s: a case study of Buryat-Mongol State Institute of Culture (1929–1936) and Buryat-Mongol State Institute of Language, Literature and History (1936–1944). *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*. Vol. 13, no. 3, pp. 450–466. (In Russ.)

Poppe N.N. (1932). Ways to improve the speech culture of Western Buryats. *Kul'tura Buryatii*. No. 1, pp. 24–32. (In Russ.)

Poppe N.N. (1934). Language and collective farm poetry of the Buryat-Mongols of the Selenginsky aimag. Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 132 p. (In Russ.)

(1936). Problems of the Buryat-Mongolian ASSR. Vol. 2. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 448 p. (In Russ.)

Sinitsyn F.L. (2012). Soviet policy towards Buddhist healthcare system in 1920s – 1930s: reforms and repression. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. No. 2, pp. 91–104. (In Russ.)

(1935). Report on the activities of the Academy of Sciences of the USSR in 1934. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 612 p. (In Russ.)

(1934). Resolutions of the first conference for the study of the productive forces of the Buryat-Mongolian ASSR. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 68 p. (In Russ.)

Sverzhevskaya M.I. (2013). Scientific activities of the Council for the Study of Productive Forces of the Academy of Sciences of the USSR for the study of eastern territories in 1931–1941. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 12, no. 8, pp. 139–145. (In Russ.)

(2013). The Council for the Study of Productive Forces of the Academy of Sciences of the USSR. The activities in the eastern regions. Documents and chronicle, 1930–1960. Novosibirsk, 477 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.03.2023

Дата рецензирования 12.05.2023

Статья принята к публикации 15.05.2023

DOI: 10.15372/HSS20230213

УДК 94:631.1+930(470)"1954/1964"

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

СТРОИТЕЛЬСТВО СОВХОЗОВ И УКРУПНЕНИЕ КОЛХОЗОВ В СЕРЕДИНЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг. ПО РАБОТАМ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙИнститут истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

Цель настоящего исследования – выявить особенности освещения советскими историками, экономистами, публицистами вопросов строительства совхозов и укрупнения колхозов в середине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Выделяются три этапа развития историографии: 1953–1964 гг. («оттепель») – изучение темы по «горячим следам» событий; эпоха «застоя», продолжавшаяся с 1965 г. и до середины 1980-х гг.; «перестройка» – вторая половина 1980-х – 1991 г. Установлено, что советские авторы ввели в научный оборот значительный объем конкретно-исторической информации по теме, но для полного и объективного отображения анализируемых процессов ее оказалось недостаточно. Созданию достоверной картины совхозного строительства и укрупнения колхозов рассматриваемого периода препятствовала методологическая несвобода исследователей.

Ключевые слова: историография, совхозы, колхозы, «совхозизация», аграрная политика, сельское хозяйство, Н.С. Хрущев.

Для цитирования: Андреев С.Н. Строительство совхозов и укрупнение колхозов в середине 1950-х – первой половине 1960-х гг. по работам советских исследователей // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 102–108. DOI: 10.15372/HSS20230213.

S.N. ANDREENKOV

CONSTRUCTION OF STATE FARMS AND CONSOLIDATION OF COLLECTIVE FARMS IN THE MID-1950s – FIRST HALF OF THE 1960s IN THE WORKS OF SOVIET RESEARCHERSInstitute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The analysis of the problems of the mass organization of state farms and the consolidation of collective farms in the mid-1950s – early 1960s (Khrushchev's "state farmization" of agriculture) is one of the most important directions in the study of the agrarian history of the USSR. These activities were carried out in order to intensify agriculture and were part of the program of building communism. The purpose of the study is to identify the features of the coverage of this problem by Soviet researchers: historians, economists, publicists. There are three stages in the development of historiography: 1953–1964 ("thaw") – the period of studying the issue in "hot pursuit" of events; the era of "stagnation", which lasted from 1965 until the mid-1980s; time of "perestroika" (second half of the 1980s – 1991). The scientific and historical research on the development of the collective farm and state farm system during the Khrushchev decade began in the mid-1960s. In their works, the historians took into account the guidelines of the supreme authority. The publications highlighted the achievements of socialist agricultural enterprises and emphasized the efficiency and non-alternativeness of the collective farm and state farm system. The policy of transforming collective farms into state farms was considered an appropriate undertaking, but the voluntarist forcing of this process that took place under N.S. Khrushchev was sharply condemned. During the years of "perestroika", the researchers focused on the shortcomings of the state farm and collective farm village, sharp nihilistic assessments of the Soviet agrarian system appeared, and discussions of alternative options for its development took place. Voluntary peasant associations and individual farms were opposed to large state-owned agricultural enterprises. Throughout the Soviet period, a wide range of scientists of the USSR analyzed the development of the collective farm and state farm system of the mid-1950s – early 1960s, they introduced into scientific circulation a significant amount of specific-historical information, although the data provided to the researchers were not enough for comprehensive and objective demonstration of the analyzed processes. The researchers encountered the lack of methodological freedom, which hindered the creation of a reliable picture of the construction of state farms and the consolidation of collective farms in the period under consideration.

Key words: historiography, state farms, collective farms, "state farmization", agrarian policy, agriculture, N.S. Khrushchev.

Статья выполнена по теме государственного задания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX – начала XXI вв.» (FWZM-2021-0003).

Сергей Николаевич Андреев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9361-0104>.

Sergey N. Andreenkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Становление, развитие и функционирование колхозно-совхозной системы – одно из важных направлений исследований по аграрной истории СССР. К научно-историческому анализу проблемы побуждает необходимость создать объективную картину трансформации аграрного строя страны в целом, что особенно ценно в контексте успехов современного российского агропрома. Раскрыть особенности развития советской аграрной модели невозможно без достоверных представлений о деятельности крупных советских (государственных) хозяйств – совхозов (госхозов).

Совхозы в массовом порядке создавались в первой половине 1930-х гг. на свободных (не занятых крестьянскими угодьями) землях за счет государственных средств. В отличие от коллективных хозяйств (колхозов), совхозы использовали интенсивные методики хозяйствования, так как лучше обеспечивались квалифицированными кадрами, современной машинной техникой, электроэнергией, помещениями. Здесь был выше уровень агротехники, семеноводства, племенного дела.

Вклад госхозов в сельхозпроизводство оказался небольшим. Содержание госхозов стоило дорого, а их рабочие, несмотря на лучшие условия для жизни и производственной деятельности, трудились с низкой отдачей. Поэтому уже во второй половине 1930-х гг. реализация программы массового совхозного строительства была свернута. Численность госхозов сократилась. Основной их задачей стала пропагандистская демонстрация преимуществ и достижений крупного социалистического хозяйства.

В середине 1950-х гг. масштабное совхозное строительство возобновилось по инициативе Н.С. Хрущева. Госхозы создавались на целинных и залежных землях степной зоны Казахстана, Урала и Сибири как с нуля, так и на базе экономически отставших колхозов. Главной специализацией совхозов здесь являлось производство зерна. В старопашотных регионах значительное количество государственных хозяйств было образовано на базе пригородных колхозов с целью обеспечения городского населения животноводческой и овощеводческой продукцией. Размеры совхозов увеличивались.

Одновременно проводилось укрупнение колхозов, что способствовало их фактическому огосударствлению. В начале 1960-х гг. коллективные хозяйства уже мало чем отличались от государственных. Колхозно-совхозная система трансформировалась в совхозно-колхозную. Организационным ядром сельского хозяйства в рамках новой системы становились крупные государственные индустриализированные сельхозпредприятия, использующие труд наемных сельскохозяйственных рабочих. Совхозно-колхозная

система предусматривала ускорение процесса урбанизации деревни: ликвидацию «неперспективных» деревень и создание благоустроенных агрогородов.

Роль совхозного строительства и укрупнения колхозов в годы правления Н.С. Хрущева (хрущевская «совхозизация» сельского хозяйства) в настоящее время успешно анализируется историками (см., напр.: [Андреенков, 2016; Васильев, 2012; Трофимова, 2013; Шлыкова, 2008]). Как известно, при изучении любой темы важно учитывать конкретно-исторические и теоретические наработки исследователей предшествующих поколений и эпох, поэтому в настоящей статье мы рассмотрим особенности изучения «совхозизации» середины 1950-х – начала 1960-х гг. отечественными авторами на советском этапе.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»

Исследования особенностей развития советской колхозно-совхозной системы проводились по горячим следам событий. Функционированию хозяйств уделялось внимание в основном в научных и научно-популярных публикациях экономистов и историков партии, которые являлись свидетелями этих процессов. Аналитический уровень самых первых работ был низким. Источниковой базой для них служили, как правило, партийно-государственные постановления, речи руководителей страны, информационные сводки из газет. Изложение материала имело характер иллюстраций решений органов верховной власти как в области управления, так и трактовке результатов их выполнения.

Историки, экономисты, публицисты демонстрировали в своих работах «крутой подъем» сельского хозяйства – успехи, достигнутые руководством страны в работе по восстановлению и дальнейшему развитию отрасли. Сложившийся благодаря массовой коллективизации аграрный строй считался закономерным и эффективным механизмом развития деревни, поскольку ускорял процессы механизации и электрификации сельскохозяйственного производства, позволял производить больше сельхозпродукции. После смерти И.В. Сталина тема «крутого подъема» сельского хозяйства раскрывалась в работах, посвященных выполнению постановлений сентябрьского 1953 г. и «целинного» февральско-мартовского пленумов ЦК КПСС 1954 г.

В научной и научно-популярной литературе по сельскому хозяйству доминировала колхозная проблематика, что обуславливалось признанием колхозов по итогам коллективизации решающей силой социалистической реконструкции села. Совхозная тематика стала приобретать популярность в связи с началом в 1954 г. целинной кампании. Освещались процессы создания и функционирования госхозов на новых землях, политика преобразования в совхозы

экономически слабых колхозов как на вновь осваиваемых, так и на старопахотных землях, процессы укрупнения государственных и коллективных сельхозпредприятий (см., напр.: [Год работы..., 1955; Косых, 1959; Развитие колхозной собственности..., 1961; Семин, 1961; Погорелов, 1964]).

Развернувшаяся в середине 1950-х гг. работа по организации госхозов рассматривалась как продолжение совхозного строительства, проводившегося в первой половине 1930-х гг. и остановленного И.В. Сталиным. Н.С. Хрущев считал, что будущее аграрной сферы экономики страны зависит именно от совхозов. Их массовое создание в сочетании с укрупнением колхозов должно было, по его мнению, ускорить приближение коммунизма.

В начале 1960-х гг. в сельском хозяйстве стали усиливаться негативные явления. Значительная часть государственных хозяйств, как и укрупненных колхозов, отличалась низкой продуктивностью. Крупными сельхозпредприятиями было сложно управлять, в них нарастали процессы отчуждения труда. Совхозная система требовала крупных капиталовложений, которых не получала. Низкая продуктивность сельхозпредприятий в сочетании с падением урожайности зерновых культур на целинных и залежных землях, сокращением объемов производства сельхозпродукции в индивидуальных хозяйствах населения и другими обстоятельствами способствовала обострению продовольственного дефицита. В связи с этим одним из важных направлений изучения совхозов и колхозов стал анализ факторов, как способствовавших развитию кадровой и материально-технической базы сельхозпредприятий, так и сдерживавших его (см., напр.: [Пушкарев, 1962; Чураков, 1964]).

Форсирование процесса преобразования колхозов в совхозы было признано верховной властью экономически необоснованной политикой. В 1963 г. на недопустимые перегибы, допущенные в проведении этой работы, указал Н.С. Хрущев, что зададо тон оценок итогов совхозного строительства в научной литературе. В статье Ю.В. Арутюняна отмечалось, что использовавшаяся в последние годы практика реорганизации колхозов в совхозы «не может служить столбовой дорогой сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной» [Арутюнян, 1963, с. 413].

Суть проблемы более детально раскрывается в книге Н.С. Погорелова, где говорится о том, что Н.С. Хрущев всегда выступал за равномерное развитие и колхозов, и совхозов, а вот И.В. Сталин противопоставлял их друг другу. В 1930-х – начале 1950-х гг. многие колхозы были настолько истощены экономически необоснованной ценовой, заготовительной и налоговой политикой государства, что самостоятельно уже не могли встать на ноги, и после

смерти И.В. Сталина правительству пришлось взять их на госбюджет. Однако в конце 1950-х – начале 1960-х гг. данный процесс зашел слишком далеко, и виновны в этих пережестках «некоторые экономисты», «отдельные товарищи» и «местные руководители», которые убеждали Центр в необходимости ускоренного и повсеместного преобразования колхозов в совхозы, фактически являющегося ошибочной мерой [Погорелов, 1964, с. 58–74].

ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА «ЗАСТОЯ»

Со второй половины 1960-х гг. началось сравнительно более глубокое научно-историческое осмысление особенностей развития совхозно-колхозной системы в предшествующее десятилетие. Совхозную тематику (формирование и функционирование хозяйств, их техническое и кадровое обеспечение, преобразование колхозов в совхозы) изучали В.П. Медников [1967], М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин [1972; 1976], К.И. Панкова [1973], Н.С. Тонаевская [1978], А.П. Тюрина [1983] и др.

В исследовании указанных проблем историкам следовало опираться на официальные подходы к изучению советского аграрного строя. В наиболее развернутом виде они были сформулированы С.П. Трапезниковым. Его концепция превалировала в историографии до середины 1980-х гг.

По мнению С.П. Трапезникова, социалистическая реорганизация деревни осуществлялась по трем направлениям: по линии создания совхозов, машинно-тракторных станций (МТС) и колхозов. Появились два однородных типа общественных хозяйств – государственные (совхозы и МТС) и кооперативные (колхозы). «Теперь проверено временем и подтверждено многолетней практикой, – пишет он, – что этот путь социалистической реорганизации сельского хозяйства являлся правильным не только в СССР, но оказался в той или иной мере приемлемым и для других социалистических стран <...>» [1974, с. 560–561]. Признание сформированной И.В. Сталиным системы хозяйств правильной ставило под сомнение целесообразность ее последующей перестройки, осуществленной при Н.С. Хрущеве.

К аграрным преобразованиям Н.С. Хрущева властные круги относились скорее как к негативному управленческому опыту, хотя ошибочной признавалась только часть его начинаний: форсированное преобразование колхозов в совхозы, кукурузная кампания, поспешная ликвидация машинно-тракторных станций, гонения на личные подсобные хозяйства населения.

При анализе причин замедления темпов развития сельского хозяйства в начале 1960-х гг. исследователи в первую очередь обращали внимание на проявления субъективизма и волюнтаризма в руководя-

щей работе Н.С. Хрущева. О существовании данных негативных явлений и их вредоносном воздействии на развитие сельского хозяйства говорилось в материалах октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г., отстранившего лидера партии от власти [Как снимали Н.С. Хрущева..., 1993]. Прозвучавшая на пленуме критика в адрес Н.С. Хрущева определила отношение историков к его аграрным мероприятиям на последующие двадцать лет. Связывая неудачи в работе партии и правительства с ошибочными решениями первого секретаря ЦК КПСС, его имя правящие круги страны, а вслед за ними исследователи упоминали крайне редко. Реальная роль главы партии в постсталинских аграрных преобразованиях, по сути дела, стала обстоятельно анализироваться только в годы «перестройки» (см., напр.: [Русинов, 1988]).

У высшей элиты вызвали раздражение поспешность и радикальность инициатив Н.С. Хрущева, его стремление опередить время: создать социально-экономические структуры и отношения, которые должны появиться лишь в будущем, причем не самом близком. Форсирование процесса реорганизации колхозов в совхозы считалось наиболее существенной ошибкой. На мартовском пленуме ЦК КПСС 1965 г. Л.И. Брежнев говорил о том, что необходимо одновременно и соразмерно развивать и колхозную, и совхозную формы хозяйствования. «На современном этапе, – заявил он, – наша обязанность состоит не в том, чтобы ускорять превращение одной формы в другую, а всемерно способствовать развитию и процветанию обоих типов общественного хозяйства» [Брежнев, 1974, с. 91].

В публикациях экономистов в связи с такого рода заявлениями обосновывался тезис о том, что в политике преобразования колхозов в совхозы проявилась недооценка и своеобразное недоверие к кооперативной форме хозяйства, что эта мера себя экономически не оправдала или мало оправдала (см., напр.: [Венжер, 1965, с. 114]). Историки в свою очередь подчеркивали, что в 1950-е гг. политика преобразования колхозов в совхозы имела вынужденный характер, была обусловлена особыми обстоятельствами, прежде всего экономической слабостью некоторых сельхозартелей, оказавшихся не в состоянии поднять общественное производство собственными силами. «Вместе с тем, – писала А.П. Тюрина, – на ускорение темпов преобразования колхозов в совхозы существенное воздействие оказали волонтаристские перегибы в аграрной политике, забегание вперед в определении перспектив существования колхозной собственности, недооценка ее потенциальных возможностей в дальнейшем развитии общественного сельского хозяйства» [1983, с. 7].

Слияние колхозов и совхозов в единую общенародную собственность считалось закономерным

процессом, но все же делом отдаленного коммунистического будущего. При этом о коммунизме вообще много старались не говорить. Эпоха создания материально-технической базы коммунизма, о начале которой еще в 1959 г. возвестил внеочередной XXI съезд партии, стала называться эпохой «развитого социализма». Если в первом варианте планирования будущего начавшийся в 1959 г. период общественного развития имел переходный характер и свой финал – коммунизм, то во втором – являлся особой стадией, которая могла длиться сколь угодно долго.

Важно отметить, что ошибочной стратегией признавалось только форсирование темпов преобразования колхозов в совхозы в старопроходных регионах, политика массового строительства государственных хозяйств в районах освоения целинных и залежных земель не оспаривалась. Л.И. Брежнев считал ее важным прогрессивным шагом, обозначенным еще В.И. Лениным. Быстро освоить слабо заселенные многоземельные территории можно было только при помощи государства. Совхозное строительство на новых землях и целинная кампания в целом получали комплиментарные оценки еще и потому, что Л.И. Брежнев являлся активным и непосредственным участником этих процессов.

Своеобразным итогом развития советского этапа изучения истории совхозно-колхозной системы послевоенного двадцатилетия стали имеющие фундаментальный характер 4-й том «Истории советского крестьянства» [1988] и «Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма» [1985] (4-й том «Истории крестьянства Сибири»), вышедшие в свет уже на излете советской эпохи, когда разворачивались судьбоносные для страны реформы. В указанных трудах не только обобщался накопленный материал, но и вводился в научный оборот широкий круг новых фактических данных.

Концептуальные подходы этих исследований имели очевидные недостатки. Превалировали официозные оценки аграрной политики государства. Деятельность партии и правительства по руководству сельским хозяйством показана в целом как мудрая и дальновидная политика, достигающая всех поставленных целей. А кризисные явления обуславливались воздействием внешних факторов, несовершенством экономических отношений между колхозами и государством, администрированием, субъективными оценками в руководстве сельским хозяйством.

Хронологическое завершение работ концом 1950-х гг., когда, по мнению их авторов, социализм окончательно победил и сложились предпосылки вхождения в «развитый социализм», не позволило довести изучение аграрных преобразований Н.С. Хрущева до логического конца. Возможности сформировать общее объективное представление о результатах

реализации аграрной политики и функционирования совхозно-колхозной системы на рассматриваемом этапе ограничивал и присущий данным трудам колхозно-крестьянский уклон.

О развитии совхозов, колхозов и личных хозяйств населения Сибири в начале 1960-х гг. читатель мог узнать в 5-м томе серии «История советского крестьянства» «Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг.» [1991]. Том отличается более решительной критикой аграрной политики КПСС и советского аграрного строя. Но об их пороках говорится в основном во введении, подготовленном Н.Я. Гущиным. «Разорванная» между двумя эпохами хрущевская «совхозизация» проанализирована им как единая организационно-хозяйственная стратегия государства.

По мнению Н.Я. Гущина, в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. укрупнение колхозов и совхозов рассматривалось официальной пропагандой как концентрация производства, а на деле оно вело к еще большей его централизации и снижению эффективности. К подобным же негативным результатам приводили необоснованное преобразование жизнеспособных колхозов в совхозы, а также курс на ликвидацию многих тысяч сел и деревень, объявленных «неперспективными». Вследствие указанных причин в первой половине 1960-х гг. произошло замедление темпов развития сельского хозяйства. В Сибири эти негативные тенденции проявились еще сильнее [Крестьянство и сельское хозяйство..., 1991, с. 8–9]. Критические оценки государственной аграрной политики и совхозно-колхозной системы были не только результатом многолетней исследовательской работы, но своеобразной данью политическим нарративам эпохи «перестройки».

ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Во второй половине 1980-х гг. отношение широких слоев общества и экспертных кругов к сформированному в СССР социалистическому строю было довольно критическим. Верховная власть предоставила исследователям доступ к ранее засекреченным архивам и в то же время направила их творческую энергию на выявление пороков административно-командной системы.

Исследователи аграрной истории СССР стали акцентировать внимание на таких негативных явлениях в руководстве колхозами и совхозами, как формализм, кампанейщина, администрирование (см., напр.: [Ильиных, 1988]), игнорирование научно и практически обоснованных предложений ученых и практиков. Появились публикации, в которых анализировались причины возникновения эрозий целинных почв и отмечалась недооценка важности применения на новых землях почвозащитной агротехники

(см., напр.: [Рычков, 1988]). Исследователи обращали внимание на способы преодоления недостатков в функционировании колхозов и совхозов, в частности, на развитие коллективного подряда (см., напр.: [Никулина, 1988]). Появились публикации, высвечивавшие негативные последствия политики сселения «неперспективных» деревень (см., напр.: [Русинов, 1990]).

Популярным стало мнение о том, что сформировавшийся аграрный строй в принципе не может быть эффективным, поскольку является детищем сталинской репрессивной политики и противоречит интересам крестьян. В дискуссиях о прошлом, настоящем и будущем советской деревни наиболее жесткой критике совхозно-колхозную систему подвергли публицисты. Таким последовательным критиком советского аграрного строя являлся писатель Ю.Д. Черниченко. Он считал, что долгосрочная цель коллективизации – создание государственных хозяйств и превращение крестьян в их наемных рабочих – являлась, по меньшей мере, эфемерной установкой. Собственность колхозов и совхозов, появившаяся в результате насильственного обобществления имущества крестьян, никогда не была и не станет эффективной, так как будет бесконечно разворовываться работниками сельхозпредприятий, всегда желающими увеличить личную собственность. Предприятия расходуют значительные силы на борьбу с хищениями: возводят заборы, стены, устанавливают решетки, роют каналы, укрепляют административные механизмы надзора за кадрами, пытаются хищения свести к управляемым процессам. Все это роднит совхозно-колхозную систему с «тюремным» хозяйством [Черниченко, 1997, с. 15–28].

О порочности стратегии укрупнения, централизации и огосударствления производственных структур сельского хозяйства говорили и многие профессиональные историки. Так, на круглом столе с повесткой «Коллективизация: истоки, сущность последствия», проходившем в Москве 24 октября 1988 г., В.П. Данилов отметил: «Попытки решать проблемы колхозно-совхозного производства с позиций “крупнопромышленного” догматизма предпринимались и в 60-х, и 70-х гг. вплоть до самого последнего времени. Уяснение порочности таких попыток, прежде всего несостоятельности беспредельного “укрупнения” производства, стало одной из важнейших предпосылок перестройки в сельском хозяйстве» [Коллективизация..., 1989, с. 16–17]. Вместе с тем он выступал против ликвидации совхозов и колхозов и за развитие их как подлинно добровольных и самостоятельных объединений крестьян. Эти идеи разделяли такие крупные специалисты по аграрной истории, как Н.Я. Гущин и И.Е. Зеленен.

В полемике о путях развития совхозно-колхозного строя принимали участие и представители эко-

номической школы В.Г. Венжера, для которых кооперативное начало в работе сельхозпредприятий, их крупные размеры и взаимовыгодные отношения с государством и друг с другом оставались залогом успешного развития аграрного производства. В 1990 г. В.Г. Венжер говорил, что допускает «самороспуск» крупных предприятий и частичное возвращение к мелким, но отвергал путь массового возрождения индивидуальных крестьянских хозяйств, ведущих к колоссальной растрате производительных сил, считая, что крупное производство (колхозы и совхозы) «следует оберегать и всеми силами стремиться к тому, чтобы они были рентабельными» (цит. по: [Фигуровская, 2015, с. 69]).

Дискуссии периода «перестройки» о путях развития совхозно-колхозной системы определили направления исследований и характер оценок эффективности советского аграрного строя на постсоветском этапе историографии темы. В 1990-е гг. доминировали нигилистические концепции, отрицавшие целесообразность не только хрущевской «совхозизации», но и коллективизации крестьянства вообще. Лишь в 2010-е гг. колхозы и совхозы большинством историков были признаны своеобразным механизмом модернизации сельского хозяйства страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в советский период развитие совхозно-колхозной системы анализировалось широким кругом отечественных ученых, которые ввели в научный оборот значительный объем конкретно-исторической информации. Хотя для полного и объективного отображения анализируемых процессов данных, предоставленных исследователям, было недостаточно. Созданию достоверной картины совхозного строительства и укрупнения колхозов рассматриваемого периода мешала необходимость учитывать доктринальные установки и мнение верховной власти. До середины 1980-х гг. на первый план в публикациях ставились достижения крупных социалистических сельхозпредприятий, а направленность и жесткость критики недостатков в их работе и функционировании аграрной системы в целом зависели от текущей политической конъюнктуры. В обобщающих трудах по истории крестьянства, вышедших на излете советского периода истории, превалировали официозные оценки аграрных мероприятий государства и результатов деятельности совхозов и колхозов. В годы «перестройки» активно обсуждались недостатки совхозно-колхозной деревни, появились нигилистические оценки советского аграрного строя, рассматривались альтернативные варианты его развития. Крупным государственным сельхозпредприятиям противопоставлялись добровольные крестьянские объединения и индивидуальные хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреенков С.Н. Совхозное строительство в годы «хрущевского десятилетия»: предпосылки, ход, результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 84–89.
- Арутюнян Ю.В. Особенности и значение нового этапа развития сельского хозяйства СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР: материалы науч. сессии, сост. 18–21 апр. 1961 г. в Москве. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951–1958 гг. М.: Наука, 1972. 376 с.
- Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: Краткий исторический очерк (1917–1975 гг.) / под ред. И.М. Волкова. М.: Политиздат, 1976. 279 с.
- Брежнев Л.И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М.: Политиздат, 1974. Т. 1: 1973. 544 с.
- Васильев М.С. Неперспективные села и преобразование колхозов в совхозы в 1950-х – начале 1960-х гг. (по материалам Тамбовской области) // Власть. 2012. № 2. С. 161–164.
- Венжер В.Г. Использование закона стоимости в колхозном производстве. М.: Наука, 1965. 350 с.
- Год работы новых совхозов. М.: Сельхозгиз, 1955. 208 с.
- Ильиних В.А. Трудовая активность работников сельского хозяйства Сибири в 1960–1975 гг. // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1988. С. 152–186.
- История советского крестьянства: [кол. моногр.] / отв. ред. И.М. Волков. М.: Наука, 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 1950-х гг. 499 с.
- Как снимали Н.С. Хрущева. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив. 1993. № 1. С. 3–19.
- Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–62.
- Косых А.П. Совхозы Иркутской области. Иркутск: Кн. изд-во, 1959. 148 с.
- Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма: [кол. моногр.] / отв. ред. В.Т. Анисков. Новосибирск: Наука, 1985. 398 с.
- Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг.: [кол. моногр.] / отв. ред. Н.Я. Гущин. Новосибирск: Наука, 1991. 489 с.
- Медников В.П. Партийные организации Западной Сибири в борьбе за подъем совхозного производства (1954–1958 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. 25 с.
- Никулина Е.В. Зарождение и развитие коллективного подряда в сельском хозяйстве Западной Сибири (конец 50-х – середина 1980-х гг.) // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1988. С. 225–245.
- Панкова К.И. Вопросы интенсификации и экономического стимулирования производства в совхозах. М.: Статистика, 1973. 126 с.
- Погорелов Н.С. Совхозы на пути к коммунизму (Роль совхозов в развитии производительных сил и совершенствовании социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве). Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1964. 272 с.
- Пушкарев А.Г. Развитие материально-технической базы социалистического сельского хозяйства Западной Сибири в период развернутого строительства коммунистического общества // Новосибирский электротехнический институт. Кафедры общественных наук: труды. Новосибирск, 1962. Вып. 2. С. 114–145.
- Развитие колхозной собственности в период развернутого строительства коммунизма / под ред. Н.А. Цаголова. М.: Экономиздат, 1961. 446 с.
- Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.
- Русинов И.В. «Неперспективная» деревня: от домислов к истине // Вопр. истории КПСС. 1990. № 8. С. 50–63.

Рычков А.В. Опытническое движение в Западной Сибири в годы массового освоения целинных земель // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1988. С. 145–152.

Семин С.И. Неделимые фонды и пути сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной. М.: Экономиздат, 1961. 182 с.

Тонаевская Н.С. Рабочие совхозов Западной Сибири. 1959–1965 гг. / отв. ред. В.Т. Анисков. Новосибирск: Наука, 1978. 191 с.

Трофимова А.И. Процесс экономической модернизации в совхозах РСФСР в 1930–1950-е гг. (на материалах Европейского Севера России) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20). С. 42–45

Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2 т. М.: Мысль, 1974. Т. 2: Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. 645 с.

Тюрин А.П. К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. 1983. № 5. С. 3–21.

Фигуровская Н.К. Проблемы реформирования аграрного строя // Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель: сб. стат. / под ред. Т.Е. Кузнецовой и Л.В. Никифорова. М.: ИЭ РАН. 2015. С. 36–73.

Черниченко Ю.Д. Дело было в России. М.: Моск. рабочий, 1997. 368 с.

Чураков В.Я. Резервы в использовании трудовых ресурсов колхозов и совхозов Сибири (На примере районов Новосибирской области): автореф. дис... канд. экон. наук. М., 1964. 22 с.

Шлыкова О.В. Преобразование колхозов в совхозы в 1950–1960-е гг. // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2008. № 3. С. 152–154.

REFERENCES

Andreenkov S.N. (2016). State farm construction during the «Khrushchev decade»: prerequisites, progress, results. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 23, no. 1, pp. 84–89. (In Russ.)

Arutyunyan Yu.V. (1963). Features and significance of the new stage of development of agriculture in the USSR. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva i kolkhoznogo stroitel'stva v SSSR: materialy nauch. sessii, sostoyavsheysya 18–21 apr. 1961 g. v Moskve*. Moscow, pp. 392–426. (In Russ.)

Bogdenko M.L. (1972). State farms of the USSR. 1951–1958. Moscow, Nauka, 376 p. (In Russ.)

Bogdenko M.L., Zelenin I.E. (1976). State farms of the USSR: a brief historical essay (1917–1975). Moscow, Politizdat, 279 p. (In Russ.)

Brezhnev L.I. (1974). Following Lenin's course: speeches and articles. Vol. 1. 1973. Moscow, Politizdat, 544 p. (In Russ.)

Chernichenko Yu.D. (1997). It was in Russia. Moscow, Mosk. rabochiy, 368 p. (In Russ.)

Churakov V.Ya. (1964). Reserves in the use of labor resources of collective farms and state farms in Siberia (by the example of districts of Novosibirsk region): Cand. econ. sci. diss. abstr. Moscow, 22 p. (In Russ.)

(1989). Collectivization: origins, essence, consequences: round-table discussion. *Istoriya SSSR*. No. 3, pp. 3–62. (In Russ.)

Gushchin N.Ya., Aniskov V.T. (eds.) (1985). The peasantry of Siberia in the period of socialism consolidation and development: [collective monogr.]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 398 p. (In Russ.)

Figurovskaya N.K. (2015). Problems of reforming the agrarian system. Vladimir Grigor'evich Venzher: myslitel', issledovatel', uchitel'. Moscow, pp. 36–73. (In Russ.)

Gushchin N.Ya. (ed.) (1991). Peasantry and agriculture in Siberia. 1960s – 1980s: [collective monograph]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 489 p. (In Russ.)

(1993). How Khrushchev was removed. Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. October 1964. *Istoricheskiy arkhiv*. No. 1, pp. 3–19. (In Russ.)

Il'inykh V.A. (1988). Labor activity of agricultural workers in Siberia in 1960–1975. *Sotsial'naya aktivnost' trudyashchikhsya sovetskoy sibirskoy derevni*. Novosibirsk, pp. 152–186. (In Russ.)

Kosykh A.P. (1959). State farms of the Irkutsk region. Irkutsk, Kn. izd-vo, 148 p. (In Russ.)

Mednikov V.P. (1967). Party organizations of Western Siberia in the struggle for the rise of state farm production (1954–1958): Cand. hist. sci. diss. abstr. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 25 p. (In Russ.)

Nikulina E.V. (1988). Origin and development of collective contract in agriculture in Western Siberia (late 50s – mid-1980s). *Sotsial'naya aktivnost' trudyashchikhsya sovetskoy sibirskoy derevni*. Novosibirsk, pp. 225–245. (In Russ.)

Pankova K.I. (1973). Issues of intensification and economic stimulation of production in state farms. Moscow, Statistika, 126 p. (In Russ.)

Pogorelov N.S. (1964). State farms on the way to communism. (The role of state farms in the development of productive forces and improvement of socialist production relations in agriculture). Kiev, Izd-vo Kiev. un-ta, 272 p. (In Russ.)

Pushkarev A.G. (1962). Development of the material and technical base of the socialist agriculture in Western Siberia in the period of extensive construction of a communist society. *Trudy kafedr obshchestvennykh nauk. Novosibirskiy ehlektrotekhnicheskii institut*. Novosibirsk, iss. 2, pp. 114–145. (In Russ.)

Rusinov I.V. (1988). Agrarian policy of the CPSU in the 50s – first half of the 60s: experience and lessons. *Voprosy istorii KPSS*. No. 9, pp. 35–49. (In Russ.)

Rusinov I.V. (1990). “Unpromising” village: from speculation to truth. *Voprosy istorii KPSS*. No. 8, pp. 50–63. (In Russ.)

Rychkov A.V. (1988). Experimental movement in Western Siberia in the years of mass development of virgin lands. *Sotsial'naya aktivnost' trudyashchikhsya sovetskoy sibirskoy derevni*. Novosibirsk, pp. 145–152. (In Russ.)

Semin S.I. (1961). Indivisible funds and ways of convergence of collective farm and cooperative property with national property. Moscow, Economizdat, 182 p. (In Russ.)

Shlykova O.V. (2008). Transformation of collective farms into state farms in the 1950s – 1960s. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ehkonomicheskogo universiteta*. No. 3, pp. 152–154. (In Russ.)

(1955). The year of new state farms operation. Moscow, Selkhozgiz, 208 p. (In Russ.)

Tonayevskaya N.S. (1978). Workers of state farms in Western Siberia. 1959–1965. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 191 p. (In Russ.)

Trapeznikov S.P. (1974). Leninism and the agrarian-peasant question: in 2 volumes. Vol. 2. Historical experience of the CPSU in the implementation of Lenin's cooperative plan. Moscow, Mysl', 645 p. (In Russ.)

Trofimova A.I. (2013). The process of economic modernization in the state farms of the RSFSR in the 1930s – 1950s (on the materials of the European North of Russia). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. No. 4, pp. 42–45. (In Russ.)

Tsagolov N.A. (ed.) (1961). Development of collective farm property during the extensive construction of communism. Moscow, Ekonomizdat, 446 p. (In Russ.)

Tyurina A.P. (1983). On the transformation of collective farms into state farms. *Istoriya SSSR*. No. 5, pp. 3–21. (In Russ.)

Vasil'ev M.S. (2012). Unpromising villages and the transformation of collective farms into state farms in the 1950s – early 1960s (based on materials from Tambov region). *Vlast'*. No. 2, pp. 161–164. (In Russ.)

Venzher V.G. (1965). The use of the law of value in collective farm production. Moscow, Nauka, 1965, 350 p. (In Russ.)

Volkov I.M. (ed.) (1988). History of the soviet peasantry: [collective monogr.]. Vol. 4. Peasantry during the years of consolidation and development of the socialist society. 1945 – late 1950s. Moscow, Nauka, 499 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.03.2023

Дата рецензирования 07.04.2023

Статья принята к публикации 10.04.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20230214
УДК 94+001.32(470+571)

С.В. ШАРАПОВ

ВСЕРОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА-КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ» (Новосибирск, 8–11 сентября 2022 г.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В сентябре 2022 г. в г. Новосибирске состоялась ежегодная всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых». В ней приняли участие исследователи из 15 городов России и зарубежья. Программа конференции включала научную школу, в ходе которой эксперты поделились опытом и результатами своих исследований, секционные заседания, на которых выступали с докладами уже молодые историки, и заседание круглого стола. В этом году научная школа и круглый стол были посвящены источниковедческой проблематике, вопросам выявления и интерпретации исторических источников.

Ключевые слова: конференция, научная школа, молодые ученые, актуальные проблемы исторических исследований.

Для цитирования: Шарапов С.В. Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 8–11 сентября 2022 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 109–111. DOI: 10.15372/HSS20230214.

S.V. SHARAPOV

ALL-RUSSIAN YOUTH SCIENTIFIC SCHOOL-CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION «ACTUAL PROBLEMS OF HISTORICAL RESEARCH: VIEW OF YOUNG SCIENTISTS» (Novosibirsk, September 8–11, 2022)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

All-Russian youth scientific school-conference with international participation “Actual problems of historical research: view of young scientists” took place in Novosibirsk in September 2022. It hosted researchers from 15 cities in Russia and abroad. The conference program included scientific school, during which experienced historians shared the results of their research, breakout sessions at which young historians themselves made presentations, and a round table session. This year, scientific school and round table were devoted to the problems of source studies, identification and interpretation of historical sources.

Key words: conference, scientific school, young scientists, actual problems of historical research.

Сергей Валерьевич Шарапов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3526-8088>.

Sergey V. Sharapov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

8–11 сентября 2022 г. в г. Новосибирске состоялась Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых». Своего рода миссией ежегодно проводимого научного мероприятия является организация обмена исследовательским опытом и результатами научных изысканий между представителями молодого поколения историков. В конференции очно и дистанционно принимали участие исследователи из 18 городов России и зарубежья (Барнаула, Великого Новгорода, Владивостока, Екатеринбургa, Ижевска, Иркутска, Красноярска, Магнитогорска, Москвы, Новосибирска, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Твери, Томска, Цзинаня (Китай), Якутска). Организаторами научного мероприятия выступили Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет и АНО «Свободные науки».

Конференция традиционно открылась научной школой, в ходе которой эксперты, уже обладающие научными достижениями, поделились опытом с молодыми коллегами. В этом году научная школа была посвящена вопросам выявления, анализа и интерпретации исторических источников. В.Л. Портных в своей лекции поставил проблему правомерности выделения источниковедения как дисциплины, которая бы обладала универсальным значением для историков, имеющих разную и, как правило, узкую специализацию. Д.А. Ананьев разобрал различные подходы к интерпретации понятия «историографический источник». М.А. Шибаев поделился опытом нетекстового изучения рукописных памятников древности, а В.А. Баранов рассказал о возможностях электронных лингвистических интернет-ресурсов в изучении славянских средневековых рукописных памятников. Финальная лекция научной школы, прочитанная И.Н. Данилевским, была посвящена трудностям и проблемам анализа и интерпретации ретроспективной информации, которая содержится в исторических источниках (речь в основном шла о средневековых летописях). Автор подчеркнул, что некритическое отношение к такого рода ретроспективным нарративам может приводить к путанице и искаженному представлению о прошлом.

Конференция продолжила работу на следующий день в формате секционных заседаний, в ходе которых выступали с докладами молодые историки. Секции конференции были организованы по тематическому принципу. Первая из них была посвящена вопросам источниковедения и историографии. Часть докладов фокусировалась на теоретической и практической проблематике использования отдельных видов источников. Так, доклад Г.К. Холматова был посвящен научным рецензиям как отдельному виду историографических источников. М.М. Дробышева

рассмотрела специфику работы с древнерусскими поминальными граффити, представленными в комплексе настенных надписей практически любого древнерусского храма. Д.Д. Копанева в своем докладе поставила вопрос о возможностях использования видеоигр в качестве исторического источника. В фокусе некоторых докладов находились отдельные источники (травелоги Кэтрин Гаррис, «Цветник аввы Дорофея» (1787 г.) и др.). Не меньшее внимание в рамках работы секции уделялось историографическим исследованиям: участники конференции представили свое видение достижений отечественной и зарубежной исторической науки по отдельным темам.

Вторая секция конференции была посвящена вопросам взаимодействия общества и власти в мировой истории. Подавляющее большинство докладов были сосредоточены на проблематике отечественной истории. «Диалогу» власти и общества в дореволюционной Российской империи было посвящено сразу несколько докладов. В фокусе внимания оказались деятельность Императорского Русского географического общества, отношение российского «образованного общества» к революционному терроризму в начале XX в., проблемы азиатских окраин страны и другие вопросы. Тематика взаимоотношения власти и общества в советский период рассматривалась также в разнообразных аспектах. Участники конференции исследовали конфликты большевиков и левых эсеров во второй половине 1918 г., представления политической элиты Сибири о высшем партийном руководстве периода НЭПа, «письма во власть» в годы хрущевской оттепели и другие проблемы.

Общей темой третьей секции конференции была история культуры. Тематика выступлений была столь же разнообразной, хотя и касалась исключительно истории российской/советской культуры. При этом один из докладов был посвящен культурным связям России/СССР с другими странами. Так, К.А. Беспалова рассказала о франко-русских/франко-советских контактах в области кино в 1895–1935 гг.

Следующая, четвертая секция конференции, была посвящена истории международных взаимоотношений и военного дела. Спектр тематики прочитанных докладов находился в предельно широких хронологических рамках (от Античности до наших дней). Значительная часть докладов затрагивала проблематику внешней политики России/СССР на разных исторических этапах. Рассматривалась политика русского царства по отношению к ойратам в первой половине XVII в., столкновение русской и французской дипломатии в Речи Посполитой в 1650–1660-х гг., «нефтяной» фактор во внешней политике СССР в 1939–1950 гг. и другие сюжеты. Часть выступлений была посвящена военной истории. Например, в докладе М.В. Карповой рассматривался

опыт применения военных собак на фронтах Великой Отечественной войны. Отдельный блок докладов включал исследования международных отношений на современном этапе. Рассматривалось влияние стран-членов НАТО и негосударственных акторов на политику расширения Альянса, фактор многовекторности во внешней политике Республики Казахстан в 2014–2022 гг. и другие проблемы.

Пятая секция конференции была посвящена проблемам социально-экономического развития. Все прочитанные доклады были сфокусированы на проблематике отечественной истории. М.И. Парфеня рассмотрела значение грамотности в мирском самоуправлении Иркутского и Верхотурского уездов в последней четверти XVII в., Ю.А. Зноско поделился опытом использования ГИС-технологий в реконструкции динамики церковно-административного деления Западной Сибири конца XIX – начала XX в., С.В. Костерин проанализировал состав и специфику работы эмигрантских организаций помощи голодающим в начале 1920-х гг. О.В. Ильиных в своем докладе о коммерческой рекламе в газете «Советская Сибирь» в годы НЭПа рассказала о тематике, структуре рекламных сообщений, частоте их появлений. А.А. Кожаева посвятила доклад изучению феномена трудовой миграции в Сибири в конце 1920-х–начале

1930-х гг. С.В. Шарапов проанализировал ход государственных заготовок зерновой и животноводческой продукции в колхозах Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны.

Конференция завершилась заседанием круглого стола. Как и научная школа, круглый стол был посвящен проблемам исследовательской работы с историческими источниками. Молодые историки обсудили возможности нетекстового изучения исторических источников, влияние информационных технологий на источниковедение, а также поделились личным опытом работы с архивными источниками. Оживленную дискуссию вызвал вопрос о перспективах включения в исторические исследования новых видов источников. В их качестве могли бы выступать видеоролики, записи в интернет-блогах и комментарии к ним и т.д.

Ежегодно проводимая школа-конференция служит площадкой для коммуникации научной молодежи из разных городов России и зарубежья. Участие в ней помогает молодым историкам апробировать результаты своих исследований, наладить связи с коллегами, работающими в рамках схожей проблематики. В целом работа конференции способствует формированию и укреплению научного сообщества в нашей стране.

Статья поступила в редакцию 31.10.2022

Дата рецензирования 29.11.2022

Статья принята к публикации 16.03.2023

DOI: 10.15372/HSS20230215

УДК 002:02(470)

Е.Б. АРТЕМЬЕВА, А.Г. МИНАКОВ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ И ИНФОРМАЦИЯ В БИБЛИОТЕКАХ (LIBWAY-2023)»**Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

20–22 марта 2023 г. в Новосибирске состоялась Международная научно-практическая конференция «Наука, технологии и информация в библиотеках (Libway-2023)», включившая проведение 13 тематических мероприятий. В ее работе участвовали 208 ученых и специалистов-практиков из 13 зарубежных стран и 11 городов России, было представлено 150 научных докладов. На секционных заседаниях активно обсуждались актуальные вопросы работы с книжным наследием, особенности современной книжной культуры, краеведческая деятельность и взаимодействие библиотек с наукой и обществом. Обсуждалось предложение о создании Сибирской ассоциации академических библиотек.

Ключевые слова: Международная конференция (Libway-2023), библиотеки, книжное наследие, книжная культура, технологии, информация.

Для цитирования: Артемьева Е.Б., Минаков А.Г. Международная научно-практическая конференция «Наука, технологии и информация в библиотеках (Libway-2023)» // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 112–114. DOI: 10.15372/HSS20230215.

E.B. ARTEMYEVA, A.G. MINAKOV

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
«SCIENCE, TECHNOLOGY AND INFORMATION IN LIBRARIES (LIBWAY-2023)»**State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The International scientific and practical conference “Science, technology and information in libraries (Libway-2023)” was held in Novosibirsk from 20 to 22 March 2023. The program included 13 problem-thematic events. 208 scientists and practitioners from 13 foreign countries and 11 cities of the Russian Federation took part in the conference and presented 150 scientific reports. At the sectional meetings, the conference participants discussed topical issues of working with the book heritage, the features of modern book culture, local history activities and the interaction of libraries with science and society. The proposal to establish the Siberian Association of Academic Libraries was considered at a special meeting.

Key words: international conference, Libway-2023, libraries, book heritage, book culture, technologies, information.

Международная научно-практическая конференция «Наука, технологии и информация в библиотеках (Libway-2023)», состоявшаяся 20–22 марта 2023 г. в Новосибирске, объединила в Сибири представителей различных отраслей гуманитарных наук из разных стран. Организаторы форума – Сибирское отделение Российской академии наук (СО РАН); Го-

сударственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН; Институт истории СО РАН; Государственная публичная научно-техническая библиотека России; Республиканская научно-техническая библиотека (Республика Беларусь); Российская библиотечная ассоциация. Секция специальных научных, научно-технических и технических библиотек;

Елена Борисовна Артемьева – д-р пед. наук, заведующая отделом, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: artemyeva@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6760-6117>.

Александр Григорьевич Минаков – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: minakov@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5271-5230>.

Elena B. Artemyeva – Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Department, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

Alexander G. Minakov – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

Национальная библиотечная ассоциация «Библиотеки будущего».

За три дня работы проведено 13 мероприятий, в которых приняли участие 208 чел. из 13 зарубежных стран (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан; Вьетнам, Индия, Иордания, Китай, Турция, Шри-Ланка) и 11 городов России. Участниками являлись академики и члены-корреспонденты РАН, доктора и кандидаты наук – руководители и ведущие специалисты научно-исследовательских учреждений (НИУ) РАН и СО РАН, образовательных учреждений, федеральных и центральных библиотек субъектов РФ и вузов, представители профессиональных сообществ. Среди них следует отметить теоретиков в области социальных и гуманитарных наук, библиотекведов, библиографоведов и книговедов, специалистов по информационным системам и процессам; практиков, занятых в сфере библиотечно-информационной и издательской деятельности. Было заслушано 150 докладов¹.

На пленарном заседании участников конференции приветствовали канд. техн. наук, помощник губернатора Новосибирской области (НСО) по вопросам науки, инноваций, образования М.И. Ананич; был зачитан приветственный адрес мэра Новосибирска А.Е. Локтя; выступили председатель СО РАН, академик, проф., д-р хим. наук В.Н. Пармон; научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН академик, проф., д-р ист. наук А.П. Деревянко; д-р техн. наук, проф., президент Национальной библиотечной ассоциации «Библиотеки будущего», научный руководитель ГПНТБ России Я.Л. Шрайберг. Видеоприветствия прислали директора ряда зарубежных библиотек.

В докладах отечественных специалистов были освещены основные этапы развития ГПНТБ СО РАН (д-р ист. наук, директор ГПНТБ СО РАН И.В. Лизунова); охарактеризованы информационный рынок и библиотеки в современных реалиях (д-р техн. наук, научный руководитель ГПНТБ России Я.Л. Шрайберг); показана роль библиотек в формировании единого цифрового пространства научных знаний (д-р техн. наук, главный научный сотрудник Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН – филиала ФГУ ФНЦ НИИСИ РАН Н.Е. Каленов); изложены идеи развития функционала библиотек (канд. техн. наук, директор Национального информационно-библиотечного центра ЛИБНЕТ Б.Р. Логинов). Проекты Всероссийской государственной библиотеки ино-

странный литературы для развития межкультурного диалога, представленные канд. пед. наук, заместителем директора по библиотечной работе М.В. Белоколенко, с интересом были восприняты участниками форума. В их поддержку выступили заместитель декана факультета библиотечно-информационных наук Национального университета Хошимина К.З. Нгуен Тхи (Вьетнам), проф. факультета информационного менеджмента Университета Хаджеттепе из Анкары Б. Йылмаз (Турция), д-р наук, старший преподаватель Университета Коломбо П. Ранавира (Шри-Ланка).

Впервые в истории «Libway» состоялось заседание клуба «Чай со смыслами: встреча науки и бизнеса» (ведущие – д-р ист. наук И.В. Лизунова и канд. техн. наук М.И. Ананич), участие в нем приняли выпускники Президентской программы подготовки управленческих кадров в Новосибирской области, представители науки и бизнеса России и зарубежных стран – Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Индии, Иордании. На сегодняшний день важно понять, как искусственный интеллект скажется на многих сферах нашей жизни, что могут получить учреждения науки, образования и культуры от этих внедрений и возможно ли в принципе его применение в библиотечно-информационной деятельности.

На секции «Краеведческая деятельность библиотек» (ведущие – канд. биол. наук Т.В. Бусыгина и Л.А. Мандринина) были представлены доклады о создании актуальных краеведческих ресурсов в различных форматах с применением достижений в сфере цифровых информационно-коммуникационных технологий. Большой интерес вызвали доклады сотрудников Института истории СО РАН – д-ра ист. наук О.Н. Шелегиной, д-ра ист. наук Г.М. Запороженко и канд. ист. наук Н.А. Куперштох о ресурсах новосибирского Академгородка по науке и культуре. Д-р пед. наук Е.Б. Артемьева (ГПНТБ СО РАН) призвала участников конференции присоединиться к инициативе региональных национальных библиотек по созданию портала «Письменное историко-культурное наследие коренных народов Сибири и Дальнего Востока», где будут представлены электронные коллекции. Поднимался вопрос о подготовке кадров для создания современных ресурсов институтов памяти (д-р пед. наук Л.Г. Тараненко, канд. пед. наук В.В. Мишова, Кемеровский государственный институт культуры).

В работе секции «Книжная культура в ретроспективе и современной проблематике» (ведущие – д-р ист. наук И.В. Лизунова и канд. ист. наук О.Н. Альшевская) участвовали ученые – представители таких областей гуманитарных знаний, как история, культурология, книговедение, политология и филология.

¹ Международная научно-практическая конференция «Наука, технологии и информация в библиотеках», посвященная 105-летию ГПНТБ СО РАН. 20–22 марта 2023 г. URL: <https://www.libway.ru/> (дата обращения: 11.05.2023).

На секции «Книжное и документальное наследие: проблемы выявления, сохранения и исследования» (ведущий – канд. филол. наук А.Ю. Бородихин) освещались актуальные проблемы историко-филологического изучения рукописной книжности, описания состава книжных собраний государственных и церковных хранилищ, создания цифровых коллекций.

Некоторые аспекты повышения эффективности информационного обеспечения науки библиотеками разных типов и видов рассматривались на секции «Наука – библиотека – общество: грани взаимодействия» (ведущие – д-р пед. наук О.Л. Лаврик и д-р пед. наук Е.Б. Артемьева). На мероприятиях «Библиотеки в инфраструктуре открытой науки» и «Четыре кейса Библиотеки для открытой науки» (ведущий – д-р пед. наук Н.С. Редькина) были продемонстрированы кейсы, позволяющие ответить на вызовы современности и определить приоритеты устойчивого развития библиотек в условиях ограничений доступа к информационным ресурсам, найти выходы в решении проблем информационного обеспечения специалистов.

Дискуссия представителей разных отраслей науки и практиков была продолжена на заседании, посвященном созданию Сибирской ассоциации академических библиотек, которая могла бы повысить эффективность информационного сопровождения ученых и специалистов в условиях постоянно меняющейся научно-образовательной и социокультурной среды (ведущие И.В. Лизунова, Е.Б. Артемьева). Основная цель ассоциации – координация усилий организаций по информационно-библиотечному обеспе-

чению ученых и специалистов научно-исследовательских учреждений и вузов Сибири, совместное формирование и использование информационных ресурсов и технологий, продвижение разработок отечественных специалистов. В поддержку этой идеи выступил постоянный комитет секции специальных научных, научно-технических и технических библиотек Российской библиотечной ассоциации; впоследствии предложение о создании Ассоциации библиотек учреждений науки и вузов было поддержано учеными СО РАН на заседании Президиума 30 марта 2023 г.

Конференция 2023 г. завершилась, принята резолюция [Альшеевская, Артемьева и др., 2023], планируется продолжение дискуссии по теме «Наука, технологии и информация в библиотеках» – в следующем году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альшеевская О.Н., Артемьева Е.Б., Бородихин А.Ю., Бусыгина Т.В., Курмышева Л.К., Лизунова И.В., Махотина Н.В., Минаков А.Г., Новикова Н.В., Плешакова М.А., Пшеничная Е.В., Редькина Н.С. Международная научно-практическая конференция «Наука, технологии и информация в библиотеках (Libway-2023)». Краткие итоги // Труды ГПНТБ СО РАН. 2023. № 1. С. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-1-63-72>.

REFERENCES

Alshevskaya O.N., Artemyeva E.B., Borodikhin A.Yu., Busygina T.V., Kurmysheva L.K., Lizunova I.V., Makhotina N.V., Minakov A.G., Novikova N.V., Pleshakova M.A., Pshenichnaya E.V., Redkina N.S. (2023). International scientific and practical conference «Science, technology and information in libraries (Libway-2023)». Brief summary. *Trudy GPNTB SO RAN*. No. 1, pp. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-1-63-72>. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.05.2023

Дата рецензирования 15.05.2023

Статья принята к публикации 15.05.2023

DOI: 10.15372/HSS20230216

УДК 069+930

Н.А. ТОМИЛОВ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: НОВАЦИИ В МУЗЕЙНОМ МИРЕ.
МУЗЕЙНЫЙ МИР А.М. РАЗГОНА: СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ /
ОТВ. РЕД. И.В. ЧУВИЛОВА, О.Н. ШЕЛЕГИНА. М.: КВАДРИГА, 2022. 416 с.**

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
РФ, 644024, г. Омск, пр. Маркса 15/1

Рецензия представлена на труд «Новации в музейном мире. Музейный мир А.М. Разгона» (2022), который включает разделы о жизни, деятельности и музееведческих исследованиях профессора А.М. Разгона (1920 – 1989) – выдающегося российского историка и музееведа советской эпохи, а также три раздела с его работами по направлениям «История музейного дела», «Теория музейного дела» и «Музей и общество». В мемориальных очерках и в вводных статьях современных музееведов к работам А.М. Разгона раскрывается вклад ученого в изучение теории, истории и практики музейных процессов в России и мире. В рецензии дается оценка этим работам, показана актуальность данного исследования.

Ключевые слова: музееведение, история музейного дела, историография, Аврам Моисеевич Разгон, периодизация российского музееведения.

Для цитирования. Томилов Н.А. Рецензия на кн.: Новации в музейном мире. Музейный мир А.М. Разгона: сборник документов и материалов / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. М.: Квадрига, 2022. 416 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 2. С. 115–117. DOI: 10.15372/HSS20230216.

N.A. TOMILOV

**BOOK REVIEW: INNOVATIONS IN THE MUSEUM WORLD.
A.M. RAZGON'S MUSEUM WORLD: COLLECTION OF DOCUMENTS AND MATERIALS /
EDS.: I.V. CHUVILOVA, O.N. SHELEGINA. MOSCOW: KVADRIGA, 2022. 416 p.**

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology,
15/1 Marx Ave., Omsk, 644024, Russian Federation

A review of the collective monograph “Innovations in the museum world. A.M. Razgon’s museum world” (2022), which includes sections on life, activity and museological research of Professor A.M. Razgon (1920–1989) – an outstanding Russian historian and museologist of the Soviet era. It gives an assessment to the authors’ team and their work on the book including a block of essays about A.M. Razgon and three sections with his works in the areas of “History of museum activity”, “Theory of museum activity” and “Museum and society” with introductory articles by modern museologists, that reveal the contribution of this scientist to studying the theory, history and practice of museum processes in Russia and the world.

Key words: museology, museum history, historiography, Avram Moiseevich Razgon, periodization of Russian museology.

Рецензируемое издание относится к уникальным. Безусловно, оно войдет в состав фундаментальных коллективных научных трудов российского музееведения наряду с такими изданиями последних десятилетий, как «Терминологические проблемы музее-

ведения» [1986], «Музееведение. Музеи исторического профиля» [1988], «Музееведение. Музеи мира» [1991], «Слово о соратнике и друге (к 80-летию А.М. Разгона)» [1999], «Российская музейная энциклопедия» в двух томах [2001], «Основы музее-

Николай Аркадьевич Томилов – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: n.a.tomilov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8105-0573>.

Nikolay A. Tomilov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

дения. Учебное пособие» [2005], «Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков» [2010] и др.

Основную часть рецензируемой работы составляют научные исследования доктора исторических наук, профессора Аврама Моисеевича Разгона (1920–1989) – выдающегося ученого, внесшего во второй половине XX в. наиболее существенный вклад в историко-музееведческую сферу исследований.

В книгу вошла 21 публикация А.М. Разгона, а всего в списке его научных трудов (он дан в конце книги), включая статьи в энциклопедиях, 155 наименований. Его первая публикация в области музееведения увидела свет в 1954 г., и весь последующий период отечественного музееведения, включая 1980-е гг. связан с именем А.М. Разгона. О его достижениях в науке, особенно в развитии музейного дела, писали такие известные историки и музееведы, как И.В. Белозерова, Т.Г. Игумнова, К.Г. Левыкин, У.М. Полякова, Д.А. Равикович, Н.Л. Рубинштейн, Л.И. Скрипкина, Э.С. Угрюмова, С.О. Шмидт и другие, а также его супруга Е.З. Ардашников. Список избранных публикаций о А.М. Разгоне помещен в данной книге.

Высокий научный уровень рецензируемой работы обеспечен также благодаря участию специалистов в области музееведческих исследований: авторов-составителей книги Л.И. Скрипкиной, И.В. Чувиловой, О.Н. Шелегиной, авторов очерков и вводных статей И.В. Белозеровой, Г.М. Запорожченко, Н.Н. Покровского, а также зарубежных коллег – П. Ван Менша (Нидерланды) и З. Странского (Чехия).

Книга открывается мемориальным разделом, в который вошли очерки Л.И. Скрипкиной и И.В. Чувиловой «Разгон А.М. Биографическая справка», П. Ван Менша «Аврам Разгон и международное музейное сообщество» и З. Странского «Воспоминания об Авраме Моисеевиче Разгоне». Их авторы отметили мировой уровень исследований А.М. Разгона в областях истории и музееведения, а также актуальность и востребованность его научных трудов и идей среди современных ученых и специалистов в сферах изучения и использования в практической работе историко-культурного наследия.

Основную часть книги составили три тематических раздела – «История музейного дела», «Теория музейного дела», и «Музей и общество», в которых помещены в хронологической последовательности работы А.М. Разгона, а также вводные статьи авторов сборника. В них раскрыты новаторские поиски и решения А.М. Разгона в его многообразных трудах по теории, истории и практике музейного дела.

В конце 1950-х – 1960-х гг. НИИ музееведения создавал серию «Очерки истории музейного дела в России» и затем серию «Очерки музейного дела в СССР», в которые вошли и статьи А.М. Разгона. Су-

щественным завершением на определенном этапе этой работы была подготовка и защита А.М. Разгоном в 1973 г. докторской диссертации «Исторические музеи России. 1861 – 1917», введение к которой помещено в рецензируемой книге. Кроме того, в первый раздел вошли работы А.М. Разгона по истории Государственного исторического музея, истории советского музееведения, истории разработки научной терминологии музееведения. Здесь также помещен очерк А.М. Разгона о своем учителе «Научно-музейная деятельность профессора Н.Л. Рубинштейна» (1969 г.). Составители книги включили в данный раздел и статью самого Н.Л. Рубинштейна «Ценное начинание» (1957) о работе НИИ музееведения по созданию истории музейного дела в СССР. С двумя вышеназванными учреждениями А.М. Разгон был напрямую связан – в 1953 г. он стал работать в НИИ краеведения и музееведения, переименованном в 1955 г. в НИИ музееведения, и в 1969 г. – в НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, и трудился в нем около 20 лет, а в 1971 – 1988 гг. он работал в Государственном историческом музее. Об этих этапах его научной и творческой деятельности повествуется в вводной статье к указанному разделу И.В. Чувиловой «А.М. Разгон – сотрудник НИИ музееведения и историк музейного дела» и во втором разделе в статье И.В. Белозеровой «А.М. Разгон и Государственный исторический музей».

В работах А.М. Разгона, включенных в раздел «Теория музейного дела», освещаются многие методолого-теоретические проблемы музееведения. Прежде всего, музееведение он рассматривал как общественную науку, дал определение ее объекта и предмета, обосновал основной метод и структуру музееведения, понятийный аппарат этой науки, необходимость изучения истории музейного дела, раскрыл социальные функции музеев. Ему принадлежит разработка теоретических положений, касающихся научной документации музейных источников, идентификации музейности, музейной коммуникации и др. Особый интерес вызывает подготовленный им историографический обзор теоретических разработок в музееведении ряда европейских стран, в том числе в музееведческом источниковедении. Важное значение имеет обоснование А.М. Разгоном предмета музееведения как процессов познания социокультурной действительности через особые стороны первоисточников – музейных предметов.

Особое внимание в работах А.М. Разгона уделено статусу музея как научно-исследовательского учреждения, а также направлениям и особенностям музейных исследований в области профильных наук и в самом музееведении. При этом исследователь подчеркивает сопряженность музееведения со вспомога-

тельными историческими дисциплинами на уровнях субординации, координации и особенно – интеграции. Он отмечал, что объектом для этих наук являются музейные источники. Но предметы исследования разные. Так, для музееведения – это специфические стороны указанных первоисточников, особенности изучения и использования музейных предметов (источников). В связи с этим А.М. Разгон существенной стороной в музееведении считал всестороннее и полное документирование музейных первоисточников и призывал расширять работу по каталогизации музейных коллекций. При разработке и реализации концепции экспозиции А.М. Разгон полагал необходимым условием для насыщенной и продуктивной передачи знаний через музейные предметы комплексность работ на основе творческого союза музейных работников с художниками, архитекторами, инженерами.

Следует отметить, что глубокий анализ теоретических разработок А.М. Разгона в области музееведения выполнен признанным специалистом в изучении теории и практики музейного дела Л.И. Скрипкиной в ее вводной ко второму разделу книги статье «Теоретическое наследие А.М. Разгона в контексте глобальных тенденций и развития российского музейного дела в конце XX – начале XXI вв.». Ею сделан вывод о том, что теоретические исследования А.М. Разгона сохраняют актуальность и востребованность для музееведения и музейного дела и в наши дни.

Кроме того, Л.И. Скрипкиной освещены основные направления и тенденции развития музееведческих знаний и музейного дела в 1980–1990-х гг. и в начале 2000-х гг. Интерес вызывает ее интерпретация 1960–1970-х гг. как времени размежевания музееведения и профильных дисциплин, при этом она показывает ведущую роль А.М. Разгона в создании в исторической науке музейного источниковедения, рассматривает его критику музееведческих концепций постмодернизма, предостережение от вторжения текстового подхода к созданию музейных экспозиций, освещает особенности теории коммуникации и ее роль в музейной практике (обсуждая вопрос о том, надо ли в работе с посетителями музеев ставить на первое место досуг). Л.И. Скрипкина с оптимизмом отметила и произошедший сдвиг в последние годы в музееведении и музейном деле в целом, характеризующийся привлечением и анализом всего комплекса источников для изучения музейными способами тех или иных явлений и событий конкретной эпохи, а

также усилением значения исторической и культурологической интерпретации историко-культурного наследия, возрастанием социокультурной роли музеев и превращением их в научно-образовательные центры.

В третий раздел «Музей и общество» вошли статьи А.М. Разгона, раскрывающие роль музеев в развитии краеведения, в распространении знаний об обществе и природе среди посетителей музейных экспозиций, в формировании мировоззрения и исторической памяти советских людей. Включены также его статьи о месте в музейной сети страны школьных музеев, о задачах и направлениях работы музеев, о подготовке кадров музейных специалистов. Полноценный анализ этих работ осуществлен в вводной статье Г.М. Запороженко, О.Н. Шелегиной и Н.Н. Покровского «Наследие, власть, общество в трудах А.М. Разгона». Авторы данной статьи подчеркивают значение изучения темы взаимоотношений музеев и власти, государственного руководства музейными процессами, его влияния на качество и результативность музейной деятельности.

Начало музееведческих исследований А.М. Разгон относил к XVI в. Не вдаваясь в разработки периодизации истории музееведения, отметим, что в общем виде она может быть представлена в виде трех периодов. Первый период – донучный – охватывает XVI – середину XIX в. Второй период начинается с 1860-х гг. с постепенного формирования музееведения как самостоятельной науки благодаря усилиям самих музеев и научных сообществ. Третий период – с 1930-х гг. по настоящее время – имеет два этапа: первый заканчивается серединой 1940-х гг.: музееведческие исследования на данном этапе стали проводиться помимо музеев научными институтами, вузами и др.; второй этап – со второй половины 1940-х по настоящее время – характеризуется интенсификацией музееведческих, особенно методолого-теоретических изысканий, созданием систем музееведческого образования, появлением музееведческих научных центров в ряде стран, а в России – в десятках городов и т.п. Вклад А.М. Разгона, историка и музееведца мирового уровня, в развитие музееведения настолько велик, что по праву 1950 – 1980-е гг. можно определить как эпоху Разгона в этой науке. А на основании выводов авторов статей этой книги можно с определенной долей условности речь вести о продолжении этой эпохи в российской науке и в настоящее время.

Статья поступила в редакцию 09.11.2022

Дата рецензирования 01.12.2022

Статья принята к публикации 16.03.2023

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ШИШКИНА С ЮБИЛЕЕМ!

23 марта 2023 г. главному научному сотруднику сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН, доктору исторических наук, профессору В.И. Шишкину исполнилось 75 лет (фото В.П. Дубровского).

Владимир Иванович – признанный специалист в области изучения революции 1917 г. и гражданской войны в России, более полувека посвятивший научно-исследовательской работе.

В августе 1969 г., В.И. Шишкин, еще студент 5-го курса Новосибирского государственного университета (далее – НГУ), был принят на должность старшего лаборанта в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. С декабря 1970 г. работал младшим, с декабря 1977 г. – старшим, с ноября 1986 г. – ведущим научным сотрудником, с мая 1989 г. – заве-

дующим отделом истории советского общества этого института. С января 1991 г. возглавлял отдел истории советского общества Института истории СО РАН, с ноября 1991 г. исполнял обязанности заместителя директора по науке. С августа 1993 г. вновь заведовал отделом истории советского общества, с 2001 по 2018 г. и в 2019–2021 гг. – сектором истории общественно-политического развития Института истории СО РАН. Владимир Иванович является единственным сотрудником института, непрерывно работающим в нем вот уже почти 54 года.

За это время В.И. Шишкин стал автором и соавтором почти 600 публикаций разного жанра и объема. В их числе две индивидуальные и три коллективные монографии, 13 сборников документов общим объемом около 520 авторских листов, несколько обобщающих изданий, сотни научных, научно-популярных и научно-справочных статей. Его исследования внесли весомый вклад в изучение истории становления Советского государства, вооруженного антикоммунистического сопротивления в Сибири, политических систем и режимов контрреволюции на востоке России в годы гражданской войны.

Под руководством Владимира Ивановича за последние 30 лет были реализованы 23 исследовательских проекта, посвященных различным вопросам взаимоотношений общества и власти в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половине XX в. Все эти проекты были поддержаны российскими и зарубежными научными фондами, а достигнутые в ходе их реализации результаты получили высокую оценку специалистов.

Исследовательскую деятельность В.И. Шишкин всегда успешно сочетал с научно-организационной работой. В 1982–1991 гг. он являлся ответственным секретарем пятитомной «Истории крестьянства Сибири» и заместителем главного редактора ее третьего тома, в 2000–2001 гг. – руководителем авторского коллектива научно-справочного издания «Сибирь в лицах», в 2009 г. – членом редколлегии трехтомной «Исторической энциклопедии Сибири», в настоящее время он – член главной редколлегии четырехтомной «Истории Сибири». Много лет Владимир Иванович состоит членом редакционных коллегий таких научных журналов, как «Вестник НГУ. Серия: История, филология» (Новосибирск), «Исторический архив» (Москва) и «Санкт-Петербургский исторический

журнал» (Санкт-Петербург), с 2011 г. – членом редакционного совета «Гуманитарных наук в Сибири». С 2014 г. является председателем Сибирского отделения Научного совета РАН «История социальных реформ, движений и революций».

С 1974 г. В.И. Шишкин по совместительству работает в Новосибирском государственном университете. В 1990–2004 гг. заведовал кафедрой отечественной истории гуманитарного факультета. В настоящее время является профессором кафедры отечественной истории, главным научным сотрудником научно-образовательного центра «Наследие» и членом ученого совета Гуманитарного института НГУ. Много сил на этом поприще Владимир Иванович уделяет подготов-

ке научных кадров. Под его руководством защищены 54 дипломные работы, 14 выпускных квалификационных работ, три магистерские, 16 кандидатских и две докторские диссертации. Ученики В.И. Шишкина успешно работают в научной и образовательной сферах, служат в органах государственной власти и управления.

Коллектив Института истории СО РАН и редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» поздравляют Владимира Ивановича с юбилеем и желают крепкого здоровья, новых научных достижений, продолжения активной публикационной деятельности, новых творческих идей и успешной их реализации!

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям: отечественная история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология; этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2021;

- индекс УДК;

- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора, orcid. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;

- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;

- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);

- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков. Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

В библиографической ссылке в тексте указываются в квадратных скобках фамилия (фамилии) автора (авторов) или первые слова названия публикации без автора, год, страница (страницы). В списке литературы дается полное библиографическое описание работы.

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.